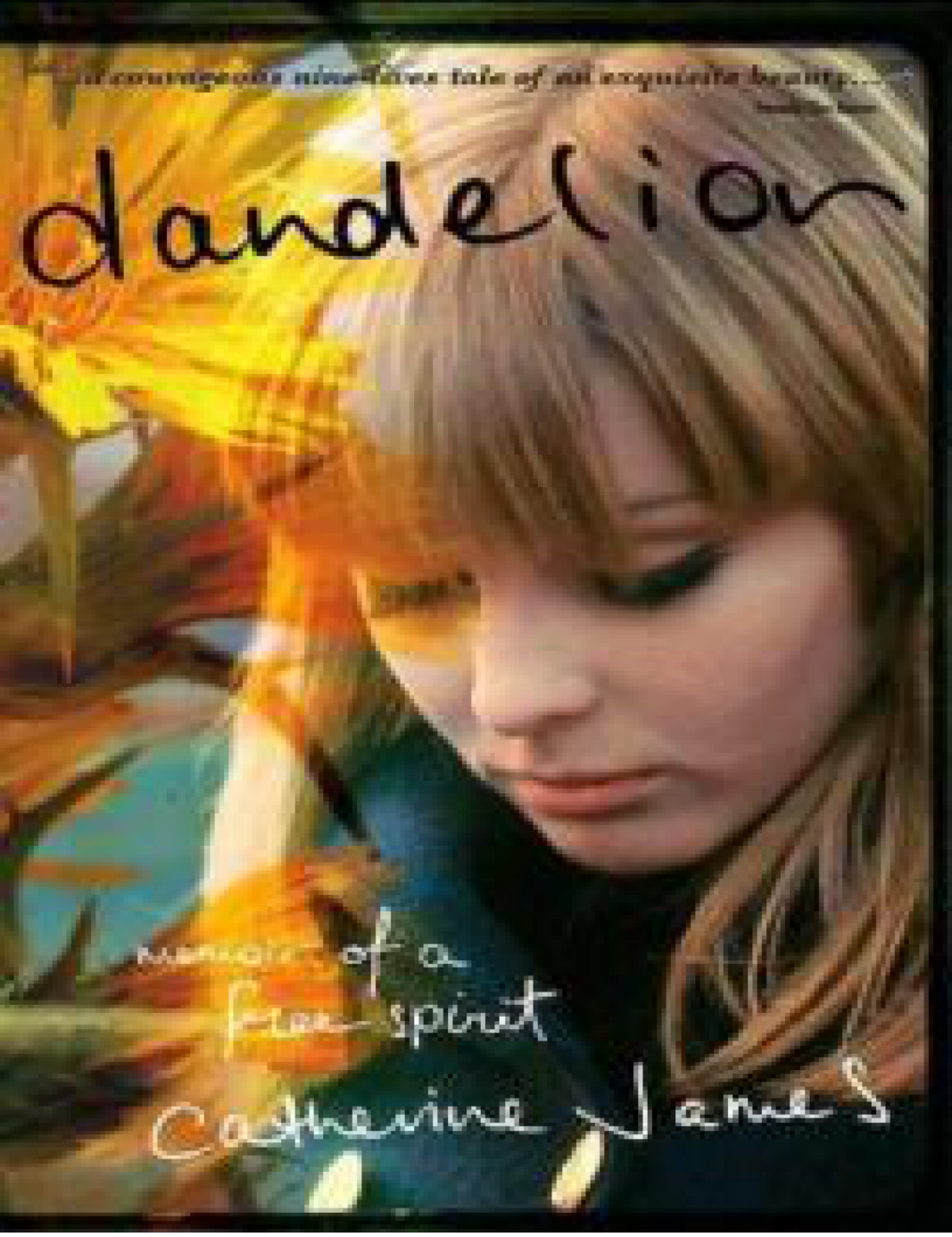

a courageous nine-lives tale of an exquisite beauty...
dandelion
memoirs of a free spirit
Catherine James

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кэтрин Джеймс вела трагическую, но очень яркую жизнь. В своих мемуарах «Одуванчик: Воспоминания свободного духа» она рассказывает читателям обо всем: от ее детства в руках жестоких и небрежных родителей до ее подростковой беременности и ее многочисленных опытов с американскими и британскими рок-звездами в 1960-х годах. Родители Кэтрин развелись вскоре после ее рождения, и позже молодая девушка обнаружила, что ее отец был трансвеститом. Тем временем ее мать жестоко оскорбляла ее, заставляя ее пить мыло или острый соус для наказания, или запирала ее в шкафу, чтобы самой повеселиться с друзьями. Когда Кэтрин было одиннадцать, ей удалось сбежать, но на следующий год ее поймали и поместили в приют; однако он продолжала сбегать из заключения по выходным. Она нашла свой путь на рок-сцену, и когда ей было всего тринадцать лет, она встретила Боба Дилана. К четырнадцати годам она навсегда покинула приют и устроилась работать няней, работая на певца Kingston Trio Джона Стюарта. Кэтрин, тем не менее, продолжала свой путь, добралась до Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке, встретила рокера Денни Лейна и путешествует с ним в Лондон. Ее отношения с Лейном были, по меньшей мере, бурными, она подверглась физическому насилию и родила от него ребенка.

Будучи подростком с ребенком, Кэтрин Джеймс все же сумела прожить светскую жизнь. После развода с Лейном она встречалась с певцом Rolling Stones Миком Джаггером и стала It Girl - поклонницей рок-звезд на знаменитой фабрике поп-артиста Энди Уорхола в Нью-Йорке. Второй брак Кэтрин также плохо закончился, поскольку ее следующий муж был алкоголиком, с которым ей пришлось развестись. В течение 1960-х Джеймс продолжала жить замечательной жизнью. Она общалась с такими известными людьми, как The Beatles, The Who и Джексон Браун, с последним она также встречалась. Она зарабывала деньги, работая на разных работах, в том числе в качестве моделиста и декоратора.

В то время как жизнь Джеймс может показаться гламурной для постороннего, автор страдала от многочисленных плохих, часто оскорбительных, отношений. Рецензенты Одуванчика, однако, оценили тот факт, что книга не выглядит как жалость к себе. «Здесь много боли, но мало наслаждения», как выразился критик Kirkus Reviews. Отметив, что многим читателям может показаться, что книга интересна эпизодическими упоминаниями многих известных исполнителей, Доррис Дуглас отметила в

Library Journal, что именно «изобретательность и сила характера автора» действительно делают мемуары достойными прочтения. Дасти Райт, оценивая книгу для веб-сайта Culture Catch, обнаружил, что невозможно отрицать, что Джеймс «опустошает себя эмоциональными саботажами, которые кажутся настолько возмутительными, что вы клянетесь, что читаете беллетристику. Я прочитал предварительную копию за один присест», пораженный остротой и легкостью, с которыми мисс Джеймс делится своими опасно прожитыми годами". Критик заключил: «Ее крайне неблагополучная семья останется с вами надолго после того, как вы закончили эту книгу».

- Одуванчик: Воспоминания свободного духа
  -
  - 1
    -
    - Но она не успела, неожиданно умерев
  - 2
    -
    - У меня было отличное настроение
  - 3
    -
    - в старом шкафу, стоящем в коридоре
    - 1955
    - Приют для потерявшихся детей и беспризорных оборванцев
    - когда я вырасту, стану миссис Харпо Маркс
  - 4
    -
    - 1957
    - 1961
  - 5
    -
    - государственное учреждение для правонарушителей в Дауни
    - и теперь я могла приезжать к ним на выходные
    - 1963
    - 1964
    - Она проиграла суд
  - 6. Ангелы на моей стороне
    - Майк
    - Джон
    - Ники
    - Арнольд

- самолёт, летящий на восток

○ 7
- 1964, ближе к Рождеству
- без лифта на Восьмой улице
- шикарные дискотеки и танцы–ночь–напролёт
- Зима 1964/65
- Ундины ничего общего не имели с Фабрикой

○ 8
- 1966
- У Бабули делают одежду, которую вы одеваете, перед тем как заняться любовью
- я отправилась обратно в город Нью–Йорк
- спустя пять лет они поженились
- Что за приключения нас ждут впереди?

○ 9
-
- 1968
- Как я мучительно страдала!
- Оставь свою грусть в прошлом
- Как я скажу ему, что возвращаюсь в Англию?
- a magical mystery tour bus
- Денни снова стал бить меня
- Он ударил меня
- Шесть уродливых стежков толстой чёрной ниткой

○ 10
-
- мы все выехали из Лондона в сторону Суррея
- Я просто была счастлива жить там
- «Какая же ты хорошенькая»
- Да, так оно всё и было
- «возможно, сегодня ночью спать мне не придётся»
- Конец августа 1970 года
- Аэропорт Хитроу
- После гастролей мы договорились встретиться в Лос–Анжелесе
- С ними на такси приехала ещё пара друзей
- «У тебя ещё остался мэнди или валиум?»

○ 11
-
- Бревенчатый домик у озера в Коннектикуте.
- Пятнадцать градусов по Фаренгейту ниже нуля
- Очень скоро я обнаружила заслонку

- Ищу машину, бесплатно
- Три сотни долларов в неделю в Ваше свободное время, спросите Боба.
- 1971 год
- а не перебраться ли мне ближе к городу?
- вдруг, мне позвонил Джимми Пейдж
- Да–да, это было именно в 1973 году
- Она перебрала ещё несколько имён, и мы сошлись на Ванессе
- «Катерина, всегда показывай только лучшее»

○ 12

○ 13

-
- но что–то говорило мне, что я должна пойти
- поселимся вместе и поженимся

○ 14

-
- но появилась лёгкая альтернатива
- Я была так счастлива, как никогда в жизни
- мы поженились в Орегоне на берегу озера
- не начать с самого начала
- Вообще–то я здесь из–за отравленных продуктов

○ 15

○ 16

○ 17

-
- 1991 год
- Она клялась, что понятия не имела про что он
- 1993 год
- начать с чистого листа
- Реальность, или опять мои сны?
- Зал Славы

○ 18

-
- «Как мне здесь нравится! Хотела бы я здесь жить!»
- возможность начать писать
- Мне срочно нужен хороший адвокат!
- в зале суда настал мой день
- прозрение
- Я победила!!
- здесь кроется какой–то подвох
- Я позвонила в Калифорнийский университет Лос–Анжелеса

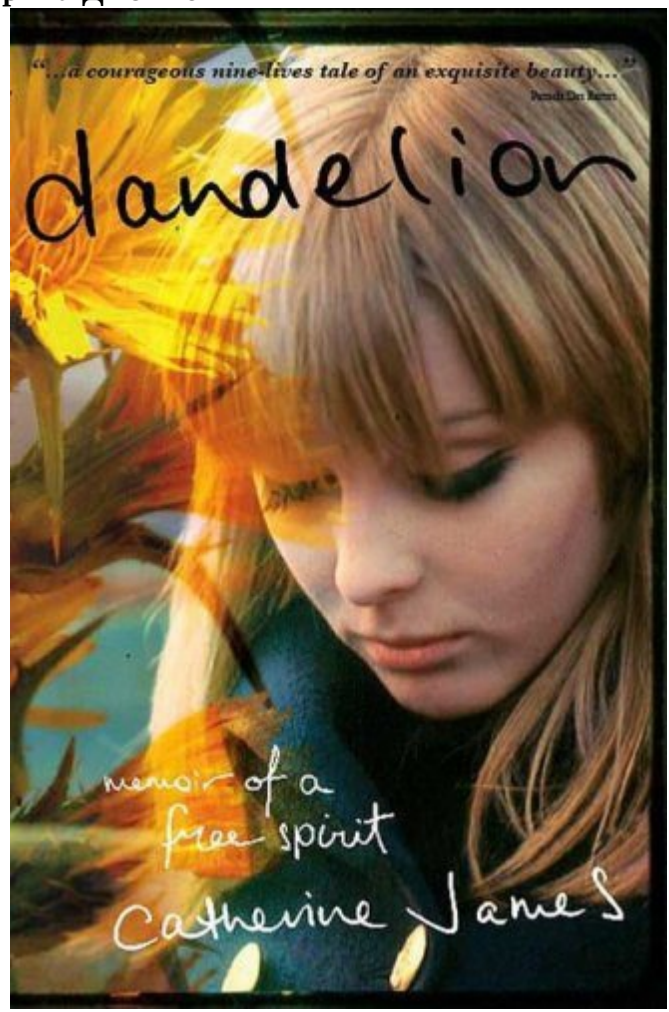
- я — такая же как все, студентка колледжа
- 2002 год

19
20
Эпилог
Приложение

-
- Глава 5. Ускользающая мисс Джеймс

Одуванчик: Воспоминания свободного духа

Катерина Джеймс



Вместо описания: На Катерину Джеймс я вышел благодаря Памеле де Барр. При переводе книги Тони Брауна, я никак не мог понять, где Джими Хендрикс провёл свой последний уикенд. Оказалось, он с друзьям приехал в дом семьи Долтри, в отсутствии Роджера, который был в это время на гастролях The Who, а Катерина и Хизер - старинные подруги. И этот эпизод подробно описан в этой книге.

Внимание: Автор изменила некоторые имена по личным

соображениям, например, мать её все звали Диан, она же пишет Диана, мужа Диан, своего отчима, она просто называет фолк-певцом, также заменила на другое имя Питера, из Питер, Пол и Мэри. Думаю, сделано это для того, чтобы абстрагироваться от их музыкального наследия.

Моей Мими

Благодарю

Дамиана, что старается быть таким замечательным сыном и опорой мне на этой Земле.

Памелу де Барр, за веру в меня и мои способности.

Патти д'Абанвиль, за долготерпение и умение выслушать меня и вычитать мою рукопись.

Роджера Долтри, верного моего друга, убедившего меня написать эту книгу.

Денниса Вилера, самого незаменимого человека, научившего меня пользоваться компьютером.

Овидия Поупа, у которого всегда находилось время помочь мне в моих устремлениях.

Габриэля Бирна, вдохновившего меня на написание этой книги.

Питера МакГигана, моего агента, сделавшего для меня всё невозможное.

Элизабет Биэр, моего издателя, за внимание к моим попыткам и искренний энтузиазм.

всех тех удивительных людей, которые вошли в мою жизнь. Благодарю вас.

Слово, сказанное Роджером Долтри в защиту Одуванчика

Катерина — одна из тех, без кого я мог бы погибнуть в вихре шестидесятых. О том, как не погибла она сама, о её необыкновенной жизни — искренне рассказывается в этой книге, свидетельствующей о силе её духа.

1

Впервые, будучи уже состоявшейся женщиной, я увидела своего отца в большом старом ресторане Муссо и Франка Гриллов на Голливуд–бульваре. Он позвонил мне за неделю до этого и попросил встретиться, так как хотел сообщить мне что–то очень важное. Звучало убедительно, но он не хотел об этом говорить по телефону. У меня были некоторые подозрения, о чём именно он хотел со мной побеседовать, но я даже не могла представить себе, что мне предстояло в этот незабываемый день.

К полудню я уже была там. У Муссо, как всегда стоял приглушённый гул голосов состоятельной публики, и действовала целая армия вышколенных официантов, чопорных, как накрахмаленные скатерти столов, выстроившихся в ровные ряды.

Моё сердце замерло, когда я увидела внушающее трепет существо, стыдливо прикрывающееся цветастым носовым платком и смотрящее в мою сторону.

— Господи, не допусти, чтобы оно было моим отцом! — воскликнула по себя я.

Его взгляд, обращённый ко мне, на мгновение лишил меня чувств, как если бы сила притяжения внезапно увеличилась и в коленях я почувствовала бы всю тяжесть земли. Я выросла в Голливуде и с детства привыкла не обращать внимания ни на мужчин переодетых в женское платье, ни на трансвеститов или транссексуалов, но это был мой отец! Когда я была ребёнком, мы часто заходили сюда за горячими блинами. Делая неимоверное усилие, я направилась к тому обтянутому коричневой кожей дивану, который выбрал он, и попыталась изобразить на лице милую улыбку, как если бы всё это было совершенно обычным делом. Он вскочил, поприветствовать меня, а я выдавила из себя:

— Привет, пап, — и слегка коснулась его напудренной щеки.

Вместо солидного мускулистого гонщика ралли, каким он мне запомнился в юности, стояло передо мной что–то неизвестное, жутковатое. Наклонившись поцеловать меня, я почувствовала привычный стойкий запах Джек Дениэлса, только на этот раз к нему примешивался запах туалетной воды гардении. Этот сладковатый удушливый запах напоминал запах использованных салфеток с вишнёвым экстрактом. От него пахло, как из сумочки моей бабушки. Сев, он положил ногу на ногу, эти свои костлявые затянутые в нейлон длинные ноги и этак элегантно вытянул перед собой большие руки.

— Ты удивлена? — сияя, спросил он.

Я не вполне была уверена, что я ему на это смогла бы ответить. Сказать, обижена, оскорблена, убита? Я набралась храбрости и произнесла:

— Ого, я в восхищении.

Отец не мог дождаться, чтобы не наполнить меня ужасающими подробностями своих операций. Пока он с восторгом рассказывал, как доктор «отщипывал» его «личные части» и конструировал ему настоящую вагину, я находилась в предобморочном состоянии.

На нём была вызывающая одежда, наклеены длиннющие ресницы, и наложены радужные голубые тени. А его светло голубые глаза подведены чёрными старомодными длинными рыбьими хвостами. Брови театрально подкрашены тёмно–коричневым в контраст с толстым слоем мертвенно–бледной пудры. Вместо губ — пунцово–красное пятно, а на его длинных мочках болтались крупные серебряные серьги в виде колец. Свой золотой Ролекс он заменил на изящную дамскую версию, а на пальцах — женские кольца. Их я узнала, они принадлежали его покойной жене, Лорен, и они глубоко врезались ему в опухшие пальцы. Общий вид довершали красная дамская сумочка в стиле пятидесятых и коричнево–красные туфли–лодочки на шпильках.

Более чем странно было видеть моего папочку во всех этих женских традиционных регалиях. На нём была вязаная кофта и короткая обтягивающая юбка, из–под которой торчали его прямые как палки ноги. И чтобы совсем уж довершить наряд, на свои седеющие волосы он надел длинный тёмно–коричневый парик, который ему приходилось поправлять, так как тот всё время непослушно съезжал вбок. Его новый имидж меня пугал.

Когда официант подошёл к нашему столику принять заказ, мой папа вдруг напряг связки и скрипучим пронзительным шёпотом заказал жареных крылышек и двойную порцию джека со льдом. Мой аппетит заметно уменьшился, но я всё же насколько могла бодрым голосом заказала себе салат из морепродуктов, пиво и коктейль. Только официант ушёл, как моему отцу вернулся его прежний тембр голоса. Надеюсь, нам удалось разыграть его — просто две весёлые тётки зашли перекусить.

— Ну, так как? Что ты думаешь? Тебе нравится? — продолжил он.

Единственное слово, которое у меня было готово сорваться с языка, было «ужасно», но я взяла всю свою волю в кулак и произнесла:

— Очень мило, ты великолепно выглядишь, к тому же, если это делает тебя счастливым.

Папа взглянул на меня так, как если бы я потеряла рассудок,

и с пренебрежением сказал:

— Ты не думай, я не голубой, я это сделал из–за того, что никогда не изменял Лорен, Бог, да хранит её душу.

Тут я вообще перестала что–либо понимать. Не было ли это уж слишком чересчур? Я слышала, что некоторые проходят дорогостоящие психологические исследования, прежде чем решаются на такие операции. Но очевидно, мой отец был другого мнения об этом.

На самом деле он позвал меня, чтобы сообщить, что в Палм—Спрингс познакомился с новыми людьми, и они даже не догадались, что он был транссексуалом. Он хотел взять меня с собой в пустыню и познакомить меня с этими людьми. Представить меня в качестве кого? Его дочери или её дочери? Он что, в самом деле полагает, что будет теперь моей мамой? Мне определённо потребуется время, чтобы где–то провести черту и ограничить этот абсурд.

Ему всегда нравилось курить во время еды, и теперь он зажёг сразу две лаки–страйкс одновременно — одна была зажата в руке, другая тлела в пепельнице. Но тут он пролил соус прямо себе на кофту, и рассмеялся, припомнив мне, как дедушка часто дразнил меня, говоря: «Малышка, следи всегда, как ты ешь».

Я передала ему салфетку, чтобы он промокнул соус, и незаметно затушила тлеющую сигарету, набрав в чайную ложку воды. Выпив, он всегда становился слезливой сентиментальной размазнёй. Вот и теперь, его понесло:

— Благодарю Бога, что мне удалось найти тебя, ты единственное, что осталось у меня во всём мире.

И далее, в том же духе. Он признался мне, как сильно любит меня, но я это не проглотила. Это было правдой, я — единственный оставшийся член его семьи, и он всегда точно знал, где меня найти. Но в то же время, именно он всегда избегал встречи со мной. Я уже почти допила свой коктейль, и на дне оставалось несколько капель, которые я пыталась с громким хлюпаньем втянуть трубочкой, как в этот момент он вдруг разразился потоками слёз. Что–то в таких случаях меня всегда обезоруживало, и весь следующий час я пыталась успокоить его, но теперь я почувствовала по отношению к нему отчуждение. Это был человек потерявший себя. Но это он дал мне жизнь. И я изо всех сил напряглась и произнесла, что–то несусветное, вроде: «И я тоже люблю тебя».

К нашему столику уже подходило три разных официанта, и когда подошёл ещё один и принёс счёт, я вдруг поняла, что происходит. Они все вертелись вокруг нас, чтобы поглазеть на моего ослепительно раскрашенного отца! Отец порылся в своей

красной сумочке и протянул мне стопку кредиток перевязанных резинкой. Он попросил меня расплатиться, пока он сходит «попудрить носик». Все в этом несчастном ресторане открыто пялились на него, когда он нетвёрдой походкой пробирался между столиками по направлению к дамской комнате.

Перекладывая карточки, я заметила, что он даже изменил имя. Даже на водительских правах было написано: пол женский, рост 6'4» (191 см). А вместо Роберт, теперь стояло имя Робин! И это всё было вполне официально!

Понемногу я начала осознавать, какая долгая трансформация предшествовала этому. Мне стало вдруг ясно, что не всё было сделано из–за Лорен. Он решился на эту процедуру, пока ждал её смерти. Моя мачеха оказалась ревнивой, подозрительной сукой. Уверена, если бы он даже дал малейший повод, она тут же бы подала на развод, предъявив в суде его колготки! Да…

Но она не успела, неожиданно умерев

Патологоанатом вынес заключение, что смерть произошла вследствие сердечной недостаточности. Ух–ты! А что если он в действительности сам убил её? С некоторым содроганием я вывела «Робин Джеймс», присоединив чек к моей коллекции, и пошла посмотреть, чем это занимается в дамской комнате эта великовозрастная девица.

Открыв дверь, я увидела своего отца, почти вплотную прижавшимся к зеркалу и накладывающим добавочные слои пудры. Когда же он взялся за малиновую помаду, я обеспокоилась, как если бы я столкнулась с тем, что не могла бы сделать, и в чём не была бы уверена. Я представила, как ничего не подозревающая какая–нибудь дама зашла бы сюда тоже «попудрить носик», и какой бы её постиг бы удар.

Пока мой папа прихорашивался перед зеркалом, мне вдруг срочно приспичило пописать. Я повернулась, ища глазами кабинку, и увидела в стекле его отражение. Если бы на его месте была бы моя подруга или даже какой–нибудь из моих кавалеров, я бы не задумываясь пописала бы, но присутствие моего отца, в дамской комнате, одетого как тётушка Би, делала это немного слишком личным, поэтому я решила потерпеть. Вот я стою здесь, в небольшой розовой уборной в самом центре Голливуд–бульвара, и смотрю, как мой отец накладывает заключительные слои на уже полностью нарисованное лицо. Как он берёт салфетку, складывает её вдвое и аккуратно проводит ею вокруг губ. Так теперь уже никто не делает, видно этому он научился у своей покойной жены. И вот, бросив последний взгляд в зеркало, он решил, что готов выходить на суд публики.

Я открыла дверь и хотела пропустить его вперёд, тогда я могла бы незаметно выскользнуть за ним, но он вежливо подождал меня и взял под руку, как какой–нибудь подвыпивший шутник. Мы чинно пересекли зал Муссо и Франка и гордо продефилировали к выходу. У дверей мы задержались, он пропустил меня вперёд, открыв передо мной дверь, а я придержала её, пропуская его. Он спросил, не подвезла бы я его до гостиницы, где он остановился, и снова взял меня под руку, как если бы нам трудно было двигаться. И мы направились к стоянке. Вид моего чёрного Фольксвагена, стоящего в самом дальнем углу, вернул мне чувство реальности. Не то чтоб мне снова захотелось вдохнуть свежего воздуха, но я чисто автоматически вынула портмоне, достала квиток, и путь перед моим Фольксвагеном был снова чист. Когда мы сели в машину, я,

наконец, смогла с облегчением вздохнуть. Я взглянула на отца, сидящего на заднем сиденье. Короткая юбка задралась, обнажив бёдра и два нейлоновых шарика, зажатых между его ног. Я понимала, что это могли быть какие–то части чулок, но не была уверена, какие именно. Приглядевшись, с удивлением обнаружила, что на нём было надето две пары колготок, по одной на каждую ногу. Я представила на секунду, как это неудобно, и в то же время постаралась отвести взгляд, так как он одёрнул юбку. Я завела машину, но он произнёс:

— Я хочу показать тебе кое–что.

Он неуклюже провозился с медными пуговицами своего блейзера, затем прямо перед моим лицом с гордостью возникли грудные импланты. Мне никогда не приходилось видеть реальную работу, но это выглядело, как если бы грудь семнадцатилетней девушки прикрепили к шестидесятитрёхлетней лопате, настоящее творение д-ра Франкенштейна. Я испытал шок и потеряла дар речи. Как если бы на меня напали, а я не смогла защитить себя. И я попыталась вызвать в себе оставшийся где–то внутри клочок энтузиазма:

— Отличная работа, пап.

Про себя подумав: «Я бы подала в суд на того маньяка, который сотворил такое с моим отцом».

Я завела машину, дала задний ход и упёрлась в стальное ограждение. Подумала, наверное, помяла бампер, но мне было уже всё равно. Мне хотелось только одного: скорее найти утешение у себя дома. Я снова завела Фольксваген, двигатель заработал, но машина не сдвинулась с места ни вперёд, ни назад. Я вылезла и к своему ужасу обнаружила, что бампер зацепился за стальное ограждение. Единственным выходом из сложившейся ситуации было каким–то образом приподнять машину и прикрепить хромированный бампер назад, но этого я своими силами сделать не могла. Я посмотрела на отца, сама скромность сидела на пассажирском сиденье моей несчастной машины, и я поняла, у него не было ни малейшего желания мне чем–либо помочь. Ах, я же совсем забыла, что он теперь — юная леди. Я посмотрела в сторону служителя–латиноса, который наблюдал за моим фиаско из своей будки. К счастью он пришёл ко мне на помощь, прихватив крепкий лом. Вместе мы надавили и в конечном итоге, изрядно попотев, высвободили машину из капкана. Быстро поблагодарив, сунула ему хрустящую пятёрку и уехала с покорёженным бампером на заднем сиденье.

Я растирала мою несчастную натруженную ладонь, а рядом со мной сидела полностью пришибленная Тэда Бара, только размером с мужчину. Весь день я провела под защитой ледяного

оцепенения, но вот я начала оттаивать. Моя голова пошла кругом, я хотела писать и начала терять самообладание.

Я вела машину по направлению к мотелю Голливудленд, мы влились в туристический поток, минуя автостраду, ведущую в Студио–Сити. Тащась в общем потоке, и зная, что он мог позволить себе лучшее, я спросила:

— Что заставило тебя выбрать это место?

Он промямлил, что–то вроде того, что не хочет быть узнанным, чтобы это ни означало. Дальше я не стала его расспрашивать. Мы попрощались, и он снова спросил:

— Ты действительно думаешь, что мне так лучше?

— Очень мило, — уверила я его и подождала, пока он, балансируя на своих неустойчивых шпильках, не скрылся в дверях своего номера.

По дороге домой по какой–то неизвестной причине у меня вдруг разболелись все зубы, а из глаз брызнули слёзы. Со мной ещё такого никогда не случалось, чтобы я ощущала такую неподдельную привязанность к своему отцу. Он был всегда отсутствующим таинственным мужчиной, моим воображаемым защитником. Родители развелись, когда я ещё была совсем ребёнком, и никогда не проявляли ко мне хоть сколько–нибудь искреннего интереса. И вот теперь оказалось единственным к чему он стремится, это быть рядом со мной. Полагаю, он нуждается в наперснике, в подруге. Как бы то ни было, всё это очень запутано.

С такими мыслями я приехала домой и чувствовала то, что чувствует человек, только что попавший под поезд. Я зарылась в постель и ревела, пока вся моя голова не стала похожа на губку, насквозь пропитанную солёными слезами. Выплакавшись вволю, я поднялась, добрела до холодильника и наколола льда, чтобы приложить к своим распухшим от слёз глазам. И немного погодя отправилась в Блуминдейл купить отцу новую пару крепких туфель на высоком каблуке одиннадцатого размера.

2

Мой непостижимый папа — печальная дамочка, а был он бесстрашным гонщиком ралли, отличным пилотом, и удачливым каскадёром. Я могла поверить во всё, но что он станет носить дамскую сумочку и ходить на шпильках!

Когда Роберт пришёл в этот мир, у его пожилых родителей, Кларенс и Хелен, уже были две замечательные девочки, лет тринадцати–четырнадцати. Клэр была украшением семьи, её лисьи, похожие на лепестки магнолии, зелёные глаза, сеяли трепет в сердца людей. Она заслуженно победила в конкурсе мисс Калифорния и была первой в шествии мисс Америка-1938. Клэр со своей сестрой Лу были парочкой амбициозных юных старлеток, нещадно дразнящих своего маленького братика и считающих его сорной травой в семье. Трое несчастных детей сражались до потери дыхания за внимание к себе.

В нежном шестилетнем возрасте моего голубоглазого светловолосого папу записали Военную Академию Black Foxe, отличающуюся строгими порядками, в надежде, что там из него сделают настоящего мужчину. Окончил он её с медалью.

Подростком в родительском гараже он построил гоночный автомобиль, на котором потом носился по всему Сансет–Стрип, не обращая внимания на плотное движение.

Роберту было семнадцать, когда он встретил Диану, самовлюблённую стройную блондинку с повадками кинозвезды, беспечную, знойную, гламурную, богемную девицу.

В свои восемнадцать она уже чётко представляла своё будущее. Мескал, марихуана, амфитамины. И вот такой неправдоподобно юной женщине было суждено дать мне жизнь.

Мои родители познакомились в средней школе Беверли–Хиллз, и Роберта мгновенно ослепила её дикость. Он накручивал круги вокруг её дома на Палм–драйв, подобно a feisty young tom laying smokin' rubber well into the night. В конечном итоге он привлёк её внимание, их отношения закрутились, и они обвенчались в одной из мексиканских церквей. Не имея своего собственного жилья они устроились в домике для гостей в семейной резиденции моего отца, двухэтажном Медитеррениене, высоко над Сансетом, с великолепной панорамой на раскинувшийся внизу Лос–Анжелес. В ясные дни с нашей веранды вдали виднелись очертания острова Каталина.

У меня было отличное настроение

в то полнолуние 31 мая 1950 года, когда я появилась на свет.

К несчастью новизна отношений моих родителей быстро иссякла. В моём сознании смутно всплывают только некоторые моменты самых ранних моих воспоминаний, но большинство я помню так ярко, как если бы они запечатлелись в моей памяти цветными полароидными карточками. Постоянно в нашем доме разворачивались настоящие драмы; мои юные родители сцеплялись как разъярённые псы, и бились насмерть. Среди ночи меня часто будила какофония ломающейся мебели, звона стекла и ужасающего визга, разносящегося по всем комнатам. Мои родители носились друг за другом с ножами и сталкивали друг друга с лестницы. Из своего окна я часто видела огни полицейских машин, вызываемых встревоженными соседями. Мой дед умел договориться с властями Западного Голливуда, но слишком уж часто моего папу уводили в наручниках.

Ясно помню последнюю ночь моего пребывания в доме деда. Мой папа, от которого пахло как из коктейль–зала, выхватил меня из кровати и стремглав понёсся вниз по лестнице к своему красному Кадди, стоящему во дворе. Мы заперли все двери, но Диана была уже близко, сверкая лезвием кинжала. В порыве ярости она молотила им в окна, затем запрыгнув на капот, порезала крышу Кадиллака в клочья.

Следующее, что я помню, моя бабушка Джеймс, запаковав в небольшой кожаный чемодан мои вещи, отвезла меня в какой–то совершенно невероятный дом в центре Лос–Анжелеса. Огромный четырёхэтажный дом в Викторианском стиле, расположенный на полого уходящем вниз широчайшем роскошном авеню. Он соседствовал с одним из самых богатых районов — Адамс. Историческое сооружение, носящее имя Kiddy College California, оказался пансионом с традициями прошлого века, принадлежащий престарелой паре, мистеру и миссис Марч.

Миссис Марч была худая и болезненного вида, из тех женщин, которые подвязывают свои волосы белоснежными лентами. У неё было всё, кроме того, чего у неё не было и это всё поддерживалось горой пуховых подушек. На её ночном столике с мраморной столешницей выстроились рядами пузырьки, баночки, бутылочки и стопки коробочек с таблетками. Тщательно выговаривая каждое слово, она медленно произнесла, обращаясь ко мне:

— Детей должно быть видно, но не слышно.

Мне было всего четыре, но я уже тогда сразу поняла, что мы с

миссис Марч никогда не сможем подружиться.

Хотя эта старая дама и была так худа, она обладала строгим визгливым не терпящим возражений голосом, который был слышен на два этажа вниз. Она всеми руководила, не вылезая из своего насеста, богато украшенной в стиле Эдуарда IV кровати, в редких случаях она проплывала как привидение через все спальни в своёй белой ночной рубашке, вселяя в нас, детей, страх. Однажды вечером, после проверки своих владений, она остановилась перед большим овальным зеркалом в нашей спальне и выдернула свой черепаховый гребень из туго затянутых волос. Её волосы оказались такими длинными, что коса, раскручиваясь как свёрнутый в бухту канат, с глухим стуком упала на ковёр. Мне стало интересно, а мои волосы могли бы стать такими же длинными. Если да, то я стану их носить в точности как миссис Марч.

Занятия проходили в отдельном здании, более похожем на небольшой театр. Там была сцена, на которой девочки учились делать реверанс, а мальчики — складывать американский флаг. И если звёздно–полосатый хоть немного коснулся бы при этом пола, его следовало тут же немедленно поцеловать или даже сжечь. Мы сидели плотными рядами за деревянными партами, и не дай бог тебе сделать резкое движение, остаток дня ты проводила, стоя в углу, прижимая к спине палку швабры. Никто из нас не избежал дурацкого колпака. Если тебя вызывали, и тебе не удавалось ответить, тебя сажали на высокий табурет посреди сцены в красном остроконечном колпаке, а другие дети начинали петь незатейливую песенку про грустного маленького помидора.

После уроков мы свободно гуляли по старинному сказочно–волшебному саду. Там был огромный пруд, заросший травой с огромными пучеглазыми жабами и благоухающими кустами аниса с целыми колониями божьих коровок. Но больше всего мне нравились большие оранжевые жучки. Я собирала их в стеклянную банку с зелёными побегами и прятала её в кустах шиповника, на следующий день количество жучков в банке моими стараниями ещё увеличивалось. Хоть и стояло жаркое лето, дети не отпускались домой на выходные (так пресекался сам шанс попроказничать), и до самого заката мы все прохлаждались в школьном дворе.

В школе помимо миссис и мистера Марча работали ещё три человека — мисс Оуэн, крупного телосложения, немного прихрамывающая дама. Помню, дышала она с трудом. Носила она телесного цвета чулки, сквозь которые видны были крупные волосы, сплошь покрывающие её ноги, они завивались и местами спутывались в большие сгустки. Её мягкие ладони всегда пахли

рыбой, а на среднем пальце сверкал серебряный напёрсток. Ей нравилось прохаживаться на уроке за нашими спинами и бить по нашим невинным головкам металлической линейкой, видимо считая, что сделает нас этим более бдительными и внимательными.

Лиззи, худая как жердь негритянка. Она заботилась о чистоте в доме и с нежностью матери намывала нас раз в неделю в ванной. Сначала Лиззи намыливала меня всю душистым детским мылом, затем ополаскивала тёплой водой, держа в руке гибкий душ. Она называла воду, льющуюся на меня, «каплями дождя».

— Не вертись, малышка, мы с тобой должны поймать все эти капли дождя.

Затем насухо вытирала меня мягким белым полотенцем.

Её муж, Старый Джон, был мастером на все руки, менял разбитые стёкла в окнах и усмирял скрипучие двери. Он был также и садовником, ухаживал за цветами и следил, чтобы всегда земля под ними была тучная. Ну вточь, фермер Джон с картинки из старой книги в своей широкополой соломенной шляпе. (Song of the South).

Наша учительница, мисс Оуэн, занимала комнату прямо напротив нашего класса, только чуть–чуть подняться по лестнице. Когда на большой переменке, как ей казалось, мы слишком шумно начинали играть, она высовывалась из своего окна на втором этаже и выплёскивала на нас графин воды, мы с визгом разбегались в разные стороны и бежали на пруд гоняться за жабами.

Я уже давно не была дома, но ночные кошмары возвращались снова и снова. Сколько помню себя, я всегда мечтала, чтобы меня похитил какой–нибудь странник, или, чтобы я потерялась на заброшенной пустынной улице. Ещё я жутко боялась темноты. Когда в спальне тушили свет и дети засыпали, мне чудились полчища невероятного размера насекомых, забирающихся ко мне в постель и ползающих по моей подушке. От страха я писалась в кровати. И когда старая миссис Марч прознала про мои мокрые простыни, я была вызвана в её комнату. Лиззи подвела меня почти вплотную к её трону и оставила так стоять один на один с укутанной в меха владелицей школы. Стараясь не встретить её гневного взора, я сосредоточенно уставилась на розоватое пятно на моей фланелевой ночной рубашке. Ни слова не говоря, миссис Марч схватила стакан с водой, стоящий на её ночном столике и выплеснула его прямо мне в лицо. Я застыла ошеломлённая, мокрая, раскаивающаяся и испуганная.

— Я узнала, что тебе нравится быть мокрой, — сказала она.

Затем она сделала жест рукой по направлению к двери и

сердито бросила:

— Исчезни.

3

Мне не суждено было возвратиться в большой дом на Озета–террас. Моя бабушка Джеймс запретила моим родителям жить вместе, и мне предстояло поселиться в новом доме моей матери.

Диана переехала в бунгало двадцатых годов постройки в нескольких кварталах дальше по Сансету. Моя непредсказуемая и сумасбродная двадцатидвухлетняя матушка теперь была предоставлена сама себе, и хотя у неё была я, её четырёхлетняя дочь, это не мешало её опускаться всё ниже и ниже.

Мама проводила почти все вечера в окружении миловидных, преуспевающих вздыхателей. Я каждый раз с религиозным трепетом наблюдала за её перевоплощениями, когда она собиралась вечером в город. Свои белокурые волосы скручивала в легкомысленный хвост, а свои хорошенькие губки намазывала толстым слоем огненно–красной помады. Сто раз поправляя перед зеркалом свои бусы и втирая многочисленными слоями жирный крем в руки, который пах, как свежие туберозы, шла затем в Уникорн проверить там ли Ленни Брюс, или скользила дальше по Сансету до джазового клуба Ренессанс, принадлежащего её другу Мики. Сейчас этот клуб переименован в Дом Блюза в честь Майлза Дэвиса. Изредка она брала меня с собой, и я засыпала прямо там под звуки вызывающих головокружение быстрых джазовых мелодий. Когда же я оставалась дома, то с меня бралось слово, не отвечать ни в коем случае ни на какие телефонные звонки и никому не открывать дверей.

Быстро заварив мне хлопьев Дядюшки Бена и включив телевизор, она уносилась как ветер, оставляя за собой стойкий аромат своей косметики.

Как брошенный щенок я, находясь взаперти, не сидела сложа руки. Однажды я потратила целый вечер, старательно выкрасив, насколько смогла достать, стены чёрной ваксой для обуви. Другой раз занялась изучением электрического миксера, пока мои маленькие пальчики не застряли во вращающихся спиралях. Но когда я обнаружила ножницы и подстригла себе чёлку совсем как это делала мне она (но при этом почему–то оказались ещё и порезы на голове), мама решила больше не оставлять меня одну дома.

Теперь, уходя, Диана сажала меня перед телевизором в деревянное кресло и привязывала меня к нему одним из её многочисленных кожаных поясков. Обвязав меня за талию, пряжку она оставляла сзади, за спинкой кресла, затем верёвками

связывала мне ноги. Последней передачей по телевизору были новости, которые вёл Джордж Путнем. Каждый раз в самом конце он неизменно повторял:

— Десятичасовые новости — увидимся вскорости.

Затем он вставал в патриотическую позу, когда играл Национальный Гимн. Я же не могла салютовать ему, так как была дома совершенно одна. Затем я принимала приличную дозу телевизионной заставки с изображением индейца. По возвращении домой Диана снимала с меня путы, и я стремглав неслась на свой диван бросить туда моё затёкшее тело. Наутро я пировала кусочками жареного мяса и остатками десерта, принесёнными ею из какого–то чудного кафе, где она провела вечер.

Вот так день за днём протекала наша жизнь, пока однажды мне не удалось изловчиться и выпутаться из оков. Я вышла из дома, и, о ужас, дверь за мной захлопнулась на замок. Соседи, услышав мой рёв, взяли меня к себе, пока Диана не вернулась с прогулки по Сансет–Стрип. С тех пор я спала запертой

в старом шкафу, стоящем в коридоре

Свернувшись калачиком, лёжа в кромешной темноте поверх разбросанных вперемежку дианиной обуви, впивающейся своими шпильками в моё нежное детское тельце, среди множества свешивающихся надо мной её платьев, и прислушиваясь к шуму океана, я чувствовала, что тону. Затем до меня донеслось пение ангелов. Мне даже удалось в этой темноте различить силуэт одного из ангелов. До этого я ещё ничего не знала о религии, но во мне было врождённое ощущение Бога и я знала, что я пришла откуда–то из более лучшего места, чем этот окружающий меня мир. Я молила Его, заснуть и никогда более не просыпаться. Мне хотелось вернуться на Небеса. Каждый вечер, плотно смыкая веки, я готовилась к переходу. После часов, проведённых в шкафу, у меня развилось косоглазие и стала с надеждой вглядываться в темноту. Я до сих пор чувствую на своём теле рубцы от маминых курток и платьев.

Моя мать не спала без снотворного, которое превращало её в безжизненное неподвижное тело. Радио было всё время настроено на станцию, передающую классическую музыку до полудня. Часами я безмолвно стояла, застыв у её кровати с пологом, ожидая, когда же покажутся хоть какие–нибудь признаки жизни. Но вот слабые движения пальцев, и моё детское сердечко начинало успокаиваться, я благодарила Бога, что она всё ещё жива. Я на цыпочках пробиралась на кухню, взбиралась на высокий табурет и шептала Элу:

— Всё хорошо, она ещё дышит.

Эл — это наша маленькая черепашка, живущая в супнице, в которой росла карликовая пальма и была налита вода. Он вытягивал свою крошечную пятнистую голову, и мы вели долгие выразительные беседы. Эл был прирождённым слушателем. Однажды утром он таинственным образом исчез, и я его никогда больше не видела. Мне некому больше было доверять свои переживания и дома мне стало нестерпимо одиноко. Помню, я обыскала тогда каждый закоулок нашего жилища, но так до сих пор и не знаю, что же тогда случилось с Элом.

Когда у матери появлялся новый парень, её могло не быть дома всю ночь. На Новогоднюю ночь она нашла по объявлению двух нянек, и мы совершили дальнее путешествие в Долину Сан–Франциско.

1955

Мои няньки оказались двумя седыми старыми девами, сёстрами, пытающимися хоть как–нибудь раздобыть денег. Я не запомнила их имена, но хорошо помню, что старшая была слепа, плохо слышала и была прикована к постели. Её комната больше походила на больничную палату, обставленную предметами первой помощи, костылями различной конструкций, баллонами с кислородом и капельницами, с сильным запахом сосновой хвои дезинфицирующего средства, смешанным с характерным запахом застарелой мочи. Её вспыльчивая сестра с большой неохотой выполняла обязанности сиделки и также была туга на уши. Обращаясь ко мне, она говорила трубным голосом, что приносило мне нестерпимую боль моим нежным ушам. Они представляли собой забавный дуэт, но совсем неподходящий для пятилетней девочки. По плану я должна была провести с ними ночь, а мать забрать меня утром. Мы уже досмотрели весь новогодний парад по их чёрно–белому Филипсу, а мамы всё не было, и она даже не позвонила. Женщины начали не на шутку беспокоиться:

— Где твоя мать? — ворчала она. — Знаешь, ты не можешь оставаться здесь на весь день!

У неё, как и у меня, начало появляться чувство, что моя мама не вернётся за мной. Эта утомлённая старая дева с натруженными руками, которой приходится постоянно менять утку, а теперь ещё малолетний ребёнок!

Следующие несколько дней она питалась телевизионными обедами Свенсона, а моя диета состояла из консервированных бобов и кукурузных хлопьев. Ещё она таскала меня вокруг дома за волосы.

— Вы вырвите все мои волосы, — возмущалась я.

— Я не собираюсь вырывать тебе волосы, дорогая; только постарайся убраться отсюда поскорее.

Я старалась оставаться спокойной, но определённо она вырвала мои локоны с какой–то целью.

Не зная, что со мной делать, мы все втроём впихнулись в их старенький танкер, погрузив в придачу баллон с кислородом. Эти две старые кобылы высадили меня на МакКларен–Хилл.

Приют для потерявшихся детей и беспризорных оборванцев

Я совершенно не переживала за утрату внимания со стороны этих жёсткосердных сестёр. Я была счастлива вернуться в общую спальню как две капли воды похожую на ту, что была у Миссис Марч, с рядами железных кроватей и возможностью поиграть с другими детьми. Совсем по–другому, чем в материнском доме — с радостным утренним просыпанием, ни теперь ни тёмных шкафов, ни хождения на цыпочках, ни заявлений, что мне не следует делать. Там были обычные, установленные временем, обнадёживающие правила. После утреннего умывания и заправления постелей, дети выстраивались в линейку и парами шли в столовую. Алюминиевые тарелки, гора сваренных вкрутую яиц и штабеля тостов с маслом украшали длинные столы. Дни проходили весело, в игровой были целые шкафы игрушек и красивых кукол. Я мечтала остаться там навсегда.

Но однажды ночью я внезапно проснулась уже одетой от того, что меня тащат по длинному коридору по направлению к кабинету директора — меня кто–то хотел видеть. В приёмной ожидала яркая блондинка в чёрном пальто и высоких каблуках–шпильках. Я почувствовала знакомый запах её духов, заполнивший весь зал. Дама радостно улыбалась и держала в руках совершенно новую куклу. Это харизматическое явление оказалось моей дорогой эксцентричной бабушкой.

В свои сорок девять она была всё ещё оглушающеаппетитной с безупречной бархатной кожей и светящимися зелёными глазами. Её блестящий Линкольн 55–го года ждал у ворот, чтобы забрать меня отсюда.

Звали её Эвелина, но по какой–то необъяснимой причине для меня она была Мими. Всю мою жизнь Мими была моим ангелом–хранителем. Я так никогда и не узнала, как она нашла меня, но с того момента, она всегда оказывалась рядом, когда мне нужна была помощь.

Мими жила с моим дедушкой Альбертом в величественной резиденции на Голливудской равнине. Эл был высоким белобрысым немцем. У него не хватало двух пальцев, но играл буги–вуги так, как если бы они у него были. Я любила сидеть у него на коленях, когда он играл, и мне казалось, что рояль взлетал в воздух вместе с нами. Он мог своей эмоциональной музыкой заставить петь весь дом. Альберт Ньюман играл с биг–бендом под управлением Эйба Лимана и Фила Харриса. Он делал

оркестровки к фильмам, снимаемым RKO и XXth Century–Fox, с участием Эла Джолсона, Фреда Астера и Бинга Кросби. Их дом был всегда открыт для музыкантов и актёров. Хорошо помню, что была просто загипнотизирована идолом гангстерских фильмов Джорджем Рафтом, перед чьим шармом, уверена, слетели трусики ни с одной хорошенькой девушки тех лет. Элегантный, безупречного стиля с проницательным взглядом его источающих опасность глаз… один из первых голливудских «плохих мальчиков». Впервые я увидела мистера Рафта за завтраком вместе с моим дедушкой в кофейне гостиницы Голливуд–Уилшир. Я влюбилась в подаренного мне от всего сердца обыкновенного пуделя. Мими сказала, что дворняжка мне не подходит, но мистер Рафт сунул мне эту чёрную бестию прямо в руки. После этого случая он никогда не приходил к нам без того, чтобы что–нибудь мне ни подарить.

Братья Маркс были постоянными гостями, и я называли их дядьями. Больше всех мне нравился дядя Харпо. Однажды дедушка взял меня на один из их благотворительных концертов, Харпо схватил меня за кулисами и посадил к себе на колени, и, пока они с дедом что–то обсуждали, я заметила в его волосах что–то, что привлекло моё внимание. Это были металлические булавки, воткнутые вокруг его темечка! Я незаметно вынула несколько, и вдруг все его кудри стали съезжать прямо ко мне в руки. Он посмотрел на меня, видно вид у меня был такой серьёзный, что он прошептал:

— О, нет, не делай этого.

И, осторожно высвободив парик из моих ручек, вернул его на место.

Дядя Харпо и дядя Чико всегда делали вид, что соперничают друг с другом: кто из них женится на мне, когда я вырасту. После серьёзных размышлений я решила, что единственным претендентом может быть только дядя Харпо, потому что он первым попросил моей руки. Моё будущее было предрешено:

когда я вырасту, стану миссис Харпо Маркс

Моя Мими — романтическая натура, к тому же обладавшая невероятным чутьём к драматическому искусству. У неё был целительский дар и поразительные способности медиума. Она посвятила меня в тайны нумерологии, чтению линий ладони, интерпретации карт Таро. Однажды она по секрету сообщила мне, что раньше мы жили на другой планете, какой, я так никогда и не узнала. Мы часто с ней уезжали далеко в лес и останавливались где–нибудь на полянке, наслаждаясь сбором лесных ягод и диких лимонов. Она читала мне и знала по памяти множество стихов. Мне нравилось вслушиваться в её любящий и мягкий голос. Особенно я любила, когда она читала мне «Одуванчика».

Одуванчик, одуванчик, златовласый одуванчик,
о чём мечтаешь ты весь день?
Сижу я в высокой траве,
слушаю, как седеют мои волосы.
Одуванчик, златовласый одуванчик,
станешь ты весь седой,
о чём дальше мечтать будешь?
Стану качаться я в высокой траве,
заметят меня дети, начнут играть с ними.
Сорвут меня своими маленькими ручками, дунут,
разлетятся мои волосы по всему белу свету.

Произнесённые ею слова оживали картинками. Я жила в каждом из её рассказов, мне нравилась их певучесть. Она знала название каждого цветка, каждой травинки на обочине, а наше особое внимание было обращено к изысканному лику анютиных глазок. Мими любила Моцарта и Шопена, но более всего любила слушать тишину. Обычно, когда дедушка уходил на киностудию, мы собирались и шли на одну из наших мечтательных прогулок. Одним утром я так переволновалась, что вскочила к ней на постель и стала скакать и вертеться словно дервиш. Когда же я пропустила мимо ушей все её мольбы об успокоении, она вдруг вздохнула, положила свою руку на сердце и упала на ковёр. Она определённо добилась моего внимания. Я соскочила с кровати, наклонилась над её неподвижным телом и прошептала:

— Мими, Мими.

Я потянула её за руку, но она была как неживая.

«Я убила её», — подумала я.

Включив мой игрушечный проигрыватель, я поставила свою любимую жёлтую пластинку с танцами фей Сахарной Сливы. Повернув ручку громкости на полную, я начала танцевать, как если бы танцевала сама Айседора Дункан в надежде оживить её. Я свято верила, что классическая музыка — небесного происхождения и способна вернуть человека к жизни. После нескольких грациозных пируэтов и милых прыжков, мой призыв был услышан, и она волшебным образом проснулась. И всё тут же было прощено. Мими была превосходной драматической актрисой, так как была искренна.

Мими определила меня в католическую школу Беверли–Хиллз, где я научилась правильно писать своё имя и сыграла роль ангела в Рождественском представлении. Я тут же полюбила католическую школу. Мне нравилась чистота и какой–то особенный, хрустящий порядок, кроме этого я знала наверняка, что от меня требуется. Я с рождения страдала от переизбытка духовности, и здесь, в стенах этой школе она стала расцвечиваться для меня животворными красками: Святой Дух, оказалось, жил не только в моей голове, но повсюду. Мне нравился таинственный свет в нашей церкви, и я ощущала глубокое родство к статуям рыдающих Иисуса и Девственницы. Я испытывала благоговейный страх перед Отцом, Сыном и Святым Духом, я как завороженная не могла оторвать глаз от нимбов, святой воды, распятия и совершения таинств. Я мечтала стать монахиней, как наша мать–настоятельница, пройти обряд посвящения, одетой в золотые свадебные ленты, а чуть старше стала мечтать выйти замуж за Иисуса.

4

Два года не было никаких известий о моей матери, с того дня, как бросила меня с этими старыми девами из Сан–Францисской Долины. Она, оказывается, снова вышла замуж и родила ещё одного ребёнка. Однажды, никого не предупредив, Диана вдруг решила заняться моим воспитанием. Думаю, причина была вовсе не в этом, ей нужен был кто–то, кто присматривал бы за её ребёнком. Но Мими так просто никогда не сдавалась. Они схватили меня за руки и стали тянуть в разные стороны. Одна из дома, другая — в дом. Они были так увлечены этой вознёй, что ни одна не подумала, что чуть посильнее дёрнув, могли оторвать начисто мою руку. Наконец, в какой–то момент у Мими ослабла хватка, и моя мать, схватив меня в охапку, впихнула в машину, громко хлопнув дверцей.

— И не вздумай пытаться увидеть её!!

Для меня матерью была Мими. Жизнь с Дианой грозила одиночеством, к тому же я ужасно её боялась. Я поверила, что никогда не увижу снова Мими, но села в машину, не пикнув ни слова.

Дианин новый муж, Джек, — приятной наружности 23–летний сынок преуспевающей в Беверли–Хиллз семьи. Я почти ничего про него не знала, кроме того, что он ездил на необычной английской спортивной машине, которую называл Доретти и работал продавцом в автомобильной фирме в Беверли–Хиллз, принадлежащей его отцу. Думаю, ещё он приторговывал марихуаной. У него были все повадки битника, и только такого безрассудного человека могло привлечь Дианино опасное пламя. Моя мать настаивала, чтобы я обращалась к нему не иначе, как дядя Папа, но было что–то зловещее в этом титуле, что застревало каждый раз в моём горле гримасой омерзения. Я едва знала этого мужчину; и он никак не мог быть моим дядей, и тем более моим папой. Я закрывала глаза и представляла себя невидимкой, говорящей на выдуманном языке.

1957

Я всего семь лет на этой планете, а уже успела пожить в шести различных окружениях и… приобрести двух отцов. Сначала был невероятный хаос в доме моего сперменного отца на Озета—Террас, затем пансион мертвенно–бледной миссис Марч. Мои долгие страдания у Дианы на Холмах и кратковременное пребывание у чокнутых старух–нянек из Долины. МакКларен–Холл был для меня, по крайней мере, наиболее комфортабельным, но первой моей настоящей семьёй стали Мими и Эл. Ну а теперь вот, у меня появился новый дядя, а я оказалась ответственной за судьбу моего младшего братика.

Я быстро научилась менять памперсы, стерилизовать бутылочки и кормить малыша. За исключением обычных забот, Диана с дядей Папой проявляли любовь к своему сыну очень странным способом: они ворковали над ним, мурлыкали и щипали маленького Скота за пухлые щёчки, и редко уходили, не взяв его с собой. Что касается меня, я была для них далёким прошлым. Мама едва догадывалась о моём присутствии и кормила меня исключительно редко. Дядя Папа был добрее ко мне, но никогда не вставал на мою защиту. Когда она засыпала, я кормилась из сахарницы, но старалась не бать слишком много, чтобы она ничего не заметила. Она снова стала привязывать меня к стулу или запирать в спальне, уходя из дома. Моё одиночество разделяла со мной моя кукла с выцветшими каштановыми кудрями и со всё понимающими кукольными глазами.

— Когда я вырасту, — часто говорила я ей, — и у меня родится ребёнок, я буду хорошо заботиться о нём.

Кукла внимательно смотрела мне в глаза, как если бы понимала каждое моё слово. Я полностью была уверена, что она слышит меня, но по какому–то секретному кукольному уговору ей было запрещено разговаривать со своей хозяйкой.

Однажды вечером, когда родители ушли, я услышала лёгкие постукивания в окно моей спальни, и снаружи донёсся знакомый шёпот:

— Это я — Мими, любовь моя.

Это была моя бабушка… она ждала за соседним домом, пока не очистится вражий берег, рискуя вызвать гнев Дианы, только лишь, чтобы увидеться со мной. Мими была единственным человеком на всём свете, к которому я была искренне привязана, и единственной, кто был со мою добр. Даже звук её мягкого голоса способен был облегчить страдания моего сердца. Она принесла сандвичи с арахисовым маслом и пакет розовых

пончиков с взбитым кремом, всё это она умудрилась пропихнуть в щёлочку между стёкол. С того дня мои бабушка и дед стали часто меня навещать. Обычно Мими, принеся еду, вела со мной долгие беседы, прячась в кустах, в то время как дед зорко наблюдал за дорогой. Вот так проходили мои встречи с самыми дорогими моему сердцу существами: совершенно секретно через трещину в оконном стекле.

Второй брак моей матери совсем не был похож на несчастную жизнь с моим настоящим отцом. Он был похож на кусок американского пирога. Диана и Джек были завораживающей парой. У них был ребёнок, новый дом и новый белоснежный Крайслер—Империал, стоящий у входа в дом, а сам дядя Папа стал владельцем местного представительства автомобильной фирмы. Моя мать могла бы вести жизнь преуспевающей леди, но по–прежнему рая на земле не было. Такие же конфликты и ночные скандалы, как и с моим отцом, тогда, в его доме. Диана никогда не успокаивалась, пока не разобьёт и не порежет всё, до чего могла дотянуться.

Однажды ночью дядя Папа, очнувшись от глубокого сна, не нашёл Дианы у себя в постели. Он не нашёл её и нигде во всём доме. Только на следующий вечер он обнаружил, что его бесстрашная юная невеста подмешала в его вино сильнодействующее снотворное, благополучно улизнув из дома на всю ночь. Как ни было прекрасно и чарующе её появление, Джек не смог простить мою дикую, неприручаемую мать. Их злополучный союз не продлился и четырёх лет.

1961

Мы совершили стремительное отступление из престижного Брентвуда обратно в Голливуд, и втроём поселились в двухэтажном типовом крафтсмане на Харриет–стрит в квартале от Сансета.

Наша мать обычно спала до полудня или даже дольше, с телефонной трубкой в обнимку. Моей обязанностью было поддерживать в доме чистоту и следить, чтобы мой четырёхлетний брат не пищал. Если Скоту удавалось издать хоть малейшее чириканье и разбудить её, у меня возникали страшные проблемы.

В одиннадцать я была уже неуклюжей каланчой пяти футов шести дюймов роста, с длинными светлыми волосами, ничем не напоминающая готовый распуститься бутон.

— Ну, посмотри на себя! Разве я могла родить такую уродину? — постоянно слышала я от матери упрёки в мой адрес.

Во мне развилось чувство вины, быть обузой ей, но к несчастью мы не в силах были ничего изменить.

Диана завораживала своими талантами. Кроме её очевидной внешней красоты и безрассудности, у неё был писательский дар и замечательный голос, ещё она играла почти на всех инструментах. Она даже записала пластинку в стиле блуграсс для Электры. Ещё она была талантливой художницей, она могла скопировать любую картину вплоть до самого мелкого штриха, оставив далеко за собой самого искусного фальшивомонетчика. За что бы она ни бралась, казалось, делала она это без усилий. Но в дополнение к этому она была ужасающе эгоистичной и редко говорила, без того чтобы не сказать какую–нибудь гадость.

Самовлюблённый патологический нарцисс. Её увлечение наркотиками не имело никакого значения. Она глотала невероятные дозы возбуждающих, успокаивающих и болеутоляющих лекарств, какие только ни попадали ей в руки. Не думаю, что хоть раз видела её в нормальном состоянии без воздействия успокоительных таблеток. Она называла свои яды «витаминами» и хранила свои запасы в старинном докторском саквояже.

К её многочисленным талантам, она была также и трудолюбивой форточницей, свято верящей, что всё, до чего она могла дотянуться, принадлежало ей. Она внимательно штудировала все некрологи, выбирая адрес очередной жертвы. Поздними ночами я и мой маленький братец становились сообщниками мисс Дианы. Она находила незапертое окно и

подсаживала меня или Скота в створку окна чужого дома, чтобы мы могли изнутри открыть входную дверь. Пока наша мама собирала находящиеся в доме старинные вещицы и другие ценности, один из нас находился снаружи и наблюдал за обстановкой вокруг. Она даже не брезговала стеклянными ручками с входных дверей и настольными лампами. Если бы проводили конкурсы среди воров, она, думаю, получила бы золотую корону. Затем мы помогали ей укладывать трофеи в машину. У меня не возникало никаких сомнений, что мы делаем что–то плохое, а задавать вопросы нашей маме не полагалось. Однажды, когда мы были на экскурсии в историческом 160–комнатном Винчестер—Хаусе, она стянула кружевное викторианское покрывало прямо с кровати. Ещё она инспектировала гаражи и не испытали никаких угрызений совести, когда мы забрались в чей–то медицинский кабинет. Моя мама была настоящей разбойницей.

Меня смущала не только её беззаконная деятельность, но и невероятная привлекательность и очарование. Я считала её всем известной богиней Дианой и одновременно и благоговела перед ней, и страшно боялась её. Возможно, я была не так красива и умна, но она делала всё от неё зависящее, чтобы уверить меня, что я не смогу подражать ей. Она одевала меня в неуклюжие, большего размера одежды, а моя единственная пара туфель, выглядела довоенной модой. Каждую неделю Диана проверяла мои тяжеловесные каблуки, чтобы убедится, что они снашиваются равномерно. И если каблук начинал больше снашиваться с какой–нибудь одной стороны, она упрекала меня, что у меня походка как у «низшего класса» и грозилась купить мне тупоносые оксфордские туфли для девочек, которые более внимательные и послушные и знают как ходят юные леди. Кроме походки, мне предписывалось не потеть, ровно дышать и говорить в её присутствии только с её разрешения. Теперь, обращаясь к ней, я должна называть её «мэм».

В нашем доме на Харриет постоянно устраивались вечеринки, и я бродила в облаках марихуаны. Иногда мама вместе со своими гостями варила в глубокой кастрюле приторно пахнущие почки мескала, и они все тогда отправлялись в психоделические путешествия. К утру наша гостиная приобретала вид поля битвы времён Гражданской войны, с телами, лежащими там, где упали.

Однажды один из участников оргии в темноте проник в мою спальню. Я проснулась от того, что кто–то гладит меня по волосам и нашёптывает разные непристойности прямо мне на ухо. От его слов у меня мурашки шли по спине, и меня всю трясло от ужаса. Ещё никто никогда не говорил мне таких

гнусностей. Он оказался тем распутным маньяком, который настойчиво добивался моей любви, поклявшись ждать, пока я не буду готова. Готова к чему? У меня не было ни малейшей идеи, о чём это они все толкуют, счастливо избегая все их иносказания.

Несмотря на то, что мать никогда не говорила, что любит меня и не ласкала меня, это меня не отпугивало. Я никогда не теряла надежды завоевать её внимание и любовь. Я в безукоризненной чистоте содержала дом, стирала, гладила её одежду и готовила кофе к её полуденному пробуждению. Но как я ни старалась угодить ей, она либо избегала, либо презирала меня.

У меня затеплилась надежда, когда она залюбовалась необычной чернильницей в одном из модных антикварных магазинов на Мелроуз–авеню. Каждый день пока она спала, я брала с собой маленького Скота и обходила наших соседей. Я спрашивала их, нельзя ли мне мыть их посуду, чистить автомобиль и убирать в саду листья, вообще что–нибудь делать, что в моих силах, чтобы заработать сорок долларов, столько стоила та чернильница. Я задумала подарить ей что–нибудь, чтобы умилостивить её горечь и волшебным способом пробудить в ней любовь ко мне. Я копила всё лето, складывая монетки в сигарную коробку, спрятанную под моей кроватью. Я радовалась даже от одной мысли, как она обрадуется своей трудолюбивой дочери.

Наконец я собрала нужную сумму и, завернув бронзовую вещицу в белую бумагу, я перевязала подарок розовой ленточкой.

Я в страхе замирала, когда Диана просыпалась.

— Катерина! — громко кричала она во всю мощь своих лёгких, словно Сатана созывающий своих подданных, и я стремглав неслась наверх, как парламентёр, с предложением приготовить чашечку кофе. Ей нравился очень сладкий, со сливками и я подавала его ей прямо в постель, а она расспрашивала меня с пристрастием, как старшина новобранцев.

— И чем ты занималась всё утро, и где твой брат, и прибрала ли ты в доме?

В тот день её ждал особенный сюрприз. Вместе с кофе я поставила рядом с подносом на кровать моё подношение и замерла в ожидании. Диана стала разворачивать мой подарок, как если бы это была тряпка с платьевыми вшами.

— Откуда это у тебя?

Я стала объяснять, что работала по утрам всё лето, пока она спала и собрала денег, чтобы купить это ей. Последовала долгая молчаливая пауза. Затем произнесённые ею слова ударили меня как набежавшая океанская волна.

— Очень мило с твоей стороны, Катерина, но пусть тебе это послужит уроком: любовь купить нельзя.

Мать моя была безжалостна. Я всеми силами пыталась заслужить её внимание и любовь. Но она оказалась права: я прибегла к взяточничеству.

Хочу рассказать ещё об одной странности Дианы, о её таинственных исчезновений. Я никогда не знала, куда она уходит и когда вернётся. Я просыпалась утром, а её всё ещё не было. Ни записки, ничего, кроме оставленной еды в холодильнике. На целую неделю, а то и больше она не появлялась. Постепенно я привыкла к непредсказуемости её поступков и перестала тревожиться, где она и когда вернётся. Я заботилась о Скоте и следила за домом, но в одно из её исчезновений, случилось одно ужасное происшествие. Я готовила Скоту завтрак и поставила железный ковшик, в котором Диана хранила свиную грудинку, в печь. Сало уже достаточно разогрелось и уже начало коптиться, и я уже собралась поставить кастрюлю обратно в духовку, как вдруг растопленный жир ожил и выплеснулся мне прямо в лицо. Я услышала, как зашипела кожа на моём лице, я схватила кухонное полотенце и попыталась вытереть лицо, но вместе с жиром вытерла с лица чуть ли не всю свою кожу. На следующий день моё лицо было похоже обжаренный на огне зефир. Волдыри затвердели и превратились в твёрдые черноватые струпья. Я не столько боялась за себя, сколько боялась Дианы, что она увидит меня такой. Я выглядела как обгорелый труп, но когда она вернулась домой, казалось, она едва это заметила.

— Я хотела бы знать, за что Бог наказал так тебя, — вот всё, что она сказала.

В этом вся моя мать.

Мы жили всего в квартале от Вест–Голливудской школы. Мать не задумывалась о том, чтобы отнести туда мои документы, поэтому я взяла это в свои руки, и записалась в пятый класс. Однажды после полудня, играя в школьном дворе, я неудачно упала, и что–то хрустнуло у меня в запястье. Школьная медсестра решила, что я сломала руку и отослала меня домой с запиской, где советовала обратится к доктору. Мать прошла в ярость.

— И ты осмелилась ещё жаловаться на школу! Да это Бог наказал тебя, потому что ты не достойна ходить в школу.

Диана едва ли была религиозной женщиной, но имя Его использовала часто, чтобы скрыть свою решительную низость. Каждый раз как я заболевала, или со мной что–нибудь случалось, она говорила, чтобы я подумала, почему Бог наказывает меня. Я не верила, что Бог желает мне наказания, я понимала, что это она сама.

Мне, как себя помню, всё время снились яркие благословенные сны. Однажды мне приснилось, что сижу я на берегу реки и разговариваю с Иисусом. Он нежно взял меня за руку и что–то вложил в неё. Это был простой золотой ключик. Иисус не сказал от какой двери этот ключ, но я инстинктивно почувствовала, что он поручил мне что–то очень важное. Мои сны вселяли во мне уверенность, расширяли мой внутренний мир и отводили от меня ядовитые Дианины стрелы. Этот золотой ключик до сих пор со мной и часто помогает мне не падать духом.

К вечеру моё запястье и пальцы распухли, посинели и пульсировали в ритм моему сердцу, а она даже отказывалась взглянуть, считая, что со мной ничего страшного не произошло. Я попросила у неё разрешения подержать руку в холодной воде.

— Да, как хочешь, но только после того как погладишь бельё.

Неделю спустя, я уже вернулась из школы, двое полицейских и один член Армии Спасения громко постучали в нашу входную дверь.

Я высунулась и прошептала:

— Тише, мама спит.

— Ну, в таком случае, мы разбудим её, — сказали они, проталкивая меня внутрь.

Только не это, чтобы люди в форме, громко топоча своими сапожищами вошли в спальню моей матери, нет, никогда! Поэтому, совершенно спокойным голосом я произнесла:

— Обождите минутку, я позову её.

На цыпочках поднялась по старой лестнице, которая всегда предательски скрипела, когда я хотела сделать что–нибудь очень тихо, и остановилась у изголовья её кровати, заткнутого полупрозрачным сатиновым пологом. Она спала как убитая, а чёрная тушь, не смытая с вечера, зловеще расползлась. Она считала, что должна выглядеть красиво даже во сне. Набравшись храбрости, я произнесла:

— Мама, там полицейские внизу.

Я молила Иисуса, чтобы она не услышала меня, замерев, как мышь, попавшая в мышеловку и ищущая выхода как бы скорее оттуда сбежать. Внизу, в нашей гостиной ждала полиция, моя жизнь висела на волоске. Я не осмеливалась снова навлечь на себя гнев и, решив сказать им, что её нет дома, осторожно сползла по лестнице вниз. Но вмешалась Судьба в лице маминого друга и одного из моих ночных поклонников, Ричарда. Он уже разговаривал с полицейскими, когда я вошла в гостиную. Не знаю, что он им сказал, но они без лишних разговоров спокойно покинули дом.

Ричард был владельцем того ночного клуба, куда мама часто ходила. Думаю, ему было около тридцати. Не могу сказать, что он не был симпатичным. Худощавый, с вьющимися каштановыми волосами, вежливый. Он жил в Голливуде невдалеке от нашего дома и ездил на серебристом Остине–Хейли. Если забыть о его болезненной тяге к школьницам, он проявил искреннюю заботу о моей руке, и я, забыв о его приставаниях той ночью, с благодарностью дала отвезти себя к его знакомому доктору. Он усадил меня в свой двухместный авто и заплатил за приём.

Доктор Побайерс сделал мне рентген руки, и сказал, что перелом стал уже срастаться. Сказал, что на опухшую руку нельзя накладывать гипс и посоветовал всю ночь прикладывать к больному месту лёд, пока не спадёт опухоль. Совершенно ясно, что Диана этим заниматься не станет, и это был счастливейший день для Ричарда. Не дав мне и слова вымолвить, он отвёз меня в свою холостяцкую берлогу, расстелил мне постель на диване и аккуратно наложил мне на руку компресс изо льда. Он просидел рядом со мною всю ночь, периодически меняя лёд.

На следующий день доктор наложил мне на руку белоснежный гипс. Я очень гордилась им, так как это означало, что я вовсе не такая безответственная, как моя мать. Моё запястье на самом деле было сломано, и если бы не счастливое вмешательство Ричарда, моя бы рука срослась криво и вообще на всю жизнь могла бы остаться негнущейся.

Я осталась у моего нового благодетеля, а моя мать не позвонила, и даже не поинтересовалась, где я.

Ричарду видно забота обо мне доставляла большое удовольствие, он повёз меня по магазинам, купил новое школьное платье, и мы сменили мои неуклюжие оксфордки на пару стильных розовых женских туфель на низком каблуке. Мы ходили в кино, прошлись по всему Пассажу в Санта–Монике, играли в скибол и вообще, делали всё, что позволяла делать загипсованная рука одиннадцатилетней девочке. Утром он отвозил в школу, давал деньги на обед, целый доллар, несмотря на то, что обед в школьной столовой стоил всего 35 центов. В три часа Ричард уже стоял перед дверьми школы Вест–Голливуд и ждал меня, сидя на капоте своего спортивного автомобиля, чтобы отвести меня к себе в берлогу. Я относилась к Ричарду как к приёмному отцу и думала, что это продлится вечно. Никаких сексуальных обертонов, никаких намёков или двусмысленных взглядов. Позднее уже взрослой женщиной я поняла, что человеческие взаимоотношения гораздо теплее, чем горящие страницы набоковской Лолиты.

С океаном Ричард был на ты, его сорокасемифутовая яхта

стояла на причале в Марина–дель–Рей. Однажды он взял меня с собой в море, и стал учить меня ходить под парусом. После долгого дня, проведённого в открытом море и под палящими лучами солнца, по дороге домой я заснула у него в машине. Проснулась от беспокойной и грубой руки, шарящей у меня под летним платьем и подбирающейся к моим трусикам. Я оттолкнула его руку, на что Ричард буркнул:

— Ты что, не понимаешь, я же люблю тебя!

Потом он сказал, что мы поплывём с ним на Таити, где принято, что одиннадцатилетние девочки выходят замуж и что никто нас там не найдёт. Я понимала по отдельности всё, о чём он говорил, но не могла осознать целиком смысл, сказанного им. Он говорил со мной, как со взрослой женщиной, я же была ещё совсем ребёнком, и его слова пугали меня. У меня не было никакого жизненного опыта, и я не понимала эмоции, скрытые в его словах. Чтобы отвлечься, я включила транзистор, который он купил для меня, и приложила его к уху, и выдула большой розовый пузырь из жевательной резинки, которая была у меня во рту, думая защититься им от того, что может произойти. Но Ричард нажал на педаль газа.

— Чёрт, Катерина, если ты не выключишь радио и не выслушаешь меня, я разобью эту машину, врезавшись прямо в стену. Я обещаю тебе, я убью нас обоих!

Я положила приёмник к себе на колени и стала смотреть в окно, пока он нёс немыслимую околесицу. Началась настоящая джига, он не был моим приёмным отцом, и я не могла больше оставаться у него в доме. Когда он остановился на светофоре, я выскочила из машины, прямо посреди Сансет и побежала. Возвращаться к матери в дом я не хотела, мне нужно было место, где я была бы нужна, где бы меня просто любили. Единственным таким местом, о котором я подумала, был дом моего отца.

Я не видела его семь лет, когда мне было четыре, но я хорошо помнила дорогу на Озета—Террас. Я прошла весь Сансет–Стрип от Беверли–Хиллз, прошла Доуэни и наконец подошла к большому дому, стоящему на самой вершине холма.

Там всё было как прежде, те же два старых Кадиллака всё ещё стояли у гаража. Большой старый испанский дом под черепичной крышей, кованые ворота, круглая ухоженная лужайка, всё как я помню. Я поднялась по каменной лестнице и встретила в дверях мою гламурную тётю Клэр. Застывшая как статуя, тётя Клэр была, как всегда, одета вызывающе. Обтягивающее чёрное вязаное платье ниже колен, длинная нитка жемчуга и широкополая чёрная шляпа с алой шёлковой розой.

Тётя Клэр, старшая сестра моего отца, была одной из

претенденток на роль Скарлетт О'Хара в «Унесённых ветром». Хотя её и не взяли на главную роль, она появляется в фильме в эпизоде и у неё есть несколько реплик, которыми они с Вивьен Ли перекидываются. Она была замужем за известным хореографом Басби Беркли и в своё время была мисс Калифорнией. Также она снималась в «Девушках Зигфельда», который всё ещё любил те старые добрые времена, когда он купался в лучах славы.

— Твой отец не живёт здесь больше, он женился снова.

Тем не менее, Клэр пригласила меня в дом и предложила позвонить ему. Ничто в этом старом доме не изменилось. Словно время было остановлено. Всё в нём было сохранено с тех пор, как мои дедушка с бабушкой купили его новым в 1930 году.

Я присела на краешек дивана, обитого светло–розовым бархатом. Наша прекрасная любимая гостиная с огромными французскими окнами выглядела теперь зловеще затаившейся. На тяжёлые зелёных шторах следы многолетней пыли. Когда–то яркие ковры потускнели и обветшали. Над камином — большой, в полный рост масляный портрет Клэр, которую легко было спутать с актрисой Джин Тирни. Под холстом стояли старинные часы, которые весело отсчитывали секунды, но каждые четверть часа уныло исполняли мелодию расстроенных часов Вестминстерского аббатства. Чёрный рояль весь был уставлен запылёнными семейными фотографиями и блестящими трофеями былых счастливых времён.

Увидев портрет мальчика в военной форме, моего отца, времён его обучения в военном училище, я подумала, как он таинственным образом схож со мной и лицом, и фигурой. Я надеялась, что он был бы рад, что я снова здесь и мне стало интересно, скучает ли он обо мне также как я по нему?

Моё неожиданное появление взбудоражило весь дом. Пока Клэр носилась в поисках телефона моего отца, я с интересом рассматривала дом, и картинки детства всплывали в моей памяти.

Я слышала симфонию тикающих часов и ропот, доносящийся из спальни моих бабушки с дедушкой. Комната оживала, когда начинали бить старинные часы. Там их было не менее сотни, разных по величине и стилю, тикающих в причудливый унисон. Пара старинных высоких кроватей покрытых также пыльными розовыми с вышивкой атласными покрывалами. Ближе к окну стояли два вместительных комода, заставленные часами и разделённые диваном, обитым бледно–розовой, во многих местах уже протёртой тканью.

С тех пор как мы с мамой покинули этот дом, здесь полностью сменилась прислуга. Мой дедушка Кларенс умер от

сердечной недостаточности, а тётя Клэр развелась в третий раз и вернулась назад со своим сыном Блейком. Блейк, мой двоюродный брат. Он мой ровесник, и детьми мы часто играли вместе в детской. Также как и моего отца его отдали в Военную академию Black Foxe, и ему нравилось маршировать по комнатам, надев форму. Клэр всё ещё снималась в кино и заводила свои часы на пять утра, не расставаясь по–прежнему со своей эксцентричной натурой.

Но вот я услышала рычание отцовского Корвета 1959 года, взбирающегося на Озета–Террас. Все семь детских лет я ждала этого момента. Он соскочил со своего коня и сжал меня в своих стальных объятиях так, что у меня перехватило дыхание.

— Ты поедешь со мной. Я отвезу тебя домой, — со слезами на глазах, хлынул из него поток эмоций.

Пока он держал меня в своих объятиях, в моём сознании всплыли все детские воспоминания, знакомый запах его волос, одежды. От него пахло так же как тогда, когда я была совсем малышкой: детской присыпкой, бензином и чуть–чуть алкоголем от его губ.

Мы промчались по Мулхолланд–драйв и свернули на крутой серпантин, ведущий к его дому.

— Минутку обожди в машине.

Из дома донеслись громкие возгласы, мне показалось, что от его радостного сообщения о моём возвращении, жена его была отнюдь не в восхищении.

Его Лорен была Простушкой–Джейн, с которой мой папа встречался ещё в школе. Но когда он встретил мою мать, он забыл о Лорен. После развода моих родителей она вернулась к нему на волне разочарований и ссор. Моё существование несло хаос в их отношения, я была ошибкой юности и предметом горьких воспоминаний.

Свою внешнюю некрасивость, Лорен возмещала стилем и сарказмом во всём. Она была тощая как жердь, с мальчишески короткими обесцвеченными волосами. Белая блузка со стоячим воротничком аккуратно заправлена в чёрные капри, из которых смешно карандашиками торчали её ноги на шпильках, как если бы одна её половинка находилась в гостиной, а другая уже перешагнула порог какого–нибудь ресторана. В руке дымилась сигарета в длинном мундштуке, и она ею рассекала воздух в поддержку своим словам. Я чувствовала себя ужасно и тихо потягивала через трубочку свой имбирный эль, пока они допивали свои коктейли в просторной современного вида гостиной. Лорен свысока обращалась ко мне не иначе как «милочка» и пристально исследовала черты моего лица.

— Ты похожа на свою мать, милочка.

— Её мать — самая красивая женщина, которую я когда либо видел за всю свою жизнь, — нечаянно вырвалось у моего отца, успевшего уже изрядно накачаться.

Как только этот крошечный сапфир слетел с губ моего отца, Лорен потеряла остатки самообладания.

— Онааа — самая красивая? Как ты осмеливаешься такое говорить! — взвизгнула Лорен.

Метнув свой мартини в лицо моему отцу, они сцепились и упали на ковёр. Тут же мои мечты о жизни со своим отцом в секунду испарились в открытом окне. После Лорен сказала, что если мой папа хочет оставить меня здесь, что не есть хорошо, то пусть остаётся спать вместе со мной в комнате для гостей. Лорен вихрем выскочила из гостиной и начала яростно стелить двуспальную кровать в гостевой. Она сильно встряхнула большой розовой простыней, которая поднялась высоко в воздух и мягко и аккуратно приземлилась на матрац. Святая Мария, что, я действительно буду спать сегодня вместе со своим отцом?

В последнюю минуту папа, всё ещё пьяненький, к счастью для меня сказал:

— Пошли отсюда.

Вместо Корвета папа собрался выкатить из гаража Кадиллак. Лорен погналась за нами:

— Моя машина! — взвизгнула она.

Она ринулась к открытой дверце у водительского сиденья и следующее, что я запомнила, это её пальцы прихлопнутые дверью. Бедняга, схватив свои разбитые кровоточащие пальцы, она закричала:

— Только посмей вернуться с ней!

Мы взяли Корвет, и мой подвыпивший папа разогнал его по Мюлхолланду, как если бы за нами гнались копы. Я замирала от ужаса, когда мы проскальзывали по тесным кривым улочкам, и резина визжала на поворотах. Папа — гонщик, и вместо того, чтобы тихо спокойно отвезти меня, гнал машину на максимальной скорости, и моё тело вдавливалось в сиденье на поворотах.

— Забудь о ней, — небрежно бросил он. — У меня в Сан–Франциско хорошие друзья, поедешь к ним со мной?

В тот момент мне хотелось быть где угодно, только не в гоночной машине моего папы, который вдобавок ещё и потягивал джек–дениэлса прямо из бутылки.

— Не думаю, мне бы… — пропищала я.

Похоже, он несколько обиделся, но, проехав ещё немного вперёд, всё же отвёз меня на Озета—Террас и… растворился в

ночи.

Тётя Клэр уже ждала меня у входных дверей.

— Ну, как всё прошло, как отец?

Мне не хотелось вызывать в ней сочувствие. Вечер прошёл обычным для моей семьи образом, показав, как они все относятся друг к другу: никому не было дела до чувств другого. Я родилась в семье самовлюблённых эгоистов. Все в ней, включая и меня, были вроде зеркал, отражающих самые плохие человеческие качества.

— С ним всё в порядке, — выдохнула я, чтобы не продолжать разговор на эту тему.

За время славы тётя Клэр накопила в изобилии всяких безделушек, дорогих платьев и бесконечное количество всевозможных аксессуаров. Целые три спальни были наполнены её туфлями и платьями. А в двух гардеробных комнатах — и шёлковые платья, и меха, и невероятные, сшитые на заказ платья. На каждой вещи скрупулёзно, начиная с тридцатых и по настоящее время, был подвешен ярлычок. Ещё одна комната была заполнена едва ношенной обувью, шляпами разных времён, в большинстве своём из Баллокс—Уилшира, и каждая в своей собственной шляпной коробке. Ну вточь, как в отделе одежды Голливудского Вестерн—Костюм. Даже запах нафталина не мог перебить тонкий запах духов и исчезающего очарования. Когда–то обитатели этого поразительного старого дома жили здесь, мечтали, любили. Теперь здесь обитали только моя престарелая бабушка Хелен страдающая Альцгеймером, моя увядающая тётя Клэр и её сын Блейк, бесцельно слоняющийся по дому в своей армейской форме.

Мне постелили в гостиной, и я спала под тиканье и бой многочисленных часов, до сих пор я не могу заснуть, если рядом с моим ухом не тикают часы.

Утром Клэр отвезла меня на своём классическом чёрном Кадиллаке 1949 года в дом моей матери, находящийся всего в четырёх кварталах.

— Тебе полагается жить со своей матерью, — сказала она. — И теперь мы едем домой.

5

За те несколько месяцев, как меня не было, многое изменилось на Харриет–стрит. Шёл 1961 год и Диана снова была влюблена; на этот раз в харизматического фолк–певца. Он пел в одной популярной фолк–группе начала шестидесятых. Группа взлетела достаточно высоко с несколькими золотыми сорокопятками, и их концерты проходили с аншлагом, включая и Голливудскую Чашу.

Симпатичный, высокий и худощавый, он был элегантен и обладал неким магнетическим шармом. Мать таяла под его мелодичные заклинания. Он пел ей серенады, свои и традиционные испанские, и проводил с ней и дни, и ночи в постели. Диана была полностью поглощена своим новым менестрелем, и вскорости наш дом превратился в место тусовок фолк–музыкантов. Все, от юного Леона Рассела до Гленна Кампбелла переступали через наш порог. Большой, дородный Хоуит Акстон написал свою знаменитую Greenback Dollar в нашей гостиной, и у нас даже жили свыше месяца полным составом блуграсс–оркестр, Dillards. До самого рассвета в нашем двухэтажном крафтсмане звучала пленительная музыка, и не кончались разные экзотические наркотики. Мне было на руку такие постоянные компании, это отвлекало Диану от меня, и она почти меня не терроризировала.

Ещё чуть–чуть и моё несчастное положение могло улучшиться. Мича Джейни, альтиста из Dillards, заинтересовали мои отношения с родителями, и он решил мне помочь. Его жена с дочерью жили в Миссури и, посадив меня на самолёт, он собирался отослать к ним меня, у них я могла бы спокойно пожить. Мы до мелочей продумали весь этот наш сумасшедший план, и я написала письмо его жене, описав себя в нём, и спрятала под матрац. Но на следующий день, собираясь на почту, его на месте не оказалось. У меня сердце зашлось. Мать нашла письмо — это был конец всему. Dillards уехали.

Начинались шестидесятые, и, несмотря на то, что мы жили достаточно уютно, у моей матери оставались очень специфические представления о тот, как нам всем питаться. По существу еда в нашем доме предназначалась только ей, и она жестоко нас избивала, если мы решались дотронуться до неё. В её холодильнике гнили недоеденные ею продукты и только когда они покрывались плесенью или пеной до неузнаваемости мы со Скотом позволяли себе дотронуться до них. Она имела привычку скоропортящиеся продукты держать у себя в спальне в шкафу или

просто на кухне в двух буфетах. К одному из них, старинному с резными геральдическими фигурами, она вообще запрещала подходить:

— Держите при себе свои паршивые руки, мать вашу! — предупреждала она нас с братом.

На нашей полке в изобилии стояли консервы и крекеры, но чтобы открыть банку нам требовалось её разрешение. Единственное, чем она нас баловала — это томатным соусом. Бутылка всегда стояла у раковины, и горячий соус она называла «лже–лекарством». И не дай Бог, заподозрить нас в чём–либо запретном, тогда нам подавались ложки, разогретые почти докрасна. И если мы отказывались от заправленного перцем соуса, нам предназначался глоток жидкости для мытья посуды. Аналогичные правила существовали и для нашей собаки, Толли. Диана привязывала нашего волкодава к креслу очень коротким поводком. Собака была так худа, что кожа висела, но ей давалось ровно столько, чтобы она только не умерла с голода. И ещё: чтобы она не писала в доме, ей запрещалось давать пить. Мне было жалко смотреть на страдания несчастного животного, и я тайком, пока Диана спала, кормила её. Что касается меня лично, то я часто лакомилась бесплатными шоколадками из конфетниц в винном магазине Тёрнера на Сансете.

Вам никогда бы не догадаться, что могло скрываться за миловидным лицом этого фолк–певца, но тёмные стороны его души оказались сюрпризом даже и для моей матери. Он не гнушался не только психологическим, но и физическим насилием над близкими ему людьми. Его сумасшедшие увлечения, продуманные до мелочей, не были уж очень безобидными. Однажды вечером он, усадив меня напротив себя как можно ближе, приказал, не моргая пристально смотреть ему в глаза. После получаса такого сидения, его лицо стало искривляться и превращаться в лицо ужасного демона. Его глаза проникли в моё подсознание, а сам стал говорить пугающие меня вещи:

— У меня есть сила отправить тебя в такие места, о которых ты даже не имеешь ни малейшего представления. Я покажу тебе глубины самых глубин, самые тёмные уголки ада.

И я верила ему. Он совершал с нами какие–то сатанистские ритуалы, которые он придумывал, когда у него было плохое настроение. Часто он ставил нас с братом лицом к стене и наклонял нас так, чтобы мы упирались в неё одним пальцем, и мы оставались так стоять, пока палец не начинал гореть адской болью, или заставлял стоять нас на одной ноге, пока я в изнеможении не валилась на пол.

Однажды вечером он подошёл ко мне и сказал:

— Залезай в машину, мы поедем кататься.

Я очень удивилась, я почти никогда с ним никуда не ходила, и мне стало интересно, куда же мы поедем. Мы проехали весь Голливуд, и выехали в пригороды. Когда мы добрались до полуразрушенных глубин Лос–Анжелеса и добрались до какой–то железнодорожной станции, он остановился, и мать сказала, обращаясь ко мне:

— Вылезай.

И они укатили, оставив меня в темноте на какой–то дороге рядом с железкой, кругом никого, только двое пьяниц вдалеке сидели на детской площадке. Меня охватил ужас. Не может быть, чтобы мои родители бросили меня, я была ещё совсем девочкой, мне было всего одиннадцать, и полностью беззащитной перед ударами Судьбы.

Впереди по дороге я увидела кусты, в которых могла укрыться в случае опасности. Я не знала, что делать, я только понимала, что мне нужно держаться подальше от света и дожидаться утра. Я боялась быть обнаруженной какими–нибудь местными пьяницами. Через несколько часов я увидела Диану и её фолк–певца, объезжающих квартал, и выбежала из кустов, маша им рукой. Не знаю, почему они вернулись за мной, может они надеялись, что я исчезну, а затем передумали? А может быть, этим они хотели показать мне, насколько шатко моё положение, и как благодарна я должна была быть им за то, что они приютили меня?

Мы вернулись на Харриет–стрит около полуночи. Фолк–певец достал Библию и, раскрыв на Книге Руфи из Ветхого Завета, сказал, чтобы я прочла, а затем в письменном виде описала ему основные моменты жизни Руфи. Когда работа была окончена, я приписала слова моей благодарности и преданности, написала о том счастье, которое я испытывала живя с ними. Перед тем как отправиться спать мать дала мне таблетку дексамила и проследила, чтобы я выпила её.

Книга Руфи — это рассказ о покорности, благочестии и жертве. Читать её оказалось нелегко, и я ломала себе голову, зачем они заставили меня описывать её жизнь. К тому времени, как я окончила читать книгу Руфи и писать своё сочинение, наступил рассвет. Действие дексамила начало проходить, но было уже пора собираться в школу.

Западно—Голливудская начальная школа была моим прибежищем, короткой передышкой от моей жизни дома, о которой никто не знал. В тот месяц в моём классе появились наркотики, в основном марихуана, самый опасный вид сорных трав. Думаю, я была единственной, кто обладал информацией из

первых рук. Дома было всегда так накурено, что можно было заторчать, как только открывалась входная дверь.

У меня было желание присоединиться к школьному оркестру, и моё сердце я отдала бы виолончели. Но когда я попросила мать подписать бумаги, чтобы я могла приносить инструмент домой, в ответ я услышала ясное, простое, категоричное «нет».

— Виолончель — это не для тебя.

Она не могла выносить ничего, что касалось меня. Даже когда моя бабушка Мими присылала мне подарки на день рождения, она возвращала их в магазин и меняла на что–нибудь для себя, доказывая мне, что Мими её мать, но не моя.

Дня не проходило, чтобы Диана меня не ругала, постоянно обвиняя меня в моём уродстве:

— Почему ты так непохожа на меня?

Не дай бог, мне было вздохнуть при ней, это тоже приводило её в ярость, и я стала контролировать свои эмоции. Я стала внимательнее относиться к тому, как хожу, как двигаюсь. Я не понимала её гнева по отношению ко мне, я только понимала, что бессильна изменить что–то. Не думаю, что причиной была моя расцветающая красота, ведь я была источником её раздражения с самого моего рождения. Я только стала понемногу привыкать к её вспышкам бешенства.

Однажды, когда я нечаянно поставила шкатулку с нитками не на то место, она чуть не вытряхнула из меня всю душу, она разбудила меня среди ночи, и я никак не могла найти её. Помню, думала, что, может быть, она права, и я больна и мне не следовало появляться на свет, и не понимала ничего, потому что была умственно отсталой? И думала, может быть, если бы я была нормальной, между нами бы установился мир? И я молча соглашалась, когда из моего детского погружения в себя вырывал меня её ясный звонкий оклик, отдававшийся эхом в моей голове: «Нет!»

Моя мать испробовала тысячу способов, вытрясти из меня все желания — за исключением меня самою. Но чем жёстче были её попытки, чем злее было её неистовство, тем сильнее становилась я духом. Единственным моим достоинством, как я считала, были мои тонкие и длинные, шелковистые белокурые волосы, непонятно почему, никогда не привлекавшие её внимание до одного случая. Может быть, я повернула голову слишком быстро, может быть, свет заиграл в них, но она сказала, вдруг, своему фолк–певцу: «Возьми ножницы, надо срезать ей волосы».

Для меня они были символом защиты, в них я скрывалась, когда меня захлёстывали эмоции, и стоило мне наклонить голову, я чувствовала себя невидимкой. Своими огромными

портновскими ножницами, она грубо превратила мои локоны в короткие заросли над ушами, оставив следы ножниц лесенкой на моём затылке, а её ухажёр в это время равнодушно взирал, на отбрасываемые ею прямо на ковёр мои длинные пряди.

— Так–то лучше, — произнесла она. — Теперь она выглядит на свой возраст.

На следующее утро, и не важно, зачесала я их, прилизала ли, попыталась ли взбить или накрутить, выглядела я, как если бы была лысой. Отчаявшись, взяла да и завязала свою свежепостриженную голову синим платком и с тяжёлым сердцем отправилась в школу, раздумывая, что хуже, войти в класс в косынке или появиться в том, что творилось у меня на голове. Со слов учительницы, я не могла оставаться в классе с косынкой на голове, но когда по её настоянию я сняла её, в классе начался такой ор, как если бы я разделась догола. Учительница смягчилась и сказала, что я могу снова повязать голову.

Жизнь моя протекала в постоянном страхе. Когда уроки подходили к концу от мысли, что нужно возвращаться домой, у меня начинало бешено колотиться сердце. Что меня там ждёт сегодня? Предстоят ли мучения, или побои, или просто можно будет отсидеться где–нибудь? Или повезёт, и Диана со своим фолк–певцом всё ещё будут спать. Я искренне полагала, что все родители ненавидят своих детей, и никак не могла понять, зачем они тогда вообще их заводят. Перед сном в своих молитвах, я просила Бога, чтобы он устроил так, чтобы я однажды не проснулась. Когда её не было дома, я молила Его: «Господи, сделай так, чтобы она не пришла ночевать сегодня».

Когда слишком долго она не вставала, я надеялась: может быть, она умерла.

Однажды, придя со школы, я нашла своего четырёхлетнего братика совершенно несчастным. Огромные солёные горошины скатывались по его щекам на абсолютное голое тельце. (С тех пор как он чуть–чуть подрос, он приобрёл статус «недруга», и с ним стали обращаться ничуть не лучше чем со мной.) Скот стоял посреди гостиной, кроме детских ковбойских сапожек на нём ничего не было, и он стоял на одной ноги, изо всех сил стараясь удержать равновесие. Все его игрушки и одежда были кучей сброшены в мусорную корзину — как ему объяснили, он был их недостоин. Мне уже это было всё знакомо; это был один из излюбленных нацистских ритуалов маминого фолк–певца. Если он устанет так стоять и дотронется ногой до пола прежде, чем истечёт пятнадцать минут, Скоту придётся начать всё сначала, стоя на другой ноге. И всё из–за того, что мой маленький брат заигрался, не выгулял собаку, когда я была в школе, и щенок

сделал лужу на ковре.

Меня съедала моя беспомощность и неспособность прекратить эти мучения, я только молиться стала ещё усерднее. Я понимала, что мне не дожить до восемнадцати, находясь под одной крышей с Дианой и её фолк–певцом, ведь только тогда я смогла бы спокойно покинуть этот дом. И вот однажды я заперла свою комнату изнутри и выпрыгнула в окно, ничего не взяв с собой, кроме одежды, которая была на мне. Больше я никогда не видела этот дом и не вспоминала о них. К несчастью моему маленькому братишке повезло ещё меньше, чем мне. Позднее он рассказал мне ужасные истории о нашей матери, как однажды, когда ему было всего шесть, она дала ему LSD — ей любопытна была его реакция, ещё и записала на плёнку всё, что с ним происходило. В конце концов, его дедушка и бабушка со стороны дяди Папы заступились за него и забрали Скота к себе.

Мне было одиннадцать, и идти мне было некуда. Мими и Эл уехали на отдых во Флориду в Эден—Рок, а отец с его полоумной женой Лорен — отпадал сразу. Я прошла пешком весь Сансет–Стрип, и когда село солнце, я нашла себе убежище здесь же, в подземном паркинге. Из груды пустых сложенных коробок я соорудила себе роскошную постель и провела ночь в кромешной темноте.

В ту ночь мне приснился самый невероятный сон.

Я оказалась в большом старинном театре с лепными украшениями, тяжёлыми люстрами, золочёными резными балконами и стенами, расписанными сценами из жизни ангелов. Тёмно–бардовыми портьерами завешаны променуары. Откинув одну из портьер, я вдруг провалилась в тёмную глубокую шахту. Я изо всех сил старалась уцепиться за стены, чтобы как–то замедлить своё стремительное падение, но я только всё быстрее и быстрее летела вниз. Думая, что умираю, я увидела слабый свет в конце колодца, он становился всё ярче и ярче. Наконец, когда луч стал слепить прямо мне в глаза, я оказалась посреди океана, и ни одного острова на горизонте. Вода поразила меня своей тёплотой и с нежностью меня всю обняла, солнечными зайчиками сверкала морская гладь, разбегающимися бесконечными сверкающими звёздочками. Я не чувствовала страха, но всёобъемлющую любовь. То был не голос, то был вопрос где–то внутри меня: «А знаешь ли ты, где ты?»

Так же без слов я ответила: «Да, я с Богом».

И бесшумно поплыла в вечное блаженство.

Впервые за всю свою жизнь я проснулась умиротворённой, но ужасно голодной. На другой стороне улицы была рюмочная Тёрнера, и я позаимствовала у них свой обычный завтрак,

батончик Херши с миндалём. Затем медленно пошла по Сан—Винсент, через Западно—Голливудский парк. Сидя на самой верхней трибуне и доедая свой шоколадный батончик, я чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете. Свобода, но что дальше? Вернуться в школу я не могла, а идти мне действительно было некуда, но я верила, что Бог меня не оставит, но вечером меня арестовали прямо перед кафе Бена Франка на Сансет и отвели в полицейский участок Западного Голливуда. Всё, чего добивались от меня полицейские, это вернуть меня домой, но я только сказала, что меня зовут Мэри, и отказалась рассказывать им о себе. Я была уверена, что, рассказав, кто я, и где живу, копы мне не поверят, или, что ещё хуже, позвонят родителям. Они попытались меня запугать исправительным заведением, пригрозив, что там я буду находиться под замком.

— Поверь нам, у тебя единственным желанием там будет вернуться домой.

— Нет, только не это, — прищурившись, отвечала я им, — и я хочу, чтобы вы отвезли меня туда.

Когда они поняли, что из меня не вытянуть, ни кто я, ни где живу, они посадили меня в полицейскую машину за решётку на заднее сиденье и отвезли меня до следующего места моего пребывания, Лос–Падринос,

государственное учреждение для правонарушителей в Дауни

Лос–Падринос оказалось немного ужаснее, чем я его себе представляла. Оно было переполнено подростками, ещё более упрямыми рыбками, чем я. Всюду железные решётки вместо дверей, закрывающиеся на электронные замки. Совсем скоро я поняла, что попала в настоящую тюрьму. Меня привезли уже после полуночи и сразу отвели в огромную гулкую душевую, сунув в руки большой коричневый бумажный пакет, чтобы я туда сложила свои вещи. После душа они ощупали меня всю, есть ли вши или не могла ли я чего–то спрятать на теле. Затем мне сунули в руки связку стандартных тюремных вещей, хлопчато–бумажную ночнушку, а у необъятного размера платья был такой вид, что его только–что вытащили из–под катка. Штаны были настолько велики, что в них свободно могло бы уместиться три меня; мне пришлось завязать их узлом у пояса и подвернуть снизу. Надзирательница долго вела меня по длинным переходам, и при каждом её шаге огромная связка ключей кляцала и билась об её ужасно уродливую задницу, привлекая любопытные взгляды обитателей, с интересом разглядывающих новую жертву. Она вела меня по блоку L, но вот, наконец, за мной защёлкнулся замок.

Стены этой пустой крошечной клетки, в которой я оказалась, были выкрашены в цвет фасоли. К цементному полу была привинчена железная кровать, а на унитазе в углу даже не было сиденья, небольшая раковина и зеркало, прикреплённое к стене — что ещё нужно. Даже окна были затянуты металлической сеткой для пущей безопасности. В моей двери было небольшое оконце, через которое был виден холл, но чаще всего в него видны были любопытные взгляды охранников. Единственное, что меня удивило там, это то, что никогда полностью не выключался свет, и теперь, моё личное пространство на этой планете, оказалось погружённым в постоянные сумерки.

Я застелила постель жёсткой простынкой и, накрывшись серым шерстяным одеялом, заметила, что все стены покрыты выцарапанными на них надписями, сделанными предыдущими обитателями. Они выглядели причудливым растительным орнаментом, помню, были среди них и такие замысловатые имена, как «Лил Дот» и «Ангел Пор Вида». Они были даже на потолке, и мне стало любопытно, как это они умудрились добраться туда. Была уже глубокая ночь, и тихо было как в

церкви. По лицу катились слёзы, но то были слёзы облегчения. Может быть, мне и было чуть–чуть страшно, но меня охраняли, и я была в безопасности. Ночные кошмары остались в прошлом.

Утро началось с встряски. Меня вырвали из сна в пять утра сиреной и кляцанием дверного замка. Я быстро набросила на себя накрахмаленное тюремное платье, которое повисло на моём тощем костлявом теле, как если бы сделано было из картона. Двери камер все уже были открыты, и девочки стояли, как курочки, каждая напротив своего насеста, передавая из рук в руки железное ведро с хлоркой. После того как мы протёрли шваброй свои камеры, нас всех построили идти на завтрак, и к своему удивлению я обнаружила, что в нашем блоке оказалась единственной кокосово–белой среди всех. Мои родители входили в малочисленную элиту, семья Блад, девочки Комптонов, и Чиканас. (И где сейчас все эти голливудские девочки?) Всем было ясно, что я выпадала из моей неискушённой лиги.

Там было далеко до академической программы — обучали в основном нехитрым ремеслам. Педагогом мог быть любой, кто не жалел на нас своего времени, и учили нас вязать крючком, или клеить из палочек для мороженого красивые рамки. Один раз в день нам разрешалось выходить во двор, обнесённый колючей проволокой и, делая разные физические упражнения, мы ловили лучи солнца. Нам не разрешалось самостоятельно скакать, бегать, или прыгать, вместо этого мы много маршировали. Маршировали, как солдаты, выкрикивая речёвки, вроде: «Я не знаю — мне велят, быть сильнее медвежат!» Или: «Замолчи и повтори!» Это всё что я запомнила, и ещё, маршируя, нас заставляли прихрамывать, как если бы на ногу был наложен гипс или в неё попал осколок во время боя. По пятницам в гимнастическом зале для нас устраивали танцы, и девочки танцевали с девочками под мотауновские пластинки. Я научилась правильно двигаться и танцевать под Harlem Shuffle и Hitch Hike Марвина Гея.

Самым светлым воспоминанием остался в моей памяти госпел–хор мисс Мун. Мисс Мун была подвижной миниатюрной чёрной женщиной, и пела она от всей души, ей навилось учить воспитанниц госпелу. Конечно же я присоединилась к её ученицам, и ждала с нетерпением каждого воскресенья. Мне нравилось одевать мерцающие атласные платья, в которых выступал хор, и петь в церкви. Мы начинали с задушевной Bringing in the Sheaves, а напоследок мы сотрясали своды церкви громогласным Rock My Soul in the Bosom of Abraham, и наши руки вздымались вверх, восхваляя Иисуса, чем–то вроде:" Oh–rocka–ma-soul!»

Без особых происшествий проходил месяц за месяцем. Я была под медицинским наблюдением, мною занимались воспитатели и интересовались социальные работники, пытающиеся доискаться и расшифровать эту «таинственную девочку». Как только они ни старались, и льстили мне, и упрекали, и пробовали подловить меня, но я не давала им никакой зацепки. Я думала, что мне удалось обхитрить всех, но вмешался глас Рока. Я привязывала готовые помпончики на нитки для волос, когда по внутренней связи объявили, что ко мне пришли посетители. Я подпрыгнула на месте, кровь застыла у меня в жилах. Не иначе как злая колдунья и её зловредный дружок Вельзевул нацепили маски благочестивых смертных.

Пока рядом был социальный работник, моя шикарно одетая мать и её лихой менестрель были сама сердечность, как Оззи и Харриет, но как только мы вошли в комнату свиданий, моя мать отвесила мне такую затрещину, что на щеке остался розовый след от её ладони.

— Надеюсь, ты здесь счастлива, потому что я устроила так, — шёпотом зарычала она, — что ты будешь гнить здесь, пока тебе не исполнится восемнадцать.

Она не могла сделать меня ещё счастливее, чем пытаясь таким образом меня расстроить. Думаю, она даже не догадывалась, что этим она подписывается под тем, что навсегда теряет надо мною власть. Теперь я легально находилась в безопасности. Семь лет ареста звучит, как целая вечность, но это определённо лучше, чем вернуться в Аид на Харриет–стрит. Итак, я одержала победу.

Вскоре после её визита я получила хрустящий новенький конверт из Флориды с эмблемой гостиницы Эден–Рок. В конверте было письмо от моей бабушки Мими, в котором говорилось, что она едет с намерением выручить меня. Но сообщала также, что это будет нелегко, так как моя мать отказалась подписать бумаги на передачу меня ей, и об удочерении не могло быть и речи. Мои дедушка с бабушкой подали на неё в суд, и дело тянулось целый год, кончилось всё соглашением: меня — им, деньги — ей. Жить с Мими и Элом мне не разрешили, но меня перевели в частный пансион,

и теперь я могла приезжать к ним на выходные

В моей жизни всё же была одна постоянная вещь, которая всё время звучала во мне — это моя вера в Бога, мои непрекращающиеся сны, в которых ко мне приходил Иисус, и моё эмоциональное родство с католицизмом. Оно было моим щитом, моим священным правом. Даже живя у матери с её фолк–певцом, я, рискуя нарваться на её гнев, тайком пробиралась по воскресеньям в близлежащую церковь. Мою религиозную веру поколебать не могло ничто, но однажды, я столкнулась с новой совершенно иной доктриной.

Виста–дель–Мар был одним из еврейских сиротских приютов, а также домом для детей, которые ждут своего определения или неспособных жить в своих семьях. В переводе название означает «Морской вид», но никакого океана поблизости не было. Очаровательное место, небольшой самостоятельный мирок, где учились одновременно и мальчики, и девочки. Перестроенное в 1925 году в приют для еврейских детей ранчо в Западном Лос–Анжелесе. Хорошо ухоженные земли, теннисные корты и огромный, олимпийских размеров бассейн. Свой лазарет и свой собственный внушительных размеров храм. Пять двухэтажных домиков, в каждом из которых жило около двадцати детей, утопали в зелени живых изгородей. Всё там выглядело как декорации киностудий, и действительно, там часто снимались разные эпизоды каких–то фильмов. Для того чтобы попасть туда, необходимо было исповедовать еврейскую веру. Но меня приняли из–за моего дедушки, он был членом клуба Странствующих монахов и на протяжении многих лет щедрым их покровителем. Не было на земле прелестнее и уютнее места, куда бы они могли меня поместить. От меня только ожидалось, что я начну учить иврит, посещать их церковь, и участвовать в их традиционных праздниках.

Аскетизм Лос–Падриноса и независимость от моей сумасшедшей матери, воспитали во мне мятежный дух. В двенадцать я уже обладала значительным жизненным опытом, думаю, даже большим, чем многие взрослые за всю их жизнь. Я уже философски относилась к неудачам и потерям, меня увлёк иудаизм, и по–прежнему я мечтала стать монахиней. Но мне дали понять, что мои религиозные суждения, мягко говоря, здесь не популярны, и то, что я озвучила некоторые из них в еврейской школе послужили причиной, что я вынуждена была пропустить

несколько поездок по выходным к моим дедушке с бабушкой, но это не сработало, и я никогда не упускала случая рассердить бедного старого мистера Соломона цитатами из Библии и моими упражнениями в ораторском искусстве. Я не была иудейкой, и спасибо педагогам, я выучилась читать, писать и говорить на этом языке. Я даже знала, как вознести Субботнюю хвалу на иврите. Если не считать богословия, программа была в точности такая же, как и в обычной школе, средней школе Палм–Юниор, стоящей на Шевиот–Хиллз, откуда открывался великолепный вид.

Не надо много времени, чтобы понять, что домашние дети не были в центре внимания, что это мы были особенные, мы росли вне своих семей, но были и другие небольшие различия, которые разводили нас в разные стороны. Во время пасхи нам не разрешалось есть дрожжевой хлеб. Когда на обед мы приходили с арахисовым маслом и бутербродами из мацы, на нас смотрели как на марсиан. Я уж точно была для них инопланетянкой. Я так и не смогла прибиться к этой стае, даже в Лос–Падринос, среди тех девочек–воровок я чувствовала себя больше дома.

Я жила ради пятниц, когда за мной заезжала Мими, и мы стремительно неслись по шоссе в сторону её дома на Холмах.

Она брала меня с собой в фешенебельный Теннисный клуб, поплавать в бассейне, мы ходили по дорогим магазинам Беверли–Хиллз, но перед тем как вернуть меня домой (ой, как далеко от моего истинного дома) мы обязательно ужинали в Гамбергер–Гамлете. И каждый раз Мими мне говорила при расставании:

— Мы работаем над этим, любовь моя, уже совсем скоро, мы сможем забрать тебя домой.

Моя жизнь — это всегда сложенная сумка; я никогда не знала, что меня ждёт завтра. Никакой стабильности, никакой логики; всё вокруг менялось с неимоверной быстротой. Никакие цели, никакие устремления не воплощались. Я как парусник после шторма дрейфовала в океане жизни. Как сторонний наблюдатель, следящий за чьей–то странной игрой.

Я потеряла стержень. Меня смутили чужой верой. В приюте моё стремление выжить и сохранить в неприкосновенности свою душу, они принимали за непослушание и видели во мне только своенравного бунтаря.

И с каждым поворотом колеса Судьбы, моя жизнь круто менялась. Мой старый друг Ричард, тот самый, который двумя годами ранее признавался мне в своей сумасшедшей ко мне любви, узнав о моём незавидном положении, написал даже несколько прошений в суд, в безуспешных попытках вызволить меня из Лос–Падринос. Мими и Ричард, занимаясь моими делами, сдружились, но Мими не догадывалась о навязчивой идее

Ричарда по отношению к её внучке; она видела в нём только союзника. Она рассказала ему о Диане и о плохом её со мной обращении, и они вместе обсуждали возможности моего освобождения. Я ничего тогда не знала о педофилии, и думаю, у Ричарда было что–то вроде этого, но он был одним из немногих, кто поддержал меня в детские годы. Помимо того случая со сломанной рукой, когда он отвёл меня к врачу, он проявлял искреннюю обо мне заботу. Я ничего не знала тогда о любви, но Ричард мне нравился до одного вечера, когда он, вдруг, попытался раздеть меня.

Когда меня поместили в Виста–дель–Мар, мы обменялись несколькими невинными письмами, и я звонила ему из будки у нас во дворе. У Ричарда был свой клуб, и он был в курсе всех новоиспечённых талантов. Он также вёл знакомство с одним малоизвестным двадцатидвухлетним фолк–певцом по имени Боб Дилан. Боб только что приехал в Лос–Анжелес из Вудстока, чтобы сыграть на концерте в Санта–Монике, и Ричард пригласил меня. К счастью были выходные, и Ричард убедил Мими, что посещение концерта Боба Дилана может стать для меня очень познавательным. Она восприняла это очень скептически, но всё же отпустила меня с ним в ту субботу.

Таинственным и загадочным показался мне этот тощий молодой человек, появившийся на сцене, он нашёл во мне благодатную почву и заколдовал своими песнями The Times They Are A-Changin', Blowin' in the Wind и Girl from the North Country.

Я ещё не встречала такого красивого мужчину, его мягкие кудри были немного длиннее, чем принято, а кожа — гладкой и бледной, почти без признаков бороды.

После концерта за кулисами мы познакомились с Бобом, причём мою руку он задержал в своей дольше обычного в таких случаях. В его ладони было что–то особенное, что мне запомнилось, а когда я взглянула в его зелёные глаза, новое, необычное для меня чувство затрепетало где–то глубоко у меня в груди.

Это случилось на вечеринке, устроенной после концерта Боб Дилана, в доме Бена Шапиро, его агента, на Голливудских Холмах, куда пригласил меня Боб. Ричард разрешил мне и добавил, что присоединится к нам позднее. Я тогда не знала, что Ричард успел предупредить Боба о моём положении, так что Боб взял меня под своё крыло. Вечеринка проходила там, где Кингс–роуд поднималась круто вверх над Сансетом в старом, построенном в испанском стиле особняке. Нарисованные с большим чувством Майлзом Дэвисом эскизы с видами Испании отражали колеблющийся свет освещённой свечами большой залы,

полной старинными вазами, резной мебелью и увеличенными фотографиями блюзменов и других музыкантов. На паркетном полу, устланном восточными коврами, всюду были разложены большие подушки вместо кресел, что создавало чудесную богемную атмосферу.

И сидя у жарко натопленного камина, мы с Бобом провели несколько часов. Он был невосприимчив ни к назойливым, влюбчивым цыпочкам, ни к пластиночным продюсерам, жаждущим получить минуту его внимания. Мы говорили о Прощении, о том, о чём я даже никогда и не задумывалась, и мне не верилось, что я когда–нибудь смогу простить. Он говорил мне о силе духа, что мне уже было знакомо, и о свободе в философском смысле этого слова. Он говорил простыми, ясными словами, обо всём, о чём я сама уже думала. Я и сама уже к этому времени к материальным благам относилась философски. В конце вечера Боб написал на маленьком клочке бумаги свой телефон и адрес в Вудстоке и, прощаясь, сказал, чтобы я ему звонила (сказал, чтобы звонила за счёт вызываемого абонента).

Я купила его первую пластинку и проигрывала её бесконечно, заиграла её так, что через некоторое время игла даже не могла найти нужную бороздку. Но мои малообразованные подруги по приюту не разделяли моего энтузиазма. Шёл 1963 год, мне было тринадцать, и Битлз только что вышли на сцену с She Loves You. Девочки с презрением относились к музыке Боба и очень скоро возненавидели его голос. Они начинали смеяться и издеваться надо мной, каждый раз, как я ставила его пластинку.

— Вот увидите, однажды он станет знаменитым поэтом, — с жаром начинала я защищать его.

Мне очень нравилось милое и грубоватое звучание Corrina Corrina, Pretty Peggy-O и Baby, Let Me Follow You Down. Я сгорала от любопытства, кто же такой этот [Э]Рик фон Шмидт и мечтала попасть в Гринвич—Виллидж. Мими купила мне гитару, и я сама сумела подобрать аккорды к Don’t Think Twice, It’s All Right и Blowin’ in the Wind. В моём мозгу просто роились слова Боба Дилана, и я мечтала сбежать в Нью–Йорк.

1963

В следующий раз, когда Боб приехал в город, он встретил меня у ворот приюта. Он ждал меня в белом Мустанге с откидным верхом. Сам он не умел водить машину, за рулём сидел его друг, Виктор Меймьюдс, и мы уселись на заднем сиденье. Совершенно ясно, мне не разрешалось покидать территорию, но никакая колючая проволока не могла меня остановить.

Виктор привёз нас на пляж и высадил в Санта–Монике у волнолома. Боб выиграл для меня, расстреляв стрелками все шары, смешную плюшевую птичку. Рядом с каруселями было небольшое чудаковатое пляжное кафе, и мы, опустив пару четвертаков в игральный автомат, заняли столик в углу. Боб выбрал She Loves You и I Want to Hold Your Hand, одной новой группы. Он сказал, что ему очень нравятся их смены аккордов, и проиграл пластинки несколько раз подряд. Потягивая маленькими глотками мускатную шипучку в честь великолепной четвёрки и беседуя с Боб Диланом (э, да у меня никогда не было такой замечательной компании!), мы обсудили моё шаткое положение в этом мире, а когда я рассказала ему про свою борьбу и вражду с матерью, Боб посоветовал мне не видеться с ней некоторое время, но сказал, что однажды, придёт время, придёт одиночество, и она одумается. Я напряглась, вдумываясь в его слова, и попробовала представить свою всесильную непобедимую мать сломленной и одинокой. Ещё он сказал, что это моя жизнь, дарованная мне Богом, и что мне выбирать следовать ли в ней чьим–либо правилам или нет.

— Это твоя жизнь, — сказал он мне.

Многое из сказанного им для тринадцатилетней девочки было таинственным, загадочным, но я поняла главное. Я — свободна.

Уже сгущались сумерки, когда мы вернулись в приют, он подвёз меня на своём Мустанге прямо к воротам. Кроме Битлз, не думаю, что кто–нибудь из моей компании по Виста–дель–Мар видели кого–нибудь ещё с длинными волосами, и Боб вызвал в них нездоровый к себе интерес. Многие, окружив Мустанг, стали смеяться над ним:

— Кто это, парень или девчонка?

Мне было жутко стыдно, и позднее я пообещала этим неверным:

— Настанет день, и вы пожалеете об этом, но вам будет уже поздно просить прощение.

Я знала, что из–за Боба и Виктора, я вынуждена буду

провести целый месяц взаперти, лишённая своих выходных, проводимых у дедушки с бабушкой, но мне было всё равно. Это стоило того.

Другой раз я сбежала с Бобом, чтобы посмотреть одного революционного комика, Ленни Брюса. Я помнила, что мама часто ходила на его выступления в Единороге, но у меня и в мыслях не было, что встречусь с ещё одной легендарной личностью. Дом Ленни стоял на самой вершине, над Сансетом. Он не был роскошным или грандиозным, как другие. Простой оштукатуренный современный дом, с единственном отличием — огромным окном, через которое открывался великолепный вид на Сансет–Стрип. Мы с Бобом провели там всего несколько часов, но я хорошо запомнила Ленни, он выглядел as looking damp and behaving somewhat frantically. У окна стоял мощный телескоп, направленный на аптеку Швоба. Помню, как Боб спел Ленни несколько своих песне, пока тот рассматривал ничего неподозревающих посетителей аптеки и пешеходов.

По возвращении в Вудсток Боб получил несколько моих писем, писем, какие обыкновенно пишут девочки, длинных и сентиментальных. Ещё я несколько раз звонила ему, чтобы услышать от него много новых мудрых и рассудительных слов. Но никаких романтических ноток, по крайней мере, с его стороны не было. Не сомневаюсь, что я была интересна ему лишь из–за моей экстраординарной истории. В 1963 году ещё редки были случаи плохого обращения с детьми. Подростки ещё не увлекались наркотиками и не сбегали из дома. Это было достаточно мирное, тихое время. Думаю, ему нравился мой искренний энтузиазм, с которым я слушала его, более того, я понимала всё, что он мне говорил.

1964

К четырнадцати я вытянулась и стали намечаться формы. С волосами я состригла и свои возвышенные идеалы. Я стала убегать вечерами из общей спальни и садилась на автобус, следующий из Венеции в Западный Голливуд. С гитарой за плечом я направлялась прямо к Трубадуру, очень популярному в то время на бульваре Санта–Моника клубу, где играли фолк, спорили о музыке и выступали новые имена. Небольшая ниша в деревенском стиле с театральными креслами вдоль стен и большими столами прямо перед сценой. Место, куда просто приходили посидеть и послушать новых исполнителей, где хорошенькие молоденькие официанточки разносили яблочный сидр с корицей. У меня появилась перспектива, цель, моя собственная мечта. Я захотела писать, писать стихи, и петь, и посвятить себя музыке.

Я ещё была мала, чтобы в полную силу тусоваться в Трубадуре, но из–за моего отчима, известного фолк–певца, ко мне было особое отношение. По понедельникам проходили так называемые «вечера улюлюканий» (Hoot Nights), когда любой человек мог выступить перед публикой. Ты могла встретить там и Джима (также известного как Роджера МакГвинна) в затенённой общей зале, исполняющим собственную обработку песен Битлз, и Дэвида Кросби с лицом херувима, выступающего со своей группой Balladeers. Я успела по уши влюбиться в юного Кросби, и это стало ещё одной причиной моих еженедельных побегов из приюта.

Дэвид часто аккомпанировал мне на гитаре.

— Ах, если бы ты была лет на пять старше, — вздыхал он, слегка заигрывая со мной.

Особенно мне удавались The Times They Are A-Changin’ и Don’t Think Twice, It’s All Right. Однажды даже, ко мне подошёл один агент из Либерти–Рекордс, но я пропустила мимо ушей его предложение, так как совсем не думала ещё об этом.

Той роковой пятницей Мими забрала меня раньше обычного.

Она проиграла суд

Теперь мне не разрешалось жить ни у неё, ни где–либо ещё. Мои религиозные противостояния, свидания с Бобом Диланом и затягивающиеся до позднего вечера экскурсии в Трубадур никак не могли способствовать укреплению моего положения. И так как я не следовала установленной в еврейском приюте программе обучения, они решили за меня, что лучше мне будет вернуться в Лос–Падринос, где я должна буду пробыть до моих восемнадцати, а может быть даже до совершеннолетия. У меня сжалось всё под ложечкой, как если бы через секунду мне суждено погибнуть в автокатастрофе. Взаперти ещё четыре года! И я вспомнила слова Боба: «Это твоя жизнь».

Вечером в воскресенье Мими вернула меня в Виста–дель–Мар, обещая, что–нибудь придумать.

— Любовь моя, постарайся быть паинькой.

— Хорошо, Мими, не волнуйся.

На прощание я поцеловала её в мягкую напудренную щёку, сказала, что люблю её, и бросилась бегом по лестнице в нашу общую спальню собирать вещи. Схватив свою сумку из мексиканской соломки, я бросила в неё пару поношенных ливайсов, оливкового цвета пуловер, связанный мне Мими, сделанные мною самой кожаные сандалии, какие носят все битники, и самое главное — пластинку Боба Дилана. Последнюю вещь, которую я взяла с собой, был полный пузырёк аспирина. Я где–то слышала, что если проглотить горсть таблеток, то может остановиться сердце, и если меня поймают, я убью себя.

Было уже темно, когда я проскользнула через чёрный ход. У меня не было идеи, как добраться туда, но твёрдо решила, что я совершенно необходима Нью–Йоркскому Гринвич–Виллиджу, и с этого момента начинаются мои настоящие приключения.

6. Ангелы на моей стороне

Майк

С тяжёлым сердцем и с пустым кошельком я отправилась навстречу своей Судьбе. Мне потребовалось долгих два часа, прежде чем я натолкнулась на первую преграду. Где это случилось? В Трубадуре. Святая Мария, моё бедное сердечко! Копы уже были у меня на хвосте. Когда я вошла внутрь я увидела двух полицейских с моей школьной фотографией в руках. Удивительно, как они смогли так быстро меня найти? К счастью в клубе было так тесно, как связки брёвен в плоту, и мне удалось проскользнуть в самую неосвещённую часть зала. Джек Эллиотт уже откланивался, когда я, наконец, нашла свободное место в последнем ряду. Сердце билось, как паровой молот, я пригнулась и прошептала соседу рядом:

— Притворитесь, что знаете меня.

Он протянул руку и положил мне её на плечо, как если бы мы были парой. Как только утихли аплодисменты, я снова прошептала:

— Полиция за мной гонится, вы не поможете мне сбежать отсюда?

Незнакомец сказал, что как раз припарковал машину у чёрного хода, и когда публика взорвалась аплодисментами после последнего биса, мы проскользнули к выходу. Без лишних слов я прыгнула в машину и нагнулась. Мой спаситель накрыл меня своим плащом, и мы понеслись в ночь. Только когда мы выехали на автостраду, он с облегчением вздохнул.

— Всё чисто, ты можешь сесть.

Я вылезла из–под его плаща и посмотрела на моего избавителя.

Худощавый молодой человек лет двадцати–двадцати трёх, звали его Майкл Стюарт. Шелковистые тёмно–русые волосы, немного длиннее, чем принято, огромные голубые глаза и приятные, чуть сдержанные манеры. Я призналась ему, в какую непростую (дикую, можно сказать) ситуацию я попала, и он решил мне помочь, сказал, что у него есть друзья–художники, они студенты и живут в горах близ Клермона; возможно там меня никто не найдёт.

После часа петляний по деревенским дорогам, мы подъехали к старому, уединённо стоящему дому, обшитому вагонкой и возвышающемуся среди холмов, окружённых высоченными старыми соснами и пихтами, от которых повсюду стоял терпкий смолистый аромат. Веяло ночной прохладой, а с неба во всю ширь своего лица улыбалась мне полноликая луна. Мне пришлось

вприпрыжку гнаться за ним по крутым ступеням, ведущим к дому, так быстро он шагал, а их было там не меньше пятидесяти! В дверях нас уже ждали двое, Франк и Уилл.

Майкл представил им меня как свою четырнадцатилетнюю попутчицу–беглянку.

— Может она отсидеться здесь у вас несколько дней?

— Да–да, конечно, будет здорово; она может пожить в свободной комнате, — сказал Уилл, выпуская облако едкого сладковатого дыма.

Эта свободная комната несла на себе отпечаток заброшенности всего дома, мебели только и было, что старая железная кровать с комковатым матрасом, да желтые выгоревшие шторы до пола. В окно ко мне заглядывали звёзды, а с полей доносился успокаивающий нестройный хор кузнечиков. Страх покинул меня. Я прочла свою молитву, поблагодарила Бога и уснула, думая: «Ха! я сделала это!»

На следующий день приехал Майкл проверить свою подопечную и купил мне огромный гамбургер в местном кафе. Оказалось, он играет на гитаре и у него своя группа, которую назвал We Five. Каждый вечер он увозил меня с собой, мы ужинали и я даже немного участвовала в репетициях его группы. Репетиции проходили в доме родителей их солистки Беверли в нескольких милях. Должно быть, You Were On My Mind я слышала не меньше сотни раз, и мне не надоедало.

Джон

Майк принёс мне хорошие новости. Он поговорил со своим братом, занимающимся рынком нянь и сиделок; если всё срастётся, как он сказал, я смогу жить в Сан–Франциско.

Его брат — Джон Стюарт, солист Kingston Trio. Он жил со своей женой и двумя ещё грудными младенцами на севере, в Мельничной Долине, а Трио в данный момент записывало здесь, в Лос–Анжелесе, свою новую пластинку для Капитоля, и Майкл взял меня с собой, когда поехал на студию, расположенную на углу Франклина и Вайна. Я знала, что дальше мне предстоял перелёт в Сан–Франциско.

Больше я никогда Майкла не видела, но часто думала о том, как случайные встречи могут изменить всю жизнь. А что если кто–нибудь другой сидел бы рядом со мной тогда в Трубадуре?

Мельничная Долина оказалось небольшим, претендующим на художественный вкус районом, расположенным сразу за мостом Золотые ворота, если ехать из Сан–Франциско. Мне действительно невероятно повезло. Жена Джона приняла меня как свою собственную дочь. Она сама обставила мою комнату, и взяла меня с собой в магазин, чтобы выбрать для меня несколько красивых новых платьев. Она купила мне мои первые в жизни туфли–лодочки на шпильках. Помимо всего, она платила мне целых десять долларов в неделю, за то, что я присматривала за её детьми и делала по дому разную, обычную в этом случае работу, и чувствовала я при этом себя совершенно равноправной. Меня приняли в семью, настоящую семью, но где–то в глубине души я чувствовала, что так не может продлиться вечно, что всё слишком уж легко получилось. Я чувствовала себя Ричардом Кимблом, героем телесериала, вечным беглецом, всегда ожидающим тяжёлой руки, ложащейся ему на плечо, на улице я всё ещё с опаской посматривала на копов: вот сейчас они меня схватят, и отправят обратно в Голливуд.

Я уже провела в блаженном счастье в семье Стюартов три месяца, как Джон объявляет, что не плохо бы меня записать в местную среднюю школу. Меня как будто спустили обратно на землю, опять мне придётся срываться с места. Ещё сказал, что хочет найти нам хорошего адвоката и, может быть, им удастся удочерить меня. Я понимала, что этого никогда не будет. Ему никогда не найти никого, кто бы смог встать на пути моей матери, и распутать паутину, которую она сплела. Без сомнения она предпочтёт видеть меня под замком, чем живущей в нормальной дружной семье. Я словно снова почувствовала на

руках холод стальных наручников, мысленно перенесясь в те унылые, угнетающие душу залы Лос–Падриноса. Стюарты изо всех сил пытались разуверить меня, но я не видела ни единого шанса. Я оставила им на обеденном столе прощальное письмо, в котором как могла, благодарила за всё сделанное ими ради меня, и опять легла на прежний курс, целью которого был, как и прежде город Нью–Йорк.

Ники

В парке Созалито я познакомилась с группой хиппи и автостопом мы с ними доехали до Беркли. Нашей целью была небезызвестное Телеграфное авеню.

Шёл 1964 год, начало эйфории мира, любви и психоделии, самое начало революции детей цветов. В этом бульваре было что–то магическое, атмосфера созидания, калейдоскоп цветасто–одетых уличных певцов, бродяг, поэтов, хорошеньких девушек и статных, красивых парней с бунтарски отращенными длинными волосами. Одурманивающе–очаровательный аромат ладана, пачули и тлеющего гашиша застилал воздух таинственной мглой. Такого в Голливуде никогда и нигде не встретишь.

На Телграфном я встретила парня в совершенно невероятных солнцезащитных очках. В старомодную тёмную оправу Lucite были вставлены светло–зелёные стёкла, и я не удержалась и сказала ему:

— Отличные заслонки.

Он взглянул на меня поверх своих очков.

— Полагаю, тебе они подойдут больше, — сказал и надел их на меня.

— Ты здесь живёшь?

— Нет, я только что приехала. Мне даже негде переночевать.

— Не беда, — просиял он. — Остановиться найдём где.

Ники смотрел на меня ясным взором своих зелёных глаз и так заразительно улыбался, что даже рассмешил меня. Взъерошенные каштановые волосы чуть касались плеч его старомодной замшевой куртки, и что–то артистическое было в его осанке. Его манеры можно было принять за самодовольство, но это было только от того, что он хотел выглядеть солиднее своих лет. Ему было всего пятнадцать, но он уже писал стихи, курил паровозиком, играл на гитаре и водил старенький красный Чеви пикап. Мятежным духом, но юным сердцем, вот таким был этот Ники.

Родители его развелись, когда он был ещё ребёнком, отец, Рольф Кан, был гитарным мастером, а мать, Барбара Дейн, пела блюзы. Ники был предоставлен самому себе и играл по фолк–клубам уже с двенадцати. Но не только по духу был мне близок Ники, он взялся мне помочь безопасно добраться до Нью–Йорка.

Как и было обещано, он нашёл, где мне остановиться. У одних студенток, изучающих политологию в Беркли и живущих невдалеке от университетского городка. Вечером он заехал за мной, и мы в его грузовичке объехали все местные музыкальные

клубы и уже ближе к полуночи, вернувшись на Телеграф–авеню, остановились послушать блюзы. Пара подростков, убежавших из дома и полных революционных идей, живущих просто настоящим моментом — вот кем мы были.

Ники тут же сочинил для меня невероятно красивый блюз, назвав его, «Песней поезда». В нём было что–то очень грустное, скитальческое и совсем простое, как поезд, отъезжающий от станции, полный ярких надежд и мечтаний, отправляющийся вместе с тобой в путешествие по жизни. Но мне стало весело на душе, хотя слова и вызывали во мне слёзы, а к концу я совсем растаяла. В этой Train Song звучали и неудовлетворённость, и нежная грусть, и мечтательность юности. Пока он играл, я представляла свою жизнь, несущуюся по Вселенной в танце, в путешествиях, к мерцающей далеко впереди цели. Оказывается, мне не хватало именно этих слов, чтобы понять себя. Я и теперь вся дрожу, вспоминая её.

Однажды вечером я услышала под окном женского корпуса, где жила, возбуждённые крики, кричал Ники:

— Быстро, прыгай ко мне в грузовик, здесь копы!

Я жила в Беверли всего несколько недель, но кто–то сказал, что видел в полицейских листках мою фотографию. Словно чей–то вопль я услышала. Опять полиция была у меня на хвосте, и во всех кафе на Телеграфном висели мои фотографии.

Ники отвёз меня к своему отцу, это в двух часах быстрой езды к северу, в небольшой тихий городок Инвернесс.

— Здесь тебя никто не выследит, — заверил меня он.

Живописные пастбища с разбросанными по округе старыми фермерскими строениями по обе стороны от затейливо вьющейся реки, протекающей прямо через самый центр Инвернесса. Отец Ники, Рольф, был похож на цыганский вариант Джонни Кэша, также как и он, весь одетый в чёрное с огромной гривой чёрных как воронье крыло волос и умными, внимательными тёмно–карими глазами. Увидев своего мятежного сына, он недоверчиво поднял брови, но через секунду смилостивился и сказал, что мы можем остаться и пожить у него, сколько будет нам угодно.

До этого вечера я никогда не задумывалась об интимной стороне жизни, но этот вечер был особенным. Меня положили в уютную детскую кровать Ники, а сам он устроился с гитарой напротив и пел мне серенады. Я понимала, что что–то должно произойти, и это что–то оказалось божественным

В полной темноте мы предались неземной пылкой любви. Его поцелуи были как глотки прохладной росы в раскалённой пустыне. И комната, и всё кругом, всё для меня исчезло, перестало существовать. Только мы и Вселенная. Чистота и

невинность наших душ могли сравниться только с религией музыки, возносящей твой дух до небес. И уже утром скользящий звук, надеваемых Ники ливайсов, щелчок застёгиваемой им пряжки ремня и вид его ещё по–детски нежной кожи — от всего — я была близка к обмороку. Мне вдруг захотелось войти в его тело, стать его частью.

Ники раньше не замечал во мне этого и, до того как мы встретились, жил с одной стюардессой, старше его по возрасту, женщиной двадцати двух лет. Она осталась в Беркли, и он сказал, что собирается порвать с ней и едет, чтобы сказать ей об этом.

— Я скоро вернусь, а ты здесь будешь в безопасности, — успокоил он меня, на прощанье крепко поцеловав.

Сказал и уехал.

Арнольд

А на следующий день стал паковать чемоданы Рольф. Он объяснил, что едет в Нью–Йорк, хочет что–то там продать, и что я могу остаться. Поверить только, он оставлял меня одну в этом огромном старом доме, стоящем в самом центре нигде! Там не было даже телефона. Я провела неделю, исследуя округу, написала кучу сонетов и с нетерпением удивлялась, почему не едет мой милый Ники. Однажды в конце дня я услышала лёгкий стук во входную дверь. Вместо моего юного красавца, там стоял высоченный крепкий парень, сказал мне, что приехал из Бостона и ему нужен Рольф.

Арнольд Камминс был похож на эксцентричный вариант Криса Кringла, своими курчавыми седоватыми волосами и старомодным чёрным докторским саквояжем. С радостью, что хоть кто–нибудь составит мне компанию в этой глуши, я пригласила его в дом, и мы проболтали до глубокой ночи. Он оказался очень приятным человеком, какими бывают обычно все доктора в маленьких провинциальных городках, которые заглядывают к своим пациентам просто так, посидеть и поговорить за чашечкой чая. Он чуть–чуть играл на гитаре, особенно любил блюзы и был горячим поклонником музыки, которую сочинял Рольф. Я так увлеклась, рассказывая о себе, что не заметила, как он уснул. Уснул стоя, прислонившись к дверному косяку. И только сильный взрыв храпа его разбудил. Больше я никогда не встречала, чтобы кто–нибудь мог так засыпать, прямо на ходу, как тогда уснул Арнольд.

Утром, укладывая свой чемодан в машину, чтобы лететь домой, он повернулся ко мне:

— Может быть, полетишь со мной в Бостон, сможешь пожить в моей семье некоторое время, а?

Я вспомнила о Ники. Его не было уже неделю — хотел ли он вернуться?

Следующим, что мне запомнилось, это

самолёт, летящий на восток

У Арнольда была очень милая жена, Салли, и два сына, совсем ещё малыши, жили они в фешенебельном пригороде Ватертауна, штат Массачусетс.

В Бостоне выпал первый снег, и их тюдоровское поместье будто сошло с рождественской открытки. Помимо врачебной практики у Арнольда было своё небольшое кафе, со смешным названием «Голова турка», где вечерами выступали местные таланты. В мои обязанности входило разносить горячий сидр и капучино, так что у меня появились карманные деньги. Снова я была в безопасности и твёрдо стояла на ногах. Все ангелы были на моей стороне, но мысли мои были заняты Гринвич—Виллиджем, и мне хотелось снова увидеться с Бобом Диланом.

У Камминсов я жила уже три недели, когда милый доктор Арнольд, который и сам верил в мечту, заявил, что его друг едет на выходные в Нью–Йорк. И ещё сказал, что если я всё ещё хочу туда попасть, могу поехать с ним. Ещё он дал мне двадцатку, чтобы я могла вернуться в Бостон Грейхаундом, если решу остаться в Нью–Йорке на некоторое время.

Он высадил меня на углу Бликер и МакДугала, в самом–самом сердце Деревни.

— Ты в порядке? — спросил он.

Здесь были и Газовый свет, и Голубой ангел и кафе Wha?, все те места, о которых я столько слышала.

— О, да, думаю, это то самое место.

Моя мечта стала явью, вот что значит не сворачивать с пути, ничто не смогло меня остановить. Будто все ангелы мира спустились с небес, и, расправив крылья, перенесли меня словно по мосту. Вот стою я, и передо мной Нью–Йорк, на крыльях ангелов попала я сюда.

7

1964, ближе к Рождеству

Я позвонила Бобу в Вудсток, но женским голосом мне ответили, что он только что уехал на гастроли. Гм, что дальше? Я была так наивна, я ни о чём не думала, например, о том, а где я буду сегодня ночевать? Солнце начало клониться к закату, и впервые за всё время моего путешествия я испугалась. Вот стою я, одна, на улице, посреди большого города, города, где я не знаю ни души. И я пошла на звуки, доносящиеся издалека, музыки. Они привели меня к парку на площади Вашингтона. Это был один из волшебных дней уходящего индейского лета и все эти необычно–выглядящие люди стекались к этому фонтану, похожие на рой светлячков в саду. Бродяги, мошенники, жонглёры, баптисты, художники, одинокие гитаристы и небольшие группы, играющие свою музыку. Потрясающая атмосфера, большинство парней говорили и выглядели как юный Боб Дилан. На многих были маленькие дилановские кепки и гармошки Хохнера на шее. Я разговорилась с одни длинноволосым девятнадцатилетним парнем, местным Казановой и приятелем всех мятежных душ. Билл Миллер — гитарист местной группы, American Dream, и, как и многие другие, незаконно живущий коммуной в одном шестиэтажном доме

без лифта на Восьмой улице

За свои скитания я перевидала много ужасных мест, но Ист–Виллидж… далеко не песчаные пляжи и раскачивающиеся на ветру пальмы Калифорнии. В кухне стояла ванна в ночное время, используемая кем–то как постель, а грязный запущенный коммунальный туалет, не производил впечатление счастливой жизни обитателей. И — ип! Я ещё никогда не видела такого количества тараканов!

Все ждали какого–то парня, которого они звали Химиком. Он должен был принести какие–то кристаллы мета, какие достанет.

Хмурый парень с отметинами оспы на лице, под его тёмным пальто висел на плече старый чёрный ранец. Он высыпал на стол горку искрящегося белого порошка и стал небольшой лопаточкой пересыпать его в спичечные коробки. Бросил щепотку этой экзотической пыли в стакан с вином и пустил его по кругу, мне бы сказать, «нет, спасибо», вместо этого я сделала большой глоток этой горькой жидкости и предала дальше. Следующие два дня я буквально не сомкнула глаз. На второй вечер пошло раздражение. Что было в этом стакане? Буду ли я вообще спать когда–нибудь? Моё сердце бешено колотилось, как у испуганного кролика, а ввалившиеся глаза больше походили на две тусклые луны. К рассвету я отсчитала несколько монет купить горячего шоколаду у Смайлера, в круглосуточной забегаловке, и, о ужас! На кафельных грязных ступенях лежал человек. «Боже, он умер!» Я нагнулась послушать, бьётся ли ещё сердце, и вдруг, он меня ещё больше испугал, вскочив на ноги, как если бы в них были спрятаны пружинки. Я бросилась в забегаловку и купила ему горячего кофе и сладкую пышку с вишненкой из денег которые мне дал Арнольд, надеясь, что это придаст ему сил. Я сильно переволновалась за старика, но когда рассказала о нём Биллу, он рассмеялся и сказал, что я совсем не знаю Нью–Йорка.

— Он — бродяга и бездельник, и он всегда там спит.

Ещё не прошло сорока восьми часов, моего пребывания в Нью–Йорке, а у меня уже появился рок–н–ролльный приятель, уже торчала на спидах и уже перезнакомилась со всеми местными бродягами — но разве об этом я мечтала?

В моих походах по соседям я открыла для себя чудесное небольшое кафе на углу Бликер и МакДугала. Кафе Фигаро. Шумное место, где собирались хорошенькие уличные нимфы, пустые, потерянные для общества молодые люди и любознательные жители окраинных трущоб. Вечерами в этом подземелье проходили дикие танцы, и всегда у кого–нибудь с

собой обязательно было много LSD — мы проглатывали его тоннами.

Именно в этом ящике Пандоры я встретила подруг, которые остались со мной на всю жизнь. Среди них была четырнадцатилетняя Лиз Аргисс, чья мать работала в Ревлоне. У Лиз всегда были с собой бумажные пакеты с губной помадой, румянами и тенями, которые она раздавала, не скупясь, так что мы всегда выглядели на все сто. Ещё я встретила там маленькую красавицу Патти д'Абанвиль, ангела с голубыми глазами. В свои тринадцать она уже завоевала сердца всех парней и мечтала стать актрисой. Мы сдружились, и стали братством сбежавших «маленьких женщин».

Лиз окрутила женатого гитариста Рика Дерринджера, а Патти украсила собой киноленты.

Я быстро сдружилась с девушкой из богатого пригорода, которая спасла меня от разрушительного действия 8–й улицы и от полного разорения. Эйлин Рубинштейн — очень изящная, со струящееся–чёрными, коротко стриженными волосами и угловатым, в стиле Пикассо, лицом. В Фигаро она приходила потанцевать и всегда одевалась, как если бы собиралась на свадьбу. Всё у неё было самое–самое от Бетси Джонсон, и ужасно дорогие, всем на зависть, туфли от Анри Бендель. Эйлин было семнадцать, на три года старше меня. Родители её развелись, и после суда она должна была остаться с матерью, так что вела она себя без тормозов, и я свободно могла переехать к ним жить. Ещё ей было разрешено пользоваться отцовским счётом, и она с радостью делилась своим богатством. Мисс Рубинштейн ввела меня во всё, что может предложить город Нью–Йорк.

Эйлин научила меня искусству макияжа, в особенности как носить накладные ресницы и бинтовать расцветающую грудь, чтобы втискиваться в узкие платья от Мэри Квон. Я становилась всё чарующе и чарующе. Вы могли нас застать танцующими до рассвета либо у Артура, одном привилегированном клубе, либо в ультрамодных Ундинах, затем в пять утра мы шли завтракать в Брассери или Клик. Я стала, как вампир, реагировать на лучи солнца. Люди шли на работу, а мы приветствовали такси всеми чарующими наимоднейшими девчоночьими регалиями, психоделическими сатиновыми блузами, вплоть до наших подростковых грядок с ярко–фиолетовыми боа, развивающимися на утреннем ветерке. Вот так протекала моя новая жизнь:

шикарные дискотеки и танцы–ночь–напролёт

В Ундинах я познакомилась с одним длинноволосым блондином, одетым очень необычно. Полосатые шерстяные обтягивающие брюки, куртка английских школьников и кремового цвета кашемировый шарф, небрежно повязанный вокруг шеи.

Эрик Эмерсон оказался подающим надежды начинающим модельером и вёл он себя соответствующе, скорее даже вызывающе; в отличие от других парней он всем привлекал к себе внимание. Его эксцентричные выходки были на грани, как говорится, был ходячей П (проблемой).

В тот вечер сцену давили Двери, и мы танцевали как одичалые, особенно, в том месте, помните, когда Джим Моррисон выдавливал из себя, «Come on baby, light my fire». Вдруг Эрик спросил меня, «Не хотела бы я съездить в центр, на Фабрику?» Там Энди Уорхал устраивает какой–то джем. Но перед тем как поймать такси, Эрик забежал в туалет, и быстро вернулся.

— Я только что вмазался кислотой, а ты как, хочешь?

Вау, вмазаться LSD? Я даже не знала, что ты этим балуешься! Помню, последний раз один доктор сделал мне укол, так я почти потеряла сознание, не сказать, что инъекция кислотой звучит безумно.

— Можно я чуть попробую из этой склянки?

Я прикоснулась кончиком языка к пробке. К тому времени как мы добрались до центра, булыжники мостовой превратились в мерцающие рубины, сапфиры, зелёные изумруды. Как я ни старалась, но не могла извлечь ни одного камня.

Эта Фабрика представляла собой ничем не примечательное облупившееся здание бывшего товарного склада, на 48–й. Рахитичный грузовой лифт со складывающимися гармошкой металлическими решётками вместо дверей остановился прямо напротив входа на верхний этаж, и перед нами открылось море ослепительных декадентских гуляк, будто разыгрывающих сцену из феллиниевского «Джульетта и духи». Хорошенькие мальчики с лицами девушек танцевали с женщинами, похожими на какие–то экзотические птицы. Даже у каждого не–очень–миловидного личика был свой шарм и особенная красота. Фильмы Энди проецировались на стены, и издали доносились тяжёлые буханья Velvet Underground. Это было более чем просто вечеринка; это больше походило на из–ряда–вон–выходящий стиль жизни. Со

мной тут же познакомился фотограф Космополитена, Франческо Скавулло, сказал, что из меня выйдет отличная модель, и дал мне свою визитку. Я танцевала с Нико, с чарующей немкой, солисткой Бархатного подполья, и флиртовала с Лу Ридом. Более всех меня заинтриговал сам Энди, и он меня пригласил, как он выразился, «почаще навещать» его. Ещё он хотел сделать мой портрет.

Зима 1964/65

Итак, я — в королевстве Уорхала. Не хочу вспоминать о вечерних попойках, лучше расскажу о Фабрике дневной, во всей её славе, всей в серебре от пола до потолка. Даже туалет был весь обклеен алюминиевой фольгой, искусно расписанной непристойными картинками.

Энди со своим ассистентом, Полом Моррисси, стоял у окон в эркере и с увлечением запускал в небо Нью–Йорка наполненные гелием серебристые подушки. На жалком диванчике, единственном представителе семейства мебельных, сидели две красотки — загадочная и непостижимая блондинка Нико и лучезарная актриса Мариша Беренсон. Ронни Катроун брызгал на холст краски, а болезненно красивый барон Франгуа де Менил сидел в углу у портативного проигрывателя и бесконечно проигрывал Do You Believe in Magic, только что вышедшую сорокопятку Lovin' Spoonful.

День уже сменил утро. Энди установил 16–миллиметровую камеру буквально в метре от моего лица и заставил меня покачиваться и выгибаться перед длиннофокусным объективом, помнится, не менее часа. По–моему он назвал эту короткометражку «Кинопробы». День, беспорядочно блуждая, прошёл в обычных исканиях и завершился очередной попойкой.

Его Фабрика была открыта для всех. Никаких привратников или охраны. По существу любой мог быть гостем, но с одним «но», если вы не принимали участие в этой странной игре, вас быстро захватывала тоска.

Энди обладал эффектом присутствия, он был своего–рода фантомом, дирижёром с тихим мягким голосом, зорко наблюдающим за всем, что происходит вокруг него, и готовый в любой момент включить камеру. За всё время, проведённое на Фабрике, я так и не смогла ни разу уяснить для себя, кого бы он мне напоминал. Он непрерывно создавал характеры, образы, которые привлекали, но не давал времени сосредоточиться на них.

В ту зиму меня можно было обязательно найти на Фабрике, где меня снимали для французского журнала мод Пари–Мач. Ещё я умирала от желания (и это происходило каждый день) стать диск–жокеем в имеющей дурную репутацию дискотеке Ундины. Такая работа приносила бы еженедельно пятьдесят долларов, плюс бесплатный стол, и когда Билли ушёл, я заняла его место.

Ундины ничего общего не имели с Фабрикой

они были модным рок–н–ролльным местом. Этим диско владел Джерри Шацберг, фотограф журналов мод, и там всегда было полно длинноногих моделей, гламурных девиц и достойных им симпатичных парней. Уоррен Битти держал там двор и не появлялся без своей свиты из дамочек. Его любимым местом были диванчики белой кожи прямо рядом с танцплощадкой. Помните, когда Камни или Yardbirds были в городе — они всегда проводили остаток вечера в Ундинах.

Там я столкнулась с моей подругой Лиз, миниатюрной блондиночкой из Виллиджа. Она тусовалась тогда с Денни Лейном, двадцатидвухлетним солистом Moody Blues, и пригласила меня на небольшой званый ужин, устроенный в честь группы. Денни танцевал до поздна — стильный английский костюм, ботинки с испанским каблуком а-ля Битлз. Вылитый Джон Леннон с по–маккартниевски томным взглядом. Когда он подошёл ко мне и сказал своим мягким английским выговором, «Привет, любовь моя», я увидела нас, стоящих перед алтарём. Этот человек изменил всю мою жизнь и подарил мне моего единственного сына.

Я не пропустила ни одного их концерта и находилась в полуобморочном состоянии, каждый раз, когда Денни пел Go Now своим задушевным мягким голосом.

Если бы секс был любовью, я давно завязла бы по самые уши. О совместимости я ещё ничего не знала, а о Денни я знала только, что он красив, поёт в рок–группе и живёт в Англии и что я без ума от него — вполне достаточно для романтически настроенного подростка. С самого начала я наврала Денни, что мне почти восемнадцать, так я обыкновенно отвечала. Впечатляющая разница для пятнадцатилетней сбежавшей нарушительницы закона из Калифорнии — не анкету же заполняла. Когда же осталась на ночь в его номере нью–йоркской гостиницы, я проснулась до рассвета и заперлась в ванной, чтобы выглядеть свежей, накрашенной, с накладными ресницами, подведёнными глазами и лёгким румянцем, затем, проскользнув обратно в постель, сделала вид, что только–что проснулась. Чем я занималась так долго в ванной? Но о моём возрасте он никогда не спрашивал.

По завершении нью–йоркского куста в плане у Moody Blues стоял отдых в Пуэрто—Рико, а мы с Денни — на самой вершине

нашего романа и говорить друг другу «прощай», не было сил, но когда я появилась на пуэрто–риканском пляже в купальнике, остальные члены ансамбля обомлели. Я могла одурачить Денни, но на залитом ярким солнцем пляже я выглядела телёнком. Этим же вечером состоялся военный совет: вопрос стоял о моём несовершеннолетии, и Денни обязали отправить меня из страны. Утром меня посадили на самолёт и отослали обратно в Нью–Йорк.

На прощанье Денни сказал, чтобы я не волновалась и что могу приехать в Англию в любое время, но подумайте, как мог попасть паспорт в руки сбежавшего подростка? Денни вернулся в Англию, и мы обменивались дорогущими международными телефонными звонками и письмами, готовыми вспыхнуть от переполняющей нас тоски. В ту же неделю, как мне исполнилось шестнадцать, я решила, что пришёл мой шанс обрести свободу и получить паспорт. Всё что мне нужно было это согласие родителей на путешествие одной, которое я, не задумываясь, выковала сама. И вот я на пути в Англию.

8

1966

Я увидела Денни, встречающего меня и стоящего за стеклянной стеной с огромным букетом цветов. Прошло почти шесть месяцев, и он выглядел даже ещё ослепительнее, чем каким я его запомнила. У меня начала кружиться голова, так как мне показалось, что таможенник слишком внимательно изучает мой паспорт и поддельное письмо и вдруг спрашивает, где мой обратный билет. Что за обратный билет? Разве я не приехала, чтобы остаться навсегда? И с безжалостным британским акцентом он распорядился:

— Будьте так добры, отойти в сторону, мисс.

О, мой Бог! Меня собираются арестовать, и я с эти ничего не могу поделать! И не только я не увижу Денни снова, но они созвонятся с властями, найдут мою мать, и отошлют меня обратно в тауэр. Когда прошли через паспортный контроль все остальные пассажиры, подошёл Денни и спросил:

— Что случилось, любовь моя?

Офицер преградил дорогу.

— Во–первых, отойдите, она несовершеннолетняя, у неё нет обратного билета, и в паспорте нет никаких пометок о её месте жительства. Она не может пройти на территорию страны.

Я была близка к обмороку, но и тут не обошлось без вмешательства доброго волшебника: таможенный инспектор узнал Денни. Выяснилось, что он большой поклонник Moody Blues и совсем недавно видел их с песней Go Now по телевизору в программе Top of the Pops. Улыбаясь во весь рот, он поставил штамп в паспорт с разрешением на три месяца, и мы вышли в город.

Мы промчались по улицам Лондона в крошечном Мини–Купере Денни, махнули через мост Путни до Карлисл–сквер.

Волшебное место, этот Лондон. Мне нравилась украшенные лепкой и колоннами с портиками его дома, тихие парки и узкие, мощённые булыжником улочки. Запах маленьких магазинчиков был знаком и радовал душу. Я чувствовала себя, как будто была уже здесь прежде, как если бы вернулась домой после долгого отсутствия.

А эта длиннющая Кингс–роуд в Челси? Она была как один удивительный таинственный частный клуб. Там можно было встретить и длинноногих моделей, важно вышагивающих в своих бархатных мини и цветных сапогах на платформе, и рок–музыкантов, пришедших сюда прикупить что–либо для себя, множество кафе со столиками прямо на улице, а все парни

походили на рок–звёзд. Моим самым любимым местом стал единственный в своём роде Челси–Антик–маркет, переполненный до краёв всякими викторианскими сокровищами. На одном из верхних этажей одна очаровательная венгерка, Улла, перешивала старинные шёлковые платья, невообразимой красоты French cravats и украшенные вышивкой piano shawls (шали) в причудливые в форме призмы костюмы. Самый верхний этаж занимал сад, разбитый прямо на крыше, с которого открывался роскошный вид на всю Кингс–роуд, и где ты могла выпить чаю и насладиться пирожными и бисквитами, пока перед твоим взором проходили люди в феерических, экстравагантных одеждах. В самом конце Кингс–роуд был магазинчик, который носил название «Бабуля собирается попутешествовать». С фасада в стену была вделана задняя часть от автомобиля, как если бы он только что въехал в окно. У Бабули специализировались сшитыми–на–заказ бархатными ковбойскими куртками, ручной выделки сапогами из змеиной кожи и обтягивающими вельветовыми брюками. На их визитке стояла подпись:

У Бабули делают одежду, которую вы одеваете, перед тем как заняться любовью

Рассказ о моём поколении сравни рассказу о целой новой эре, а то было только самым её началом.

Квартира Денни не имела ничего общего с моим представлением о ней; ничего необычного или претендующего на художественный стиль — современная обычная квартира, уютная и удобная, с замечательным садиком во дворе.

Битлз только что заняли верхнюю строчку со своим Револьвером и пластинка Here, There, and Everywhere не сходила с нашего проигрывателя, как если бы была нашим гимном.

Я попала в самую гущу психоделической, рок–н–ролльной революции. Только представьте, приходишь на вечеринку и видишь Джона Леннона или ешь из одного котелка (have a puff of pot) с Полом МакКартни. Мы танцевали с Ринго и Морин, а галлюциногенные ночи проводили с Брайаном Джонсом и его подружкой–немкой, Анитой Палленберг. Я души в Денни не чаяла, готовила, стирала, гладила ему рубашки. Думала, что мы счастливы, но… скоро в раю разразилась гроза.

Когда тебе шестнадцать, ты не судья своим эмоциям и меня поставила в тупик сумасшедшая подростковая страсть к идее вечной любви. Пока мы были в постели, а проводили там почти всё время, мы были ослеплены страстью, но постепенно Денни становился невероятным мудаком (простите за каламбур) со своей пугающей сумасшедшей ревностью, и фраза, которую я раньше не понимала, стала пророческой. «Любить её — нуждаться в ней везде». Оно подкрадывалось ко мне медленно, это ощущение, ощущение, что тебя снова посадили в тюрьму. Я не могла даже сбегать в магазин, без того, чтобы он не ждал меня у дверей, переполненный неприятными намёками. Доходило до того, что иногда он валил меня на пол и бил, в клочья разрывая на мне одежду, вообразив невесть что, черти селились в его зелёных глазах. Позднее он раскаивался, и я так хотела верить в искренность его чувств!

Увеличивающаяся драма отразилась на сексе, он стал лихорадочным, нервным, я бы даже сказала перевозбуждённым, но корень трагедии заключался в моём бегстве от насилия надо мной. Его ревность вышла за все рамки, однажды он бежал целый квартал за автобусом, только из–за того, что какой–то парень, стоящий на подножке, увидев меня, присвистнул. Я даже начала ходить, опустив голову вниз, только чтобы сохранить мир. В

довершение всего, Денни не нашёл ничего худшего, чем решил, что самое время ему уйти из Moody Blues. Работы нет, времени на ни на что — избыток, в итоге он погрузился в страшную депрессию, чего я никак не могла постичь.

Жизнь с ним стала постоянным уклонением от надвигающейся катастрофы. И не важно, что я делала, что говорила, я не могла заставить Денни поверить, что люблю его. Я запуталась; разве любовь предполагает боль? Денни стал моим первым домом, впервые я почувствовала себя в безопасности. Уходить я не хотела, но и оставаться не могла. В слезах покидая своего разъярённого самца,

я отправилась обратно в город Нью–Йорк

Я вернулась вместе со своей подругой, Эйлин Рубенштейн, и мы приземлились в точности откуда уехали, с дискотеками и танцами до утра. Мне не хватало Денни, но чувства смешивались, когда я думала о нём. Думаю, что мною тогда владела мечта любить кого–то или даже, скорее, быть любимой. Мне по–прежнему было шестнадцать, но вела я себя по–взрослому, стараясь изо всех сил выжить. Мне трудно досталась моя свобода, но в этом мире я оказалась такой одинокой.

Тем временем печально известный диск–жокей Мюррей–Кей организовал десятидневное шоу в Академии Музыки на 58–й. На афише крупными буквами стояли имена Мича Райдера, Смоки Робинсона, Вильсона Пикетта, а так же группы Blues Project. Смоки отказался в последнюю минуту, но самым большой приманкой стали два дебютанта из Англии — группы Who и Cream. Мне их посоветовала моя чёрная подруга Эмеретта, которая со своим обаянием могла бы проникнуть даже в Форт–Нокс. Может быть, нам удастся что–нибудь увидеть. Мы проскользнули за кулисы как раз вовремя — только что началась репетиция. Это было что–то, Роджер Долтри пел возмутительную My Generation! Сказать, что мы были в восторге, это ничего не сказать; ни охраны, ни души в партере, и мы одни рядом с музыкантами. Усевшись на последнем ряду, мы присутствовали при рождении истории.

В тот самый момент, когда Пит Таунзенд вооружившись своей гитарой, пытался пробить стену из звуковых колонок, пришёл Эрик Клаптон и сел прямо рядом со мной. Кит Мун расшвыривал свои барабаны с такой яростью, как если бы это были пьяные ковбои, напавшие на него в каком–нибудь баре на Диком Западе, куда он зашёл пропустить стаканчик. Затем они всё это предали огню — и это была всего лишь репетиция! Это было первое появление Who и Cream на американской сцене, а мы с Эмереттой оказались их первыми и единственными (!) зрителями.

Эрик Клаптон был во всём английском, бархатные фиолетовые брюки и сапоги из змеиной кожи; здесь в Америке, ничего подобного тебе бы не достать, и всё это делало его ещё более загадочным. Эрик спросил, останусь ли я посмотреть и его группу, а затем пригласил нас с Эмереттой зайти к ним после репетиции за кулисы. Мы быстро нашли общий язык и, сдружившись с этими вторгшимися в нашу страну англичанами, не пропустили ни одного их выступления. А концертов было пять

в день, и первый начинался невероятно рано — в 10:30 утра! Cream успевали сыграть только I Feel Free и I'm So Glad, а завершали выступление Who, своим My Generation. Я стала неутомимой поклонницей этих британских рокеров. Если бы только я знала тогда, что в совсем недалёком будущем я перееду жить к Эрику Клаптону, буду петь на сцене с Джинджером Бейкером, а Роджер Долтри станет моим самым близким другом!

По возвращении из Англии со мной начали происходить странные вещи. Приступы головокружения и апатии, а незначительные, даже самые слабые запахи косметики и духов вдруг стали вызывать у меня странные позывы к тошноте. В таких мучениях прошло несколько недель, я реагировала и на запах еды и даже на то, что кто–нибудь рядом со мной вздыхал, я неслась в туалет, где меня выворачивало наизнанку. Думала, подхватила какой–то азиатский грипп, изнуряющий меня десятифунтовыми рвотами, думала так, пока не сходила к врачу. У меня и в мыслях не было, что я могла забеременеть, и врач просто оглушил меня этим ошеломляющим заявлением. У меня будет ребёнок. Сколько помню себя, всегда хотела иметь своего собственного ребёнка, но то был не лучший момент моей жизни, чтобы привнести новую душу в этот мир. Я позвонила Денни, но он не стал от этого счастливее, сказал, чтобы я вернулась, что так будет лучше для всех нас.

Как если бы меня сбросили с гребня волны в самую глубину между волнами и приказали плыть, но оставалась со мной любовь к Денни, к здраво рассуждающему Денни. Возможно, думала я, ребёнок вернёт мне прежнего Денни.

Денни увлёкся идеей «классика встречается с рок–музыкой» и в свою новую группу, Electric String Band, он включил струнный квартет Лондонской Королевской академии. Группа сразу попала под перекрёстный огонь у критиков, и мы решили, что лучшее, что мы можем сделать теперь — это связать себя узами родства. Мы нарядно оделись, Денни — в сшитый на заказ приталенный костюм и мерцающую психоделическими цветами рубашку, а я, на седьмом месяце — в сатиновое бледно розовое мини и серебристые высокие до колен сапоги на толстенной платформе. Мы взялись за руки и прошли так всю Кингс–роуд до самого конца, где располагался районный отдел регистрации, но в такие ранние часы он оказался закрыт.

После очередной сцены ревности Денни написал мне Say You Don't Mind, как я понимаю, он считал, что этим он извинится передо мной. Грустная получилась песенка,

I've been doing some growing,

Now I'm scared that you're going,

она тронула не только моё юное неопытное сердечко — но и попала в десятку английского списка популярности. Дальше — ещё больше: Catherine's Wheel. Неужели все лучшие песни о любви появлялись от боли, приносимой действительностью?

Я сходила с ума — была слишком беременной, чтобы куда–то бежать; пройдёт совсем немного времени, и мой ребёнок появится на свет в Кенсингтоне в больнице при монастыре Святой Марии.

*

В Лондон на встречу с гитаристом–виртуозом группы Yardbirds, Джимми Пейджем, прилетела моя юная подруга Хизер Тейлор, с которой я часто танцевала в нью–йоркских Ундинах. Только представьте, вот Хизер, живое изваяние шести футов, рыжеволосая модель, изысканно одетая, привлекающая здоровое внимание плохих мальчиков, а вот Джимми, с неземными, кажущимися хрупкими, своими манерами и мягкими чёрными кольцами ниспадающими на его бледную кожу волосами, представили? И с вами не случился сердечный приступ?

К сожалению, после трёх сказочных, совершенно невероятных свиданий он… (выдохся?) недвусмысленно в очень милых выражениях, какими он обычно изъяснялся, сказал ей, что возможно они слишком часто видятся. (!?) В расстроенных чувствах Хизер заперлась вдали от Лондона у своей бабушки, живущей в английской провинции.

К счастью у меня сохранилась бумажка с номером телефона Роджера Долтри, который он дал мне ещё в Нью–Йорке, и, зная его мягкое сердце и любовь к женской красоте, у меня родилась идея.

— Почему бы тебе не позвонить Роджеру. Мне было бы очень приятно, если бы вы подружились.

Хизер последовала моему совету, и позже,

спустя пять лет они поженились

Мои отношения с Денни скатывались в пропасть. Мы вели себя как две японские бойцовые рыбы. В последний месяц моей беременности он пристрастился к гашишу, и, укуриваясь до потери сознания, засыпал там, где сидел. В одну из особенно морозных ноябрьских ночей, помню, ближе к утру, Денни в отключке валялся на диване, в то время как я носилась кругами, полыхая как факел и пытаясь сбить пламя.

— Денни, — наконец, завизжала я, — на помощь, горю!

Он вскочил, как от выстрела, быстро обернув меня в одеяло и похлопывая, погасил пламя, показав этим свою любовь ко мне. Но как только огонь потух, он стал упрекать меня, показывая свои руки в волдырях, и снова завалился спать. Ребёнок стал пихаться ножками у меня в животе, и я спросила себя: «О чём я думала, когда решила иметь ребёнка от этого человека?»

Я прочла уйму книг, которые смогла найти, о родах, и вязала, вязала крючком и украшала вышивкой распашонки и пинетки, готовя себя к материнству. Когда в семь утра начались первые схватки, должно быть, главу о рождении я прочла раз двадцать подряд, не меньше. Я позвонила в больницу, но мне сказали, что время ещё не пришло. Как я узнаю, когда оно придёт? К полуночи я была без сил, боль была так сильна, что я уже не могла терпеть. Странно, Денни вёл себя так, как если бы ничего не происходило.

Я позвонила Хизер с Роджером, ища поддержки, но никто не ответил, тогда я набрала скорую, чтобы они отвезли меня в Святую Марию. К этому времени схватки были настолько часты, что я была почти в бессознательном состоянии. Денни приехал следом за скорой в больницу, но какая–то монахиня сказала ему, что ещё рано, и что он может ехать домой досыпать.

Монастырь Святой Марии был старым, времён королевы Виктории зданием. От всего веяло всем дикенсовским, в коридорах даже ещё сохранилось с тех времён газовое освещение. Сёстрами были монахини, и одеты они были в традиционные длинные чёрные одеяния с огромными накрахмаленными белоснежными чепцами. Две сестры ввезли меня на каталке в небольшое, тускло освещённое помещение и исчезли, как мне показалось, навечно. До меня доносились охи и ахи других ожидающих своего времени женщин. В предрассветной тишине их скорбные, отдающиеся в коридорах эхом стоны звучали особенно ярко. Но моего голоса среди этого нестройного хора не было — я держалась храбро.

Помню очень хорошо, как невозмутимо, самоуверенным

голосом я звала:

— Эй, доктор! Сестра! Кто–нибудь меня слышит? Думаю, ребёнок уже на подходе.

И время, и пространство, всё для меня исчезло. Думаю, каждые несколько часов забегала ко мне одна суетливая монахиня, быстро раздвигала мне ноги, говорила, что ещё рано, и исчезала в сумерках коридора. Вдруг совсем рядом со мной кто–то истошно начал кричать, я испугалась, но постепенно до моего сознания стало доходить, что кричала это я сама. Я сдалась. Такое чувство, будто внутри тебя бьются голодные звери, царапаются, грызутся, пытаясь вырваться наружу. Страшная пытка продолжалась всё утро. Не знаю, было ли у них болеутоляющее, но, помню, никто мне ничего подобного не предлагал.

Как меня перевезли в операционную, не помню, но сквозь затуманенное полуобморочное сознание до меня вдруг дошёл мужской голос, приказывающий мне «тужиться». С белокурыми, длинными до плеч волосами он казался моложе своих лет, и совсем был не похож на доктора. Он согнулся у меня между ног и чуть ли не кричал мне: «Тужься, ещё, сильнее, тужься», пока какая–то незнакомая монахиня держала меня за мою, ещё почти детскую руку. После тридцати бессонных часов непрерывно скручивающей всю меня агонии, 27 ноября 1967 года, этот волшебник, этот таинственный доктор высоко поднял моего ребёнка и воскликнул:

— У вас сын!

Как я мечтала об этом моменте! Он вложил ребёнка мне в руки, и слёзы счастья брызнули из моих глаз. Денни появился точно в часы посещения с огромным букетом свежесрезанных светло–розовых роз, и жизнь показалась мне прекрасным даром.

Вторым моим посетителем была Хизер, она фейерверком ворвалась в неряшливую, окрашенную ещё до войны палату рожениц, плавно скользя во всех своих викторианских регалиях. Длинное до пола оранжевого бархата платье мерцало, колыхаясь при каждом грациозном её шаге. Её роскошные огненно–рыжие волосы поддерживала старинная, усыпанная драгоценными камнями лента, а викторианские кружева, украшенные крошечными вышитыми красными розами, выглядывали из–под воротника её накидки. Сколько помню Хизер, она всегда выглядела как прерафаэлитские принцессы Джона Ватерхауза. Сказала, что сбежала только что с вечеринки, но так одевается всегда. В честь новой маленькой жизни она подарила мне изысканное аметистовое ожерелье, купленное ею на блошином рынке Челси специально по этому случаю, и упорхнула обратно на бал.

В то время в Англии было обязательным правилом оставаться в больнице после родов целых десять дней. Денни не пропустил ни одного дня, но за два дня до выписки его Electric String Band должен был давать концерт в Шотландии. Денни мог вернуться только к вечеру на следующий день, поэтому я взяла такси, и мы с ребёнком одни вернулись в нашу квартиру. Я впала в какое–то сверхъестественное, сюрреалистическое состояние, покидая больницу с крошечным младенцем на руках, моей собственной плотью и кровью. Мне всего семнадцать, а уже стала матерью. Мы спокойно, без происшествий доехали до Челси, и крошка заняла ожидающую его дома детскую кроватку. Когда он заплакал, я подумала, что он проголодался, и дала ему грудь, как учила меня сестра в Святой Марии, и природа заработала во всём своём очаровании. Я искупала его в тёплой ванночке, умыла его головку пушистой мягкой губкой, запеленала в бледно–голубое одеяльце из ангоры, которое сама для него связала крючком. И провела остаток ночи, в изумлении разглядывая эту хрупкую новую жизнь.

Что за приключения нас ждут впереди?

Как ни самобытна была музыка Electric String Band, они больше никогда не собирались вместе. Денни оказался в бедственном положении, и мы были бедны как церковные мыши. Мы надеялись на что–то лучшее, но его мрачное гнетущее настроение, затаившееся на некоторое время, стало проявлять себя с новой силой. Он мог часами сидеть молча, в отчаянии обхватив голову руками. Когда приходила Хизер, моя единственная и верная подруга, он демонстративно шёл в ванную и запирался там, хлопнув дверью. Я — счастливая молодая мать с ангельским чадом на руках. Я любила Денни, и он любил меня, но его депрессия приводила меня в замешательство. Жить в плотном тумане, душащем любую искорку радости. Ни выбраться из него, ни найти подходящее решение, наше будущее рисовалось мне тусклыми красками. И однажды я собрала малышку Дамиана и переехала с ним к Роджеру с Хизер в Сент—Джонский лес. Роджер отвёл нам верхний этаж своего каменного дома и соорудил уютную кроватку для малыша Дамиана из платяного ящика от старинного шкафа. Счастливый дом для нас четверых, но я понимала, что это не навсегда, с ними остаться я не могла. Пришло время строить свою жизнь. Денни закидывал меня письмами и часто звонил, прося вернуться домой. Говорил, что женится, на этот раз наверняка, хотел усыновить Дамиана. Каждый раз, как только я уходила от него, он снова становился тем человеком, в которого я была влюблена. Видеть его нежным, ранимым было выше моих сил, и я всё прощала, но не в этот раз. Я взяла своего шестимесячного Дамиана и отравилась домой, в Калифорнию.

9

Я написала бабушке. Последний раз видела Мими в четырнадцать, в тот последний вечер в приюте, когда на прощание поцеловала её в щёку. Сколько всего произошло с тех пор! Шёл уже 1967 год. За три коротких года я пожила в Сан–Франциско, в Бостоне, Нью–Йорке и Лондоне. Даже побывала в Пуэрто–Рико с Денни! И тусовалась с Энди Уорхолом. А теперь у меня ребёнок, свой собственный ребёнок. Я понимала, что моё возвращение домой с ребёнком станет чем–то вроде горькой радости. Думаю, она привыкла скрывать свои чувства. Она хотела для меня большего — хорошего образования или, по крайней мере, любящего мужа, но встретила Мими меня в своём стиле:

— Я так беспокоилась о тебе, любовь моя; мне тебя очень не хватало.

Но и дня не прошло, как она влюбилась в своего внука, и как всегда стала моим ангелом–хранителем, сделав мою на первый взгляд никудышную жизнь приятной и беззаботной.

Мими помогла меня снять на Бронсон–авеню нижнюю половину стандартного современного дома, стоящего почти под огромными буквами ГОЛЛИВУД. Мы прочесали комиссионки и обставили квартиру совершенно несочетаемыми между собой стульями, столами, кроватью, диваном и прочими вещами, которые покупаются в таком случае, да, и ещё — купили кружевные занавески на окна. Впервые я держала в руках ключ от своего собственного дома.

Женщина с верхнего этажа жила здесь с самого времени постройки дома, и за пять долларов за ночь, она согласилась стать моей верной помощницей. Я нашла себе работу (продавать входные билеты) в одном небольшом ночном клубе на Сансет–Стрип, Thee Experience, известном своими революционными настроениями. Пять миль до работы я проезжала обычно на попутке, а обратно уже к утру домой с Маршалл–Бреветс, меня отвозил вечно раздёрганный владелец клуба.

Название «Опыты» как нельзя лучше подходило к этому небольшому улею немыслимой музыки. За два доллара ты могла увидеть всех, от Чака Берри до Джими Хендрикса. БиБи Кинг, T.Rex, даже юный Элис Купер украшали сцену. В одну из летних ночей Бо Диддли проявился со всей своей командой и доигрывал уже на улице, прямо на тротуаре бульвара Сансет. Обрюзгшего, обросшего бородой Джима Моррисона, можно было часто увидеть рядом с крошечной сценой, мешающего играть музыкантам. Пьяный, еле держащийся на ногах, он добирался до микрофона и

издавал скорбный вопль, пока его осторожно не усаживали обратно за его столик. Царствовали здесь местные группы и давали волю своим чувствам, внося дикое опустошение в сердцах юных леди, скрывающихся в тени. Там было так темно, что мы никогда не знали, что там могло происходить.

Когда я была малышкой, мой дедушка часто подтрунивал надо мной: «Когда вырастишь, парни будут выстраиваться в очередь у твоих дверей, пряча за спиной матрасы».

Я воображала, как целая толпа людей тащит за собой громоздкие кровати к моей парадной, но шутки этой я тогда не понимала. Прошло время, и он оказался прав. Во мне определённо была некая доля обаяния. Любовные записки в виде бумажных самолётиков буквально атаковали мои окна, а просыпаясь, моё крыльцо утопало в цветах, букетах, корзинах цветов. Из всех моих юных обожателей был только один, перед чьим шармом я готова была сбросить свои трусики. Я познакомилась с Романом Полански на одном званом обеде в Малибу, и между нами мгновенно пробежало электричество. В конце вечера он попросил мой номер телефона и позвонил уже на следующий день. Точнее, звонил не он, позвонила его секретарша, и спросила, могу ли я пообедать с ним. Я тогда подумала, что, вероятно, телефон был только у его секретарши.

— Почему он не позвонил сам?

Спустя пять минут телефон зазвонил снова, и мы с мистером Полански договорились о встрече. Он сразил меня чёрным Роллс–Ройсом и отвёз меня в одно уютное небольшое бистро, «Чёрный кролик» на Робертсон. Хотя Роман был вдвое старше меня, но выглядел он ненамного старше других парней, с которыми я ходила на свидание. Элегантный, образованный, с ним мне было очень легко. За обедом я рассказала ему о своём детстве, затем он — о своём, как ему удалось выжить в Польше времён войны, сказал, что его мать была замучена в одном из концентрационных лагерей. Мои глаза набухли, и я не могла сдержать рыданий; он действительно многое перенёс. Горечь моих детских переживаний не выдерживала сравнений. Наше следующее свидание состоялось в Малибу, где он остановился. Мы пообедали рано, затем поехали посмотреть Арло Гатри в «Ресторане Алисы». Когда кино кончилось, было уже поздно.

— Почему бы тебе не остаться, — предложил он.

Сказал, что утром ему нужно быть на студии Парамаунт, и по пути бы подкинул меня. Нет–нет, воспротивилась я, мне срочно нужно быть дома, меня там ждёт мой сынишка.

— Ну, раз так, — сказал он, — раз ты не можешь, почему бы тебе не взять мою машину, чтобы вернуться в город, я бы заехал

за ней утром.

Если бы только мистер Полански знал, что я так и не научилась водить машину! Мой опыт вождения ограничился игрушечными машинами на огороженном автодроме Аутопии в Диснейленде. Тем не менее, я храбро приняла его предложение.

— Давай только немного прокатимся вокруг парковки, покажешь, как ею управлять, — выдала я свою неопытность.

— Не может быть, но ты хоть умеешь отличать педаль газа от тормозов?

— О, да, я всегда это делаю, — хихикнула я.

К счастью автомобиль оказался с автоматической коробкой передач, и я худо–бедно довезла себя до Голливуда.

1968

Мой маленький уютный домик на Бронсоне очень скоро стал местом постоянных рок–н–ролльных посиделок, и голливудские ночи превратились в незабываемые музыкальные искания. Эрик Клаптон подарил мне на восемнадцатилетие гитару Гилд и показал мне несколько аккордов, чтобы я могла играть Badge. Часто звонил Джими Хендрикс, в своей особенной, немногословной манере: «Это Джими… ты не будешь против… было бы удобно, если я побуду у тебя некоторое время?»

Думаю, ему нужно было побыть одному, нужно было место, где он мог бы укрыться от этих женщин, бесстыдно преследующих его. Он не расставался с гитарой, и я, бывало, спрашивала его: «Не сыграешь мне Little Wing, покажешь мне аккорды?»

У меня было много симпатичных ухажёров, но никто из них так и не смог тронуть моё сердце, пока я случайно не встретила божественного Джимми Пейджа. Хизер мне много о нём рассказывала, но никакими словами нельзя описать его обольстительное очарование и шарм, от которого щемило сердце. И не его гибкость, не изысканность вкуса, не рок–н–ролльная внешность или его прерафаэлитское ангельское лицо и мягкие длинные кудри. А необъяснимый тлеющий огонёк его глаз, как если бы он владел некоей тайной, которой решит поделиться с тобой однажды. Это не был просто поцелуй — он завладел моей душой. Я никогда не улетала в такой мрак, в такую чувственность как с Джеймсом Патриком Пейджем. Он пленил меня рассказами об английской глубинке, о своём уединённом имении Пангбурне, обнесённом впечатляющим рвом. При нём я всегда чувствовала, будто окружена туманами Альбиона.

Несмотря на то, что он ни разу не обмолвился ни словом, намёками он давал понять мне, и я уже представляла себя жизнерадостной хозяйкой старинного поместья; я бы ему родила целый сонм серафимчиков, и мы бы были безмерно счастливы. Если бы я только знала, что ещё у нескольких претенденток были точно такие же мысли!

Джимми по–прежнему играл с Yardbirds, но уже твёрдо решил создать в Англии свою собственную группу. И обещал скоро снова вернуться в Калифорнию, если всё пойдёт, как он задумал, с гастролями по Западному Побережью. Очевидно, всё так и получилось, потому что Цеппелины напалмом ворвались в Лос–Анжелес. После блестящего дебюта в Виски, Цеппелины стали новыми рок–н–ролльными богами. Джимми остановился у меня. Мы провели с ним две ослепительные ночи, но группа уехала в

Сан–Франциско, чтобы пройти обряд посвящения в рыцари в знаменитом Филморе.

Вдруг узнаю, что Джимми растворился. Кто–то сказал мне, что видел его в Хайатт—Хаусе на Сансет с одной из знаменитых запповых G.T.O.'s, вождём всех голливудских групиз, мисс Памелой. От моего нежного романтически настроенного юного сердечка остались одни осколки.

Как я мучительно страдала!

Я по–прежнему работала в Опытах, и вот, из самой глубины моего отчаяния, возникает передо мной самый красивый парень и хочет купить билет на БиБи Кинга. Так как выступление его подходило к концу, я сказала, что он может пройти бесплатно, но он не пошевелился. Он просто стоял там, улыбался и смотрел на меня широко открытым взором своих чудесных карих глаз. В моё сердце снова ударила молния и рассыпалась искрами вокруг нас.

— Во сколько оканчивается твоя смена?

Мне оставалось ещё полчаса, но я сказала:

— Прямо сейчас.

На мне было белое летнее мини и мои любимые босоножки на платформе. На перекрёстке мы задержались, и он, взглянув на мои длинные ноги, громко выдохнул. Всю дорогу до кафе я чувствовала приятное томление в груди.

Джаксон Брауни был тогда ещё малоизвестным поэтом–песенником и жил на Холмах Эхо—Парка.

— Может быть, пойдём ко мне, и я спою тебе несколько моих новых песен?

Долго меня уговаривать не надо, и мы нырнули в его нежно–голубой Фольксваген.

Он жил в старом доме, спрятавшемся в холмах Эхо—Парка, и из окон его квартиры открывался удивительный вид на озеро. Всё очень скромно, простая кровать, платяной шкаф, пара столов, да старое пианино в гостиной. Келья монаха, чистая, тихая, с гладкими дощатыми полами. Единственное украшение составляла красивое старинное ещё его бабушки лоскутное, украшенное вышивкой одеяло, распятие на стене, и ваза с увядшими цветами на подоконнике.

Джаксон сел за пианино и стал играть медленную версию Doctor My Eyes. Мелодия была так прекрасна, что меня пробрала дрожь. А когда заиграл Jamaica Say You Will, я уже изнемогала от желания и вообразила себя Ямайкой, занимающейся любовью в тени высокой травы. В тот вечер мы даже не поцеловались, но предчувствие было ещё сладостнее. Вечер стоил всех поцелуев. Я могла провести вечность, только лишь глядя в его бездонные карие глаза, но мне нужно было мчаться домой, забрать моего мальчика у няни.

Встретив Джаксона, я забыла о предательстве Джимми. Явился добрый волшебник и околдовал меня своим добрым сердцем. Он был нежен с малышом Дамианом и устраивал нам замечательные прогулки. Мы плавали на лодке по озеру близ его

дома и поднимались по ручью в сторону парка Бронсона. Одним из моих любимых мест стал один из исторических монастырей. В парке Хайленд дед Джаксона построил его в 1925 году. В этой уменьшенной копии одного волшебного сказочного готического замка в детстве жил Джаксон. А его музыка! Охваченная страстью она пленила меня.

Джаксон написал мне песню Under the Falling Sky. Там были такие слова:

Оставь свою грусть в прошлом

Разожжём вместе пламя любви

Это мы оказались в том пламени. Химия между мной и Джаксоном была сродни магниту и железу. Едва взглянув друг на друга, мы тут же ныряли в постель. Мы осветили своими лучами каждую комнату в доме, его Фольксваген, даже примерочные кабинки в магазинах. Мы никак не могли насытиться друг другом. Запах его волос, кожи, его длинные бесподобные руки, острые очертания его подбородка, его голос, его музыка, всё это было для меня одной.

У Джаксона была работа — он пел в одном из фолк–клубов в пригороде Сан–Франциско, и мы решили взять себе небольшой отпуск. Мими согласилась посидеть с Дамианом, и мы развернули его Фольксваген–жук к северу. Один из друзей Джаксона предложил нам погостить у него, на одной очаровательной ферме, и, заняв уютную комнату наверху, два юных сердца, переполненных страстью, оказались наедине друг с другом. Будто тысячу лет мы были уже вместе, а ведь мне не было ещё и девятнадцати, а ему всего двадцать один.

Джаксон по–прежнему был относительно малоизвестен, но когда мы вернулись в кафе, в котором он обычно выступал, кафе, состоящего всего из одного небольшого помещения, оно было всё уставлено букетами цветов от его поклонников. Когда он пел A Song for Adam, освещённый янтарным лучом сценического прожектора, ты могла услышать, как пёрышко падает на пол. В тот момент я подумала, были бы вместе мы навсегда.

Укутанная тёплыми романтическими отношениями с Джаксоном Брауни, я не замечала времени, мой сын научился ходить, у меня был дом и интересная работа. Моя жизнь приобрела смысл. Я успокоилась. Но тут раздался один звонок. Моя подруга Лорейн, вышедшая замуж за Дейва Мейсона из Traffic, возвратилась из Англии. Я не видела Денни Лейна больше года и уже перестала вспоминать о нём, а тут вдруг, она говорит мне, что сдружилась с ним и дала ему мой номер телефона и адрес. Сначала я рвала его письма, не распечатывая. Но услышав в трубке его мягкий английский выговор, я не смогла сдержаться. Он сказал, что скучает по нашему сыну и что у него было время подумать и измениться. Он даже основал свою издательскую компанию, назвав её в честь сына — Наимад (Дамиан, если читать наоборот). Ещё он теперь играет в новой группе вместе с Джинджером Бейкером, Air Force, и что теперь зарабатывает достаточно денег, чтобы содержать семью, и просит дать ему

шанс. Я провела с Джаксоном в сказочном волшебном мире почти целый год. Как быстро я забываю причинённые мне обиды! После нескольких месяцев тайных звонков и обнадёживающих обещаний, я, вдруг, обнаружила, что думаю: «А может, он и вправду изменился». Он — отец моего сына. Но как я скажу всё это Джаксону?

Как я скажу ему, что возвращаюсь в Англию?

Я тянула до последнего, но даже тогда у меня было тяжело на душе. Зачем я это делаю? Джаксон — умница, он всё понял, отвёз нас в аэропорт, купил билеты на самолёт Британской авиакомпании. Прощаясь, уже у выхода на посадку он вложил мне в руку старинную бархатную кукольную туфельку величиной с перепелиное яйцо. (Эта туфелька до сих пор со мной.) Я понимала, что совершаю чудовищную ошибку. Мне бы остановиться, вернуться домой, но багаж уже погружен, и самолёт готовится к взлёту.

Первые несколько месяцев моё стремительное решение казалось мне верным. Мы втроём, семьёй, поселились в заросшем плющом трёхэтажном доме эпохи Тюдоров в тихом местечке Чоулзбери. Денни обожал Дамиана и даже купил мне Ягуар XK 150. Всё было так, как если бы мы снова влюбились друг в друга. Всё шло великолепно, за исключением одной маленькой неприятности. Это старое здание во всём своём деревенском великолепии было довоенной постройки, когда ещё ничего не знали о центральном отоплении. Пять спален, столовая, огромная гостиная с камином, нижняя часть которого сделана была из цельного камня, да такого большого, что ты могла бы при желании вся уместиться в нём. В каждой комнате было по камину, но если не находиться рядом с огнём, во всей остальной части комнаты просто коченеешь от холода и ждёшь, что вот–вот и в какой–нибудь из комнат тебя встретят сугробы снега. Громоздкие корзины с углём, бесконечные пролёты лестниц, вязанки дров, поленья. Разжигала я огонь в этих каминах старинными мехами, а в ванной стоял громадный дровяной водогрей, но он давал только тепловатую воду, и задницы наши отмерзали.

— Денни, — взмолилась я однажды, — не можем мы переехать в меньший дом с отоплением?

И, сохранив за собой этот дом в деревне, мы сняли уютную меблированную квартирку в Лондоне, в модном районе Кенсингтон. Мы поселились на первом этаже с окнами на очаровательный небольшой садик в английском стиле, а до моего любимого знаменитого Хэрродса, одного из самых больших и фешенебельных универмагов мира, было несколько шагов (до Бромптон–роуд).

Джинджер Бейкер как раз в это время подыскивал себе в

группу замену на подпевке, и я попросилась попробовать — мне такая работа очень бы даже подошла. Сколько себя помню, всегда мечтала стать певицей. Обожаю блюзы и ирландские напевы, но и рок–н–ролл смогла бы осилить. На прослушивании я спела Джинджеру а капелла My Man Билли Холлидей, и сразу же со мной подписали контракт. Не прошло и нескольких дней, как Air Force отправились в месячные гастроли по Англии. Вся группа путешествовала в специальном гастрольном автобусе,

a magical mystery tour bus

Что за замечательной жизнью, казалось, я зажила! Мне — двадцать. Я в рок–н–ролльной группе, пою на всех этих музыкальных фестивалях вместе с Джими Хендриксом, Эриком Клаптоном, Эриком Бёрдоном, Ричи Хэвансом, Донованом, и всеми другими бесподобными группами шестидесятых. И с тем же успехом! Настоящая английская няня для Дамиана, один дом в деревне, другой — в Лондоне. Со мной подписан контракт (с массой Роберта Стигвуда) и мы записываем долгоиграющую пластинку. Зарабатываю больше, чем могу потратить. В своих серебристых сапогах на платформе, в своём полупрозрачном мини и боа из перьев, развивающемся под порывами упрямого английского ветерка, я стала одной из тех загадочных девушек, вечно стремящихся куда–то по Кингс–роуд.

Но если отбросить ураган рок–н–ролла, я вела несчастную жизнь. С того дня как мы переехали в Лондон, Денни медленно, но верно съезжал обратно — съедаемый подозрительностью замыкался и всё более мрачнел.

Денни снова стал бить меня

Круг замкнулся, с той только разницей, что денег у нас стало больше, и горели они дольше. Я затосковала по Калифорнии, о своём маленьком домике, о Мими, о нежностях, проявляемых по отношению ко мне Джаксоном. Я осознала, что совершила грандиозную ошибку. Если бы я только я могла стукнуть каблуком и вернуться в свою маленькую уютную кроватку в Голливуде. Я вдруг поняла, что неожиданные вспышки гнева не пройдут у Денни по мановению волшебной палочки, и что не я являлась причиной их. Такова его была природа, и менять что–то в себе он не собирался, а подростковое увлечение друг другом стало понемногу покидать нас. Ни сексуального, ни привлекательного не найти в том, что тебя постоянно обвиняют или подозревают в чём–то, и мне вспомнились сцены, виденные мною в моём невинном детстве.

Air Force готовились к отправке на гастроли в Америку. Но оказалось, все как один отказались лететь, поэтому был заказан групповой билет на Квин—Элизабет-2. Мы уже упаковали все вещи и готовы были к отплытию, но накануне пришло известие об отмене гастролей — Джинджер предпочёл отправиться в Африку и играть там на барабанах с нигерийцами. Группа была расформирована. Сказать по правде, я почувствовала облегчение; нам с Денни предстояло делить на том корабле не только одну каюту на двоих, но и одну койку в ней — не могло быть лучшей возможности побыстрее убить друг друга.

Мой друг, Нэд Дохини только что приехал из Калифорнии и позвонил мне сказать невинное «привет». Я старалась при Денни никогда не болтать по телефону, ему это страшно не нравилось, и в этот раз глаза его затмила ярость.

Он ударил меня

Удар был настолько силён, что я пролетела через всю гостиную и свалилась в углу мешком с костями. Должна добавить, что успела разглядеть несколько звёздочек, кружащихся над моей головой (вточь, как это бывает с мультяшными героями).

Когда я очнулась и посмотрела на себя в зеркало, всё лицо было в крови. Я помчалась в ванную и заперлась в ней. Денни стоял снаружи, прося прощение и умоляя впустить его. Прямо над глазом оказался глубокий порез, приблизившись к зеркалу, я к своему ужасу увидела болтающийся кусок кожи с рваными краями. То ли это серебряное кольцо Денни, то ли ударилась при падении о что–то острое, не знаю, но кровь было не остановить. Я схватила полотенце и сильно прижала его к лицу.

Мне срочно нужно было в больницу, но только чтобы не было этого сумасшедшего человека рядом! Я выбралась наружу через окно ванной и, пробираясь вдоль стены дома мимо наших окон, выбежала на улицу. Проезжающий таксист, увидев меня всю в крови, остановился и отвёз меня в больницу, не взяв с меня ни пенни. В Святом Георге меня зашили.

Шесть уродливых стежков толстой чёрной ниткой

Первоначальный всплеск адреналина угас, и я разразилась слезами. Этот ужасный звук иглы протыкающей мою кожу прямо над моим веком! Я слышу его так же ясно как тогда, и хвала Господу — ещё бы чуть ниже, и я лишилась бы глаза. После всего доктор дал мне зеркало, чтобы я могла полюбоваться на его «вышивку». Перекрещивающиеся швы сделали меня похожей на Мэри Рид. Эх, мне бы кривую саблю и пару пиратских пистолетов! Худшее осталось позади. Я всё ещё оставалась на каталке, когда пришла сестра и сказала, что ко мне пришли муж с сыном, и ещё добавила, если я не хочу никого видеть, то она может исполнить моё желание.

И я последовала её совету.

10

В последний свой вечер в Англии я решила навестить своих друзей в «Спике». Спикизи был определяющим все рок–н–ролльные настроения оазисом. Пройдя до середины по лестнице, устланной красной дорожкой, попадаешь в большое уютное помещение с небольшими возвышениями и уединёнными частными закутками. На сцене, за танцевальной площадкой, каждый вечер можно было увидеть или Джими Хендрикса, или Эрика Клаптона, или Small Faces, или Джонни и Эдгара Винтеров. По правую сторону находилась ресторанная стойка, где можно было заказать лучшие на всей планете булочки с кремом и сандвичи филе–миньон. Там можно встретить Рода Стюарта или Дэвида Гилмора, пытающихся перекусить в предрассветные часы, или столкнуться с ещё неизвестным никому Давидом Боуи, скачущим в толпе среди танцующих. Луиджи, в смокинге метрдотеля, удачно посадил меня прямо напротив Эрика Клаптона, которого поразил вид моего свежее–наложенного шва.

— Что случилось с тобой? — тут же спросил он.

Я рассказала ему всё, и сказала, что на следующее утро улетаю домой в Калифорнию.

— Думаю, уезжать не стоит. Почему бы тебе не забрать Дамиана и не переехать к нам в Хертвуд—Эдж на всё лето?

Эрик заехал за нами в Кенсингтон, погрузил мои чемоданы, и вместе со мной и моим сынишкой

мы все выехали из Лондона в сторону Суррея

Хервуд–Эдж — это загородный дом Эрика. Двухэтажный, с мраморными полами, обшитыми деревянными панелями стенами и гостиной с большими стеклянными французскими дверьми, за которыми расстилался чисто английский пейзаж. Настоящее поместье в мавританском стиле с той лишь разницей, что не было присущей этому стилю роскоши и убранства — исключительное место для отдыха и медитаций. Не обошлось даже без пары собак, резвящихся на лужайке перед домом. Причудливо постриженные кусты и тщательно ухоженные газоны и тут же буйная дикая природа, и края этому чуду не видно. Видели ли вы бы счастье и радость, написанные на лице Дамиана! Ему разрешено было бегать по всему дому, но больше всего ему нравилось ездить на своём трёхколёсном велосипеде вверх и вниз по этим бескрайним холмам.

Эрик только что сформировал группу Derek and the Dominos, и на всё лето ребята поселились у него. Они ничем другим не занимались, кроме как круглые сутки, и днём, и ночью, пытались «утяжелить» музыку. Страдание, тоска и боль висели в воздухе — рождалась Layla, мучительная влюблённость Эрика в жену своего лучшего друга, Джорджа Харрисона. В имении разыгрывалась настоящая шекспировская трагедия. Ангел смерти уже чудился Эрику, вместо руки обворожительной Патти Бойд. Казалось, Патти никогда не сможет сказать Джорджу об их тайной любви, держащей Эрика в мучительной нерешительности, и Layla излучала всю его боль.

Мне нравилось слушать, как у Эрика по крошечным фрагментам складывался этом замечательный альбом, нравилось присутствовать при записи, часто длящейся до самого рассвета. Помню, как–то мы все возвращались к Эрику из Лондона после одной такой ночной записи, я ехала с Бобби Уитлоком, одним из его музыкантов, он обкатывал свой, только что купленный, новенький Феррари. Солнце взошло буквально минуту назад, а Бобби разогнался по идущей через лес дороге до 130 миль в час. В глаза брызнули лучи света, высветившие утренний туман, расстелившийся впереди нас, и Феррари вырвался из–под контроля. Машина закружилась, думаю, не менее пяти раз, и затем выбросила нас на лесную лужайку, устланную мягким травяным ковром. Никогда я ещё не была так близко к концу. Мы не обмолвились ни словом, Бобби молча вывел Феррари снова на

дорогу. Думаю, мы были похожи с ним на двух летучих мышей, только что вылетевших из Преисподней на яркий солнечный свет, когда вернулись домой, и мы подумали, что, наверное, это и есть бессмертие.

Я не пропустила ни одной репетиции, думаю, ребят слышно было в ближайшей деревне. В то время мне и в голову не могло прийти, что, живя в доме Эрика, я оказывалась частью той замечательной музыкальной истории.

Я просто была счастлива жить там

Я оказалась там единственной женщиной, поэтому взяла на себя заботы по кухне — неизменная вкусная запеканка из духовки. У меня был мой собственный рецепт из поваренной книги Ресторана Алисы, с ну–оччень большим количеством красного перца. Всегда в достатке был гашиш, чтобы можно было покурить, и от случая к случаю мадракс. «Мэнди», как ласково мы его звали, было снотворным, британский эквивалент нашего кваалюде, только более лёгкого. Однажды вечером, человек, который обычно снабжал нас гашишем и мэнди, привёз что–то особенное. Он называл его «китайскими белилами». Не думаю, чтобы кто–нибудь из нас пробовал до этого героин. Обычно говорили: «О, героин, это точно табу». Мы даже не знали, как много его надо брать.

После моего переезда к Эрику поутихла и окрашенная страстью драма между мною и Денни. Возвращаться я не собиралась, но Денни по–прежнему хотел быть рядом с нашим сыном, и мы решили, что на выходные Денни будет увозить Дамиана к себе, а на неделе он будет оставаться со мной в Хергвуд–Эдже. Хорошо помню ту пятницу, вечер; Дамиан в Лондоне с Денни, так что я могла не отказывать себе ни в чём. Дома был Эрик с друзьями, ну и я тоже. Они решили нырнуть и вдохнули белую пыль через свёрнутые в трубочку десятифунтовые банкноты, я тоже не отставала. Мы вчетвером устроились на диване, как раз напротив камина, скорее в каком–то коматозном, чем спящем состоянии. Помню, пыталась представить, что со мной может случиться худшего. Думала, вот теряю сына, и свою жизнь, думала о передозировке, но, что странно, ничто из этого меня не беспокоило. Даже языки пламени не могли заставить меня пошевелиться и встать с этого уютного дивана. Я была практически мертва. Ни за что больше, никогда, никто не заставит меня повторить это.

14 июля у Эрика отмечали день рождения Джима Гордона, барабанщика Dominos. Харрисоны, Джордж и Патти, приехали вместе, а Мик Джаггер — в своём искрящемся белом Бентли с откидным верхом. Помню, была поглощена чтением какой–то книги, когда он склонился надо мной и сказал:

«Какая же ты хорошенькая»

Вся залившись румянцем, я и могла произнести только, что–то вроде «спасибо», уткнувшись обратно в книгу.

Джордж накануне написал My Sweet Lord и предложил Эрику сыграть её. Они начали, к ним присоединились остальные. Создалось впечатление, словно музыка лилась с Небес. Кто–то зарядил шприц мескалином, который делает все звуки осязаемыми. Я начала улетать и подумала, не плохо бы позвонить Денни, и пожелать спокойной ночи сыну, пока я ещё способна набрать номер телефона. Я ушла в кабинет, соседнее с гостиной помещение, стены которого вибрировали в резонанс с My Sweet Lord, эхом разносящимся по всему дому. Я уже дозвонилась до Денни, когда в кабинет вошёл Мик и плотно прикрыл за собой дверь. Я сидела за письменным столом в огромном деревянном, с вырезанными на спинке гербами кресле. Мик, мягко ступая, подошёл и встал совсем близко ко мне. На нём были его любимые шерстяные, в чёрно–белых ромбах брюки и белая свободная рубашка. Я подняла глаза — передо мной колыхались, расплываясь и принимая причудливые очертания чёрно–белые пятна. Мик молча ждал, когда я же, наконец, соображу и положу трубку.

Напряжение росло.

— Ладно, мне пора, пока, — внезапно я сказала Денни.

Мик недавно, не прошло и нескольких месяцев, сыграл главную роль в фильме Дональда Кэммелла Performance, ему всего двадцать шесть, и он на вершине своего невероятного оглушительного великолепия.

Действие мескалина было к этому времени уже максимальным и ожидание поцелуя стало невыносимым. Мик прижал меня к стене и подарил мне такой страстный поцелуй, о каком остальные могли только мечтать. Захваченные романтическим порывом, слившись в долгом поцелуе, мы медленно начали сползать вдоль стены. К тому времени, как мы достигли пола, звуки My Sweet Lord буквально источали стены кабинета. Я была оглушена, ошеломлена моментом.

Музыка стала стихать, мы отлепились друг от друга и отправились исследовать обширные угодья Эрика. Обогнув бассейн в форме гитары, мы углубились в сад и нашли окружённую старинной изгородью из винограда небольшую уютную лужайку с премиленькой скамейкой, как будто специально приготовленной здесь для нас двоих. Жаркая, душная летняя ночь, полная луна, и мы, как пара подростков, целуемся,

пока мои губы не онемели и не потеряли свои очертания. Было уже четыре утра, когда мы вернулись в дом, и многие уже вернулись из своих путешествий, и некоторые даже уехали в Лондон.

Я любовалась Миком и улыбалась, пока он выводил машину на дорогу, как улыбаются во сне, когда снится счастье, и думала: «Было ли всё это наяву?»

Да, так оно всё и было

Мик позвонил на следующий день и пригласил нас с Эриком на концерт Стиви Уандера, который должен был состояться в эти выходные.

К этому случаю я надела моё длинное, причудливое, скорее цыганское, платье, из коллекции Оззи Кларка. Бархатный лиф, сильно приталенный с множеством пуговиц, спускающийся к волнистой юбке из разноцветных шёлковых слоёв. Мои бледно–розовые сапожки с серебряными полумесяцами и звёздами от «Бабули, собирающейся попутешествовать» великолепно дополняли мой наряд. Билеты были уже давно распроданы, и я, сидя между Миком и Эриком, чувствовала себя богиней, приглашённой на звёздное выступление Стиви Уандера.

На празднование двадцатисемилетия Мика к Эрику за мной заехала Патти Бойд, и мы вдвоём с ней отправились на её Мерседесе с откидным верхом на разведку и в поисках подарка Мику, похоже, объездили все антикварные магазины, в итоге, мы остановили свой выбор на украшенном цветами гнёздышке с птичкой эпохи королевы Виктории. Вся фигурка была вставлена в овальное стекло, и если дунуть в специальное отверстие, маленький зяблик начинал петь и махать своими пушистыми крылышками.

Праздник проходил в четырёхэтажном, из грубо–тёсанного камня доме Мика в Шайен—Уолк, в Челси. Мы приехали прямо из деревни вместе с Эриком и Бобби Уитлоком. Патти Харрисон уже была там и держала двор в гостиной на втором этаже, съедаемая жадными взглядами своих поклонников. Лёгкий, почти незаметный макияж, будто случайно ниспадающие белокурые локоны. Настоящая богиня. Мик во всём своём великолепии принимал поздравления в верхней, главной гостиной вместе с Китом Ричардсом, Чарли Уоттсом и их новоиспечённым камнем, Миком Тейлором. Оккультист и кинорежиссёр, Кеннет Энгер, со своей демонической свитой расположился на индийских подушках в дальней части зала, невидимый за плотными облаками гашиша. Мик вскочил мне навстречу, широко улыбаясь своей завораживающей мальчишеской улыбкой, как если бы ждал меня одну. Прихватив меня под руку, он, познакомив по пути меня с Дональдом Кэммеллом и его сексуальной подружкой–француженкой Мирьем, повёл меня показывать свой челсиевский каменный замок.

На четвёртом этаже была хозяйская спальня, освещаемая свечами, богато обставленная в марокканском стиле, с

неимоверным количеством подушек, кистей, зеркал. В центре возвышалась кровать под балдахином. Представьте только тяжёлые бархатные занавеси, на пропускающие и лучик света, и вы сразу окажетесь в кромешной тьме. Постель манила своими серебристыми атласными простынями, подаренными Мику ко дню рождения Джанисом, его энергичным молодым поваром. Мик взял небольшую коробочку, привезённую им из Марокко, и открыл её. В ней лежали три колечка, и он предложил мне выбрать одно. Моё внимание привлекли звёзды и полумесяц, выгравированные в янтаре, на одном из них, мгновение, и оно, сверкнув в руке Мика, оказалось на моём среднем пальце. «Э», — подумала я,

«возможно, сегодня ночью спать мне не придётся»

Эту ночь я провела в постели Мика. Каждая романтически–настроенная девушка мечтает именно о таких чувствах и такой страсти. Я до сих пор помню вкус его поцелуя на своих губах. Как если бы ты вкусила от волшебного плода и никак не могла насытиться им, такие пылкие поцелуи можно было увидеть только в кино.

После этой ночи я переехала к нему. Мастер Дамиан со своей няней поселились на самом верху, в детской, где прежде жил сын Марианны Фейтфул, Николас. Мик любил детей, и считал, что дом без детей, это не дом.

— Думаю, ты нашла его под кустом шелковицы, — обыкновенно говорил мне Мик каждый раз, вглядываясь в ангельское личико моего сына и поглаживая златые колечки его волос.

Вечерами после романтического обеда в одном причудливом местечке «У м-ра Чавка», или в каком–нибудь безымянном, по дороге домой, мы совершали долгие прогулки по замечательным окрестностям Челси. Мика увлекала архитектура, и он мог часами говорить об исторических особенностях старинных замков и привлекающих своей затейливой архитектурой каретных сараев и конюшен. Он знал про них всё, когда построены, кем, для кого, кто из знаменитостей или художников жил в них. Особенно мне понравился его рассказ об одном художнике–прерафаэлисте, Данте Габриэле Розетти, как он держал диких коз и других зверей в своём доме.

Вернувшись домой, мы, открыв шампанское, слушали малоизвестные пластинки. Мику нравились Грэм Парсонс и Стивен Стиллз, а меня он подсадил на одного блюзового аккордеониста, Клифтона Шенье. Я смеялась до слёз, когда он пародировал для меня Джеймса Брауна, с лёгкостью скользя по полу через всю гостиную (я сама так никогда бы не смогла).

Патти Бойд пригласила нас с Миком в Фаэр–Парк, где они с Джорджем жили в невероятно красивом замке в Хенли–на–Темзе. Обычно на этом белоснежном Бентли нас возил шофёр Мика, Алан, но в этот раз мы поехали в Оксфордшир вдвоём без него и открыли верх. Мик вёл, а я проигрывала мотауновские сорокопятки на проигрывателе, спрятанном под приборной доской. Ещё издали на самых высоких башенках я увидела развивающихся по ветру Соединённого Джека на одной и

Весёлого Роджера на другой. По всем окрестностям тридцатипятиакрового поместья Джорджа разбрелись энтузиасты Хари–Кришны. Захватывающие дух викторианские сады окружали на многие мили протянувшиеся причудливой формы искусственные озёра, на которых мы все, я, Мик, Патти и Джордж, немного позднее катались на яхте. Таинственные пещеры и гроты дополняли вид этого викторианского Диснейленда.

Этот готический дворец прежде был монастырём и монахини пытались засыпать эти озёра, но Джордж, когда купил это место, договорился с подрядчиком, что они восстановят озёра в прежнем виде. Пока Мик с Джорджем колдовали над чаем на кухне, Патти устроила мне целую экскурсию. Я насчитала, по крайней мере, пять этажей и более ста комнат. Кришнаиды жили на самом верху (думаю, из–за того, чтобы быть поближе к своему богу), но здание было настолько безмерным, что никто наверняка не знал какие души (или духи) ещё там могли обитать.

Каждое помещение было сравни залу, с запылёнными старинными стрельчатыми окнами, фресками на стенах эпохи королевы Виктории, мозаичными полами и лепными серафимами, устремляющими на тебя свои взгляды из углов под потолком, и я улыбнулась, заметив, что сёстры нарисовали каждому из них набедренные повязки. Джордж с Патти совсем недавно приобрели этот причудливый замок, поэтому кроме старинной статуи Будды (дань увлечения восточными религиями), да свежесрезанных цветов в вазах, здесь всё оставалось от прежних хозяев, и мы почти всё время обитали на просторной уютной кухне.

Для меня время, проведённое с Миком, осталось красивым волшебным сном, но для других наши отношения стали предметом зависти и сплетен.

— Как думаешь, она на самом деле любит его? — перешёптывались между собой завистницы.

А была ли причина не любить? Красивый, романтичный, с отличным чувством вкуса, изыскан, и ко всему, превосходный любовник. Да я была без ума от него. В двадцать лет–то, кто бы не был?

Конец августа 1970 года

Камни собирались на европейские гастроли, и Мик предложил, что неплохо бы устроить себе праздник и провести последние выходные в Париже. Хизер с Роджером согласились принять Дамиана у себя в Беркшире, и самолёт со мной и Миком на борту увёз нас, перелетев через Канал, в романтическое путешествие по Парижу.

Мы остановились в гостях у Джонни Холлидея, французского Элвиса Пресли, в гнёздышке, свитом им в глухих лесах Онфлёра, по ту сторону от Довиля. Днём мы предпринимали дальние прогулки в самые укромные уголки леса, охотясь за трюфелями, а вечером все жители этого гостеприимного дома собирались за большим освещённом множеством свечей обеденным столом, и великолепная еда, приготовленная днём, подавалась весь вечер. Последними были свежие персики и ужасно вонючий сыр. Выдержанный сыр пахнет как старые потные носки, но вкусный он как сама жизнь! Ароматный, хрустящий французский батон и марочный рубиновый мерло. Французы обыкновенно обмакивают кусочки персика в фужеры с вином и смакуют их прямо с кончика ножа. Рядом Мик, свет свечей, чувственная французская речь, звук цокающихся бокалов, смех — всему присуща мечтательная утончённость, всё это фотографически запечатлелось в глубине моего сознания. Ощущение свежо даже теперь, когда пишу эти строки.

Аэропорт Хитроу

Я же для них янки, и мне приходится идти сквозь основной паспортный контроль. И вот опять отказывают мне во въезде. Виза истекла, и вернуться в Соединённое Королевство я не могу. Не думаю, что он поверит в мой рассказ, но всё же говорю:

— Я ездила на выходные с Миком Джаггером, он только что прошёл и отправился за нашим багажом.

Но так только хуже; мало того, что документы не в порядке, он и про мою голову подумал тоже самое.

— Прошу, мадам, пройти со мной.

Но вот, наконец, и Мик, мой спаситель, и я сразу почувствовала себя в безопасности. Таможенник от Мика получил автограф, а моя виза продлилась ещё на целый год.

На следующий день рано утром Мик вылетел в Брюссель. Я ещё спала, он поцеловал меня на прощание, пообещал позвонить из Брюсселя. На нём были те же самые брюки, чёрно–белыми ромбами, в каких я увидела его впервые, и про себя улыбнулась. Сквозь сон видела, как он исчез в дверях спальни.

Не знаю, но так сложилось, что это был наш последний поцелуй, наше последнее свидание. Вспоминая то время, у меня становится тепло на душе, хотя мы больше уже никогда не виделись.

Он звонил мне, мы строили планы по окончании его гастролей, которые должны были продлиться около месяца. Я купила билет на самолёт и думала, что ничего страшного, если я навещу своих пока его нет.

После гастролей мы договорились встретиться в Лос–Анжелесе

или если не получится, я прилечу к нему в Лондон. Я заперла дом на Шайен–Уолк, оставив ему свою чёрно–белую фотографию, на обороте которой отпечатался мой прощальный ему поцелуй и села на поезд с вокзала Виктория, собираясь забрать своего сына, а заодно навестить милую мою подругу Хизер. Роджера дома не было, он был на гастролях с Who, и Хизер обрадовалась, что я составлю ей компанию до выходных.

Мы втроём так наедались, как если бы это были Последние Ужины в нашей жизни. Каждый день мы рыскали по деревне в полной экипировке со всеми хиппи–регалиями, маленьким Дамианом, тремя собаками, а на верёвке за нами катилась корзинка из супермаркета. Мы останавливались у местной пекарни, где из только–что–вынутой–из–печи–булки мы устраивали великолепный яблочный пирог из сорванных по дороге кислых яблок.

Неожиданно нам позвонили из Лондона; звонила Девон Вильсон, подруга Хизер и её товарищ ещё по Нью–Йорку. Манеру говорить Девон сохранила с нью–йоркских улиц, и обладала неповторимо забавным и, я бы сказала, чуточку темноватым, чувством юмора. Она сообщила, что они с Джими Хендриксом намереваются провести выходные у нас. Ни у меня, ни у Хизер не было ни малейшего представления, к чему это могло привести.

С ними на такси приехала ещё пара друзей

Сентябрь выдался солнечным и тёплым, и мы все с удовольствием пили чай в саду. От дома Хизер и Роджера, а особенно от безмятежности и тишины Беркшира Джими пришёл в восторг. Насколько возмутительно он вёл себя на сцене, настолько милым и обходительным он был по своей природе, и ещё он сказал, что совершенно устал от жизни в гостиницах. По существу он был бездомным бродягой–цыганом, но в мечтах хотел осесть где–нибудь, даже сказал, что хотел бы жениться.

У Девон с собой было немного LSD, и мы все угостились им за нашим пятичасовым чаем. К заходу солнца мы уже вовсю хором выли на луну под пластинки Нила Янга After the Gold Rush и Боба Дилана Bringing It All Back Home. Но неожиданно, нарушив нашу идиллию, друзья Джими вдруг вспомнили, что им срочно нужно возвращаться в Лондон, и, вызвав такси, оставили нас четверых продолжать витать в психоделических облаках. Джими вместе с Девон занялись пересъёмкой с пластинки текстов Дилана, но когда трансцендентная поэзия стала с лёгкость слетать с его уст, казалось, открылся канал, и каждое его слово без изъяна ложилось в рифму. Он декламировал, а из его уст прямо перед моими глазами появлялись сверкающие бриллианты, рубины и сапфиры. И Хизер, и я, обе мы замерли в благоговейном страхе. Мы подумали, вот бы неплохо записать на плёнку сейчас Джими или, по крайней мере, законспектировать его слова, но к несчастью мы обе так далеко улетели, что ничего кроме как внимать ему мы не смогли.

Думаю, Девон и Джими, Девон уж точно, приняли что–то посильнее кислоты. Девон еле стояла на ногах и бесцельно бродила по гостиной, когда же мы увидели, что она вот–вот потеряет сознание, Хизер помогла ей подняться в спальню и уложила её в постель.

Джими тоже едва держался на ногах, и неоднократно переспрашивал меня:

«У тебя ещё остался мэнди или валиум?»

Хотя я уже дала Джими пару мадраксов, но видно он уже позабыл, что только что проглотил их. Вдруг он начал спотыкаться и пытаться ухватиться за нас и за мебель, как если бы стал терять землю под ногами. Но, несмотря на неуклюжие его движения, которым бы позавидовал любой пьяница, от него всё ещё исходило волшебное очарование, пока он окончательно не улёгся прямо на полу. Мы с Хизер собрались было укрыть его одеялом, но затем решили, что не стоит, чтобы малыш Дамиан, проснувшись утром, нашёл Джими, лежащим на ковре посреди гостиной в коматозном состоянии. Хизер взяла Джими подмышки, я ухватилась за ноги и мы стали втаскивать Джими Хендрикса по узкой деревянной лестнице наверх. Целую тонну безжизненного веса. Потребовалось двадцать минут нашего кряхтения, пыхтения и бережного маневрирования, чтобы доставить нашего милого мистера Джими до кровати. Мы и прежде видели Джими, находящимся под кайфом, но в таком состоянии — никогда. Мы спустились на кухню и когда поставили чайник, чтобы выпить горячего чаю, Хизер вдруг выдохнула:

— О, мой Бог, а если он там умрёт? Роджер убьёт меня.

— Ну, так, пойдём и проверим, дышит ли он, — предложила я.

Но тут в дверном проёме вырастает силуэт Джими и говорит:

— Я здесь, чтобы дать интервью.

Пять дней спустя нам позвонили из Лондона; наш дорогой мистер Джими умер окончательно.

Вскоре после этого, прихватив своего двухгодовалого сына, я Британской авиакомпанией, ненадолго, как мне казалось, вылетела в Калифорнию. Я остановилась у Мими, которой уже перевалило за шестьдесят, но она всё ещё потрясающе молодо выглядела, без единой морщинки на её прекрасной нежно–кремовой коже лица. Мик звонил всё реже, а потом и вовсе перестал. Последнее, что я услышала о нём — о чём кричали заголовки всех лос–анжелесских газет, что у него появилась новая подружка, что всюду его видели с экзотической Бьянкой, и чтобы удостовериться самой, я позвонила ему в Челси. На том конце провода строгим женским голосом с каким–то иностранным акцентом меня спросили: «То это?» Сердце моё дрогнуло; я вдруг представила её лежащей на моей уютной половине постели. Вот уже во второй раз в моих романтических надеждах меня оставляют за бортом. На мгновение передо мной вспыхнул образ

Мика, исчез. И я медленно положила трубку на рычаг.

11

Я определённо уже побывала в своём «сексе, наркотики и рок–н–ролле». В глубине своего сердца я всегда мечтала о совершенно обыкновенном. О своей собственной семье, и даже, может быть, о небольшом домике в деревне, но миссис Простота, казалось, всегда избегала меня. Сидела иногда и думала, где–то во Вселенной живёт же одна деревенская девушка, мечтающая об огнях большого города, а я вот — горожанка, и мечтаю о жизни в глубинке; и получается какая–то космическая ошибка. Теперь у меня был сын, и это мой шанс, шанс показать ему такую жизнь, о которой всегда мечтала сама.

С пятью сотнями фунтов, полученных мною с пластинки Air Force (где я пела в группе подпевки), я, прихватив сына, направилась на восток, подальше от Лос–Анжелеса. Может быть, в Вудстоке, к северу от Нью–Йорка, найдётся мне местечко?

Сидя в скромном номере одного деревенского мотеля, затерянного где–то в Брюстере, штат Нью–Йорк, я просматривала объявления в одной местной газете, которая так и называлась: «Газетт», и вдруг, читаю:

Бревенчатый домик у озера в Коннектикуте.

Две сотни долларов в месяц. Спросить Перри Каца.

Во взятой напрокат машине я следую, куда указывает Пери, вдоль берега живописного озера. Дорога кончается посыпанной гравием дорожкой, и престарелый мистер Кац останавливается у совершенно новенького блестящего Кадди с откидным верхом. Смешная белая кепка яхтсмена и дымящийся огарок сигары — достаточно для меня, чтобы описать его.

Я совершенно очарована старым домиком, сложенным из гладких, очищенных от коры брёвен цвета вишни, стоящим на небольшом холме, с которого раскрывается великолепный вид на Кэндлвудское озеро. Самое начало октября, последние дни бабьего лета. Солнце освещает всё своими начинающими бледнеть лучами, а в воздухе чувствуется щемящая прохлада надвигающейся зимы. Единственное, что нарушает тишину, это ветер, играющий кронами громадных сосен.

В доме темно и пахнет по–особенному, как пахнут старинные бабушкины сундуки. Перри объяснил, что здесь уже давно никто не жил, что у него есть на другом берегу озера дача, где он обычно проводит лето, а использует этот старый дом, только как склад своей старой мебели, которой я, по его словам, смогу свободно воспользоваться.

Он снял пыльные толстые ставни, предохраняющие окна от ветров и гроз, и дом наполнился светом. Обширная гостиная с тяжёлыми двадцатифутовыми балками на потолке и деревянная лестница, ведущая на уютно обустроенный чердак, всё здесь было проникнуто умиротворённостью и спокойствием, и мне вспомнилась хижина в Альпах из детской книжки о Хейди.

Огромный камин из гранитных блоков и пол из широченных сосновых досок. Веранда, окружающая дом с широкими окнами, через которые открывался вид на эту древнюю первозданную красоту озера. Это мой дом, подумала я; лучшего места для моего трёхлетнего херувимчика мне не найти.

Перед тем как подписать договор, Перри, понизив голос, спросил:

— У вас же нет среди друзей кроликов, ведь так, да?

До этого я никогда прежде не слышала, чтобы так говорили, я даже представить не могла, о чём он меня спрашивает, а он ещё добавил:

— Знаете, этих, с копьями.

Я попала в незнакомый мне Коннектикут, и меня смутили его слова. Я сразу представила ватуси, выскакивающих с воинственными воплями из–за зарослей с копьями, к которым привязаны человеческие скальпы.

— Никаких кроликов, — пискнула я. — Только пара канареек.

Пятнадцать градусов по Фаренгейту ниже нуля

Наша первая зима в Коннектикуте выдалась самой холодной зимой на Восточном Побережье за последние пятнадцать лет. Шквальный ветер с замёршего озера приносил пятнадцать градусов ниже нуля. С крыши свешивались замёршими пальцами какого–то сказочного великана трёхметровые сосульки. На крыльцо надувало огромные сугробы, и из дома было не выйти. Чего прежде я не замечала, уплотнитель между брёвнами во многих местах растрескался, и через щели с воем прорывался ледяной ветер. Это был бонус, который привнесла зима в этот Удивительный край.

И пока мой землевладелец зимовал во Флориде, развлекаясь на яхте, нас с сыном заносило снегом на Северном Полюсе. Я не знала, когда снимала этот дом, что в эти места нью–йоркцы обычно приезжают летом на выходные, и таким домом пользовались в основном только летнее время. Мы могли с таким же успехом зимовать где–нибудь в сибирской глуши, ведь вокруг нас на многие мили не было ни души. Но я не унывала; я залила щели клеем, а окна снаружи затянула прозрачной плёнкой, прикрепив её степлером.

На чердаке я обнаружила настоящую сокровищницу Али–Бабы. Я вытащила старинный сундук, до краёв набитый пёстрыми вышитыми лоскутными одеялами, думаю, самого начала XIX века, платяной шкаф какого–то миссионера и дубовый стиклиевский диванчик–скамейку, которые с трудом выволокла с чердака вниз. Ещё я нашла металлическую богато украшенную коваными завитушками детскую кроватку для Дамиана, и настоящий пиратский сундук для его игрушек. Тяжёлые матрацы были набиты конским волосом, а Пери, помните, уверял, что волос — лучший материал для набивки.

Только я подумала, что мы пережили зиму, и всё начало понемногу оттаивать, как на графство Фэрфилд снова обрушилась очередная снежная пурга. Когда ледяной ветер стих, всё кругом, сосны, кусты, изгороди, оделись в ледяные искрящиеся на солнце, будто сотканные из тончайших хрустальных нитей одежды. Ветер выл как на вересковых пустошах из «Грозового перевала», и вдруг внезапно, со всей силой он бросился в нашу печную трубу, оставив нас без тепла и в кромешной темноте.

На заднем дворе помню большую поленницу дров, и всё это

время я совершенствовалась в разведении огня, и под конец зимы могла уже преподать уроки выживания для девочек–скаутов. Помню однажды, огонь так заполыхал, что языки пламени вырывались из камина и подожгли даже рождественские открытки, расставленные на каминной полке, и весь дом начал заполняться едкими, плотными клубами дыма. Мне пришлось вылить целую кастрюлю воды и сорвать мою импровизированную защиту от ветра, чтобы открыть окна и выпустить дым наружу.

Представьте, вот мы, мой маленький сынишка и я, в дыму, в темноте. В самом сердце нигде. Среди неистовых порывов снежной бури с настежь открытыми окнами, с которыми ветер играет по своему желанию.

Очень скоро я обнаружила заслонку

и научилась ею пользоваться, а также стала экспертом в обращении с топором. Если поленья оказывались сырые, вместо того чтобы раздувать пламя, используя всю силу своих лёгких, я трубу древнего пылесоса вставляла наоборот и направляла струю воздуха на тлеющие угли.

Вот так, не прошло и двадцати лет, как исполнилась моя детская мечта: у меня трёхлетний сынишка и я — настоящая деревенская девчонка. С единственной только неприятностью, я была совсем близка к финансовому краху.

Через газету я нашла няню и устроилась кассиршей в местный Кольдер. Магазин находился примерно в двух милях, в городе, и каждое утро мне приходилось маневрировать среди мокрого скользкого снега в моих Корки, босоножках на платформе, надетых на гольфы, чтобы сберечь ноги от холода. Я ещё не сталкивалась с необходимостью приобретать настоящую зимнюю одежду, и когда я открыла для себя, что пара меховых перчаток может спасти мои руки от мороза, в моей душе словно наступило Рождество.

Бесплатный листок Коннектикут–Бережливый стал моим спасением и связью с внешним миром, а чтобы жить в глухом лесу, мне определённо требовалась машина. Я нашла Фольксваген, на вид совсем даже ничего, и стоил он всего сто пятьдесят долларов. Продавцы были очень милы со мной, думаю, из–за того, что впервые видели перед собой живую неопытную калифорнийскую девушку. Мне и в голову не пришло проверить состояние коррозии от соли на дорогах, или даже работает ли обогреватель. Всё, о чём я спросила, где кнопка старта и хорошо ли работает радио. Я отдала им свои последние сто пятьдесят, и с весёлым сердцем стала выруливать в сторону Поконо–Пойнта, старательно объезжая скрытые грязью выбоины на дороге. Но кто придумал эту кромешную темень по вечерам! Было чувство, что кто–то просто плеснул мне в лицо ведро ледяной воды. Грязная холодная вода из луж на дороге фонтаном била у меня из–под ног, и я промокла насквозь. К тому времени как я добралась домой, мои длинные локоны превратились в ледяные сосульки. Я подняла резиновый коврик и обнаружила под ним в днище зияющее отверстие; я ясно видела через него посыпанную гравием дорожку. Днище машины полностью проржавело! И продавцы ничего умнее не придумали, как спрятать его под резиновым ковриком. Меня обули.

С ребёнком на руках, без денег, я безнадёжно завязла в

глуши, и я поместила в Бережливом простое объявление:

Ищу машину, бесплатно

Несколько человек откликнулось, и я выбрала человека с Понтиаком, он жил неподалёку, и у его машины была автоматическая трансмиссия. Я вызвала такси, и через десять миль до Нью–Милфорда я увидела свой новый автомобиль, стоящий в открытом поле. Этакая серебристая бомба, величиной с яхту, но вызывающее восхищение очертаниями. Мой добрый самаритянин, мистер Форрестер, приятный средних лет человек, сказал, что он намеревался отдать машину, как говорится, в хорошие руки и очень рад, что она мне понравилась. Он стал даже извиняться, что местами серебряная краска на капоте потеряла свой блеск, и с гордостью сообщил, что резина совершенно новая, а перламутровая кожаная отделка салона ещё прослужит долго.

Когда я помещала это объявление, я искренне надеялась получить машину, но теперь я была близка к тому, чтобы поверить в мою счастливую звезду. Это был потрясающий автомобиль! Всё в нём было в порядке, и руль, и сиденья, и стёкла, всё! Когда я включила фары, пылающий силуэт Понтиака–Индиана lit up on the dash in blue. Как только он подписал розовую бумагу и вручил мне ключи, я застеснялась. Это же мой первый свой собственный автомобиль!

— Спасибо, большое спасибо, у меня нет слов выразить, как я вам благодарна за это, — промямлила я, что–то в этом роде.

Не могу передать первое чувство, когда я села за руль, щенячий восторг, может быть, и я громко поблагодарила Бога, надеясь, что он услышит, когда взглянула на сына, сидящего на дорогущем кожаном сиденье.

— Проси и тебе воздастся, — сказала я.

Работа в Кольдере не принесла мне ожидаемого благополучия, к тому же она была неправдоподобно тоскливой. После оплаты няни я оставалась практически ни с чем. И ещё. Мне совершенно не хотелось находиться вдали от моего сына целых восемь часов времени, когда он бодрствует. Мне просто необходимо найти было какое–то занятие, которое позволяло бы мне всё время быть рядом с моим малышом. И я нашла ещё одно объявление всё в том же Бережливом:

Три сотни долларов в неделю в Ваше свободное время, спросите Боба.

В яблочко! Вот это мне подходит.

Голос парня в трубке был мрачноватый, как если бы он долго находился один в тускло–освещённой комнате, но я решилась всё же пригласить его к себе домой и дать мне шанс.

Как я и думала, мистер Боб оказался действительно таинственным человеком. Он казался старше своих шестидесяти, в старом, но ещё–вполне–приличного–вида костюме и галстуке, которые носили в сороковых. С помятыми краями фетровая шляпа делала его похожим на Филипа Марлоу, возвратившегося только что со встречи анонимных алкоголиков. Как потом выяснилось, он работал на Fuller Brush. Ладно, неважно, что я там про него напридумывала за те секунды, как он стоял на пороге, но я была близка к краху и решила его впустить. Он всучил мне целую стопку чистых бланков, и вооружённая связкой каталогов Brush я приготовилась к штурму Фэрфилд–Кантри.

Мне вот–вот будет двадцать один. И я скатилась от жизни с Миком Джаггером до продавца швабр, переходящего от одного дома к другому, и, что удивительно, у меня стало получаться. Я подкатывала на своём Понтиаке с малышом Дамианом, сидящим рядом, и вступала в дискуссии с жителями Риджфилда. В первую же неделю я продала швабр, щёток, расчёсок из свиной щетины на пять сотен долларов! Ничто не могло сравниться с ощущением, которое испытываешь, стучась в незнакомую дверь. Попробуйте хоть раз сами заинтересовать людей швабрами!

Но всё возбуждение прошло, когда в конце недели мне вручили первый чек. Получилось, что заработала я огромную сумму — там стояла цифра в пятьдесят американских долларов! Пятьдесят долларов, ну и что мне с ними прикажете делать?

— Да, мэм, это десять процентов от пяти сотен, — сказал мне на это мистер Боб.

Гм… Где там мой Бережливый?

1971 год

Следующим нашла я миссис Уилер, настоящую реликвию старорежимного Юга, чей чёрный повар по имени Оливье Геркулес, прослужив у неё сорок пять лет, недавно умер. Со своим южным акцентом, растягивая слова, она сказала, что, судя по моему голосу, я не цветная, но могу навестить её в любое время, и они посмотрят на меня.

Мистер и миссис Уилеры оказались премилой парой очень пожилых расистов, которые жили в старинном особняке, сохранившемся с колониальных времён на конной ферме в дорогом районе Риджфилда, штат Коннектикут. Их земли были настолько обширными, что улица так и называлась Уилер–роуд. Уилеры мгновенно прониклись ко мне и к моему херувимчику симпатией, и я получила работу. Миссис Уилер, показывая мне дом, заметила, что на этаже, где гостиная, есть два туалета.

— Один из них — для слуг, — прошептала она, прикрывая ладонью рот. — Но ты можешь пользоваться нашим.

За свои двадцать лет, проведённых на этой планете, я уже слышала о расизме, но никогда с ним не сталкивалась вплотную. Мне странно было соглашаться с этим явным абсурдом, но я приняла её архаичные привычки, как неизбежность, всё же воспользовавшись предоставленной мне привилегией. Помимо меня были там ещё Элис, преданная Уилерсам чёрная служанка, и Франклин, дворецкий. Оба одетые в накрахмаленную хрустящую униформу, а у Франклина даже были белые перчатки, которые он надевал, когда прислуживал за обедом, приготовление которого стало теперь моей обязанностью.

Я уже довольно хорошо научилась готовить, но определённо не могла бы сравниться с профессиональным шеф–поваром. В доме Уилеров всё готовилось из свежих продуктов. Элис нарвала яблок в саду, и я, воспользовавшись рецептом Хизер Долтри, испекла яблочный пирог. Каждое утро «госпожа» обсуждала со мной меню, в которое входили обязательный цыплёнок, обжаренный на открытом огне, и тушёное мясо для Бинки, их избалованного миниатюрного мопса.

В этот раз на полдник был заказан пирог из ягнёнка по южному рецепту с сухим печеньем на топлёном масле. Единственное, что я знала про печенье, это то, что они продаются в таких голубых коробках от Пиллсбери. Я запаниковала и стала листать старинную, 1892 года, книгу рецептов, которую нашла на кухне. Сода, дрожжи, свиной жир? Голова кругом. Я вынула из духовки печенье, на вид оно было похоже на засохшие коровьи

лепёшки, но Франклин смело их разложил на богато украшенное серебряное блюдо и подал к столу. Вскоре после окончания обеда, на кухне раздался звон колокольчика, этот означало, что меня хотела видеть миссис Уилер. Она рассыпалась в комплементах по поводу моего ягнёнка «тьфу» и с милой улыбкой заметила, что печенье несколько твердовато. Ага, значит, если готовить на том же противене, где я готовила соус по южному рецепту, оно становится не таким мягким.

Как выяснилось позже, вовсе не моё поварское искусство внушило любовь ко мне Уилерам. Они наслаждались общением с Дамианом и моей компанией. Эдуарду Уилеру нравилось разъезжать на своём тракторе с мистером Дамианом на коленях. В конюшнях они кормили лошадей морковкой и кусочками сахара. А мисс Элеонора была слишком стара и слаба, чтобы управлять огромным Линкольном, стоящим в гараже, и всегда радовалась, как ребёнок, когда я возила её за покупками по деревенским магазинам. Я возила её в моём уютном Понтиаке, а не в их Линкольне, потому что в нём при каждом торможении её хрупкое, почти воздушное тело взлетало над сиденьем.

Однажды она попросила меня отвезти её к одному таинственному строению, в самом дальнем углу их обширной фермы.

Я попала в рай. Перед домом стояла пара кресел–качалок, а вокруг был разбит чудесный сад, и среди полевых цветов выделялись только что распустившиеся нарциссы. В просторном зале стоял уютный нежно–розовый диван и большой чёрный концертный рояль, весь уставленный фотографиями хорошенькой тёмноволосой молодой женщины. Везде были расставлены трофеи, голубые ленты, фотографии лошадей. Рай Ральфа Лорена в этом странном, застывшем городе привидений. На втором этаже — спальня, вся залитая светом, кровать с пологом, и косой потолок, оклеенный обоями с фиалками. Всё как в сказке.

Элеонора рассказала мне, что в это доме жила её дочь Дженнифер. Она погибла на скачках двадцать лет назад, ей было тогда двадцать один. Столько же сколько и мне. Элеонора и Эдуард, переговорили и решили, что предложат мне с Дамианом занять этот дом и стать членами их семьи.

Всё это было слишком поразительным, чтобы быть правдой. У меня могли бы быть любящие родители, о которых я всегда мечтала, и в ответ они получили бы дочь и внука, о котором они мечтали. Это решение изменило бы всю мою жизнь, как если бы сам Бог предлагал мне свою альтернативу, более лёгкий путь. Я всегда считала, что прежде чем родиться, мне дали выбрать между размеренной жизнью и курсом катастроф, и я тогда

выбрала. Выбрала путь катастроф, я всегда следовала этим курсом. По определённым причинам я не была готова сдаться; я стояла в самом начале своего жизненного пути. Я преуспела в поединке и любила свой маленький рай на Кэндлвудском озере. Я отклонила их великодушное предложение, и они, в конечном счёте, нашли более опытного в соусах и приправах шеф–повара и пекаря сухого печенья.

Лето было уже не за горами, и лёд на девятнадцатимильном озере уже почти весь стаял. Прошла ещё одна безрассудно смелая зима.

То было время, когда у нас кончился керосин, и дома было так холодно, что мы с сыном могли видеть наше дыхание в морозном воздухе. Мои канарейки снесли три крошечных пятнисто–голубых яйца. И когда из них вылупились три совершенно голеньких розовых тельца, я пыталась их обогреть электрической лампочкой, но они не выдержали холода и один за другим умерли. Я, конечно, могла попросить помощи с керосином у Мими, но моя гордость воспротивилась этому — я же изо всех сил старалась быть независимой, к тому же мне не хотелось её волновать.

Ночами я часто слышала возню на чердаке. Прямо над моей кроватью раздавались удары, шлепки и такие звуки, как если бы кто–то что–то волок, иногда настолько громкие, что завитушки на моей железной кровати начинали гудеть им в такт. Вслушиваясь в полной темноте в эти звуки, я пыталась распознать их, но мне мешал грохот молота по наковальне — так сильно начинало биться моё сердце. Позже я выяснила, что это была семья енотов, что ещё на чердаке поселились мыши, и что несколько опоссумов, отбившихся от своего стада, рылись среди старых банок, но это было не легче, одна, с ребёнком, соседей нет и ночь чёрная как смола. Представьте себя одну, в глухом лесу, с ребёнком, и вы тоже почувствуете себя уязвимой и беспомощной. На случай действительной опасности я нарисовала себе путь отступления. Вот мой простой план: хватаю малыша, бегу к озеру и жду на берегу, пока всё не успокоится. В каждую из таких тревожных ночей мне приходила одна и та же мысль,

а не перебраться ли мне ближе к городу?

Моё сердце больше не выдерживало. Но когда на востоке розовело небо, и озеро и всё вокруг освещалось первыми лучами восходящего солнца, я передумывала и оставалась.

В одну такую беззвёздную ночь моё воображение разыгралось не на шутку. Вдали я услышала шум мотора, кто–то очевидно ехал по замощённой дорожке, ведущей прямо к моему дому. Я зажгла фонарь, отдёрнула занавеску и стала всматриваться в темноту. Четырёхдверный Седан въехал на лужайку перед моим домом, чуть не зацепив каменные ступени. Открылись двери, и свет салона выхватил из темноты силуэты четырёх молодых головорезов. Они были почти рядом, и, уверяю вас, я была близка к разрыву сердца. Времени к так хорошо спланированному плану побега не осталось. Вместо этого я рванула к телефону звонить шерифу. Они начали забрасывать камнями мой дом.

— Открывай! — громко закричал один из них, неистово колотя в дверь.

Моя входная дверь достаточно прочна, с широкой доской, скользящей вертикально вниз в паз, вырезанный в пороге.

Мои гости стали пытаться вышибить дверь, и от досок начали отскакивать длинные щепы.

— Вам парни лучше уйти, я вызвала полицию! — крикнула я, стараясь придать голосу мужественности.

— Вызовешь, когда мы тебя убьём! — прорычал он уже с другой стороны.

Услышав такое, я чуть не умерла от страха.

Другие трое так и остались стоять в стороне и большими глотками прямо из бутылки глушили ликёр, они выли как стая захмелевших банши, чьи завывания под окнами предвещают обыкновенно обитателями его смерть. В этот момент я могла думать только о своём маленьком сыне, который счастливым образом крепко спал наверху.

— Здесь только одна дорога назад, и полиция уже едет, — не нашла я ничего лучшего, как попытаться их образумить.

Слава богу, слышу, кто–то из них говорит:

— Да ну её, брат, забудь, пошли отсюда.

Но бычара у дверей рыкнул:

— Нет, я войду туда.

Я так не пугалась никогда. Я схватила топор, расколола полено и приготовилась к бою; по крайней мере, у меня было преимущество первого удара.

Я вооружена и готова к подвигам, но тут я увидела мигалку

группы захвата, медленно продвигающейся по лесной дороге к моему дому. Мои безголовые воины попытались бежать (я же их предупреждала, бежать здесь некуда). Всех четверых тут же арестовали и повезли в местный участок.

Если я хочу остаться жить в лесу, мне определённо нужно как–то себя обезопасить. Первое, что пришло в голову — это револьвер, но вид огнестрельного оружия у меня всегда вызывал тошноту. Предположим, было бы у меня ружьё, смогла бы я убить одного из этих парней?

И я пришла к выводу, что мне нужна обманка. Если около дома будут стоять несколько машин — я не буду выглядеть одиноко сидящей уткой. У меня всё ещё оставался тот Фольксваген без днища, ну и мой роскошный Понтиак. Следующим моим приобретением стал Хамбер–Супер–Снайп, снова спасибо Бережливому. Как попал к нам настоящий английский послевоенный Супер–Снайп — «бомба» — не спрашивайте, но вид у него был серебристо–серого в отличном состоянии Бентли. Мягкие кожаные сиденья и приборная доска из палисандра. Там даже был привлекательный своей старомодностью откидывающийся столик также из палисандра. Моим последним и самым любимым приобретением стал британский зелёный гоночный MGA с откидным верхом, который нужно было толкать, чтобы он завёлся. Я меняла их каждый день, как если бы разные люди приезжали и уезжали от меня, и ездила на них вдоль озера, чтобы они запомнились. Так я зарядила свою батарею. Но Понтиак оставался моим самым верным и надёжным товарищем, и ещё он меня очень веселил.

Невдалеке от нашего дома был крутой спуск, оканчивающийся небольшим трамплинчиком, и я обнаружила, что если разогнать машину, то на какое–то время она становится самолётом, а потом мягко приземляется. И каждый раз, как мы подъезжали к тому месту, мой четырёхлетний сын подстёгивал меня:

— Мам, заставь машину лететь!

Это было нашим маленьким развлечением, и я не уверена, кому из нас оно было больше по душе.

Ближе к концу мая, около дня Поминовения, я вдруг обнаружила, что у меня оказывается есть соседи. Начали прибывать горожане, дыхание жизни возвращалось в с первого взгляда покинутые дома, цепочкой расположившиеся по берегу озера. По большей части это были семьи с детьми или пожилые пары. Мой тихое, невозмутимое, прозрачное озеро заволновалось, разбуженное яхтами, моторными лодками, рыбаками, купальщиками, спортсменами, а берег пропах дымом и жареным

мясом. Целое кино о летнем сезоне, мы же с сыном стали предметом всеобщего обсуждения — на озере появилась эксцентричная девушка, девушка из Голливуда с ангелом четырёх лет от роду. В этой озёрной коммуналке замужние матушки смотрели на меня с подозрением, вскинув брови, и я стала центром сплетен и пересудов. Многие их мужья оказались более дружелюбными, и иногда кто–нибудь из этих потёртых бродячих псов нарисовывался на лужайке перед нашим домом. Просыпаясь, я часто обнаруживала связки скользких окуней и усатых сомов, развешанных по перилам крыльца и жадно хватающих воздух. Мы с Дамианом бежали освобождать пойманных, аккуратно вынимая из них снасти и спасая их от копчения или поджаривания на медленном огне, и несли несчастных в ванну полную воды. Примерно половина из них, нам казалось, погибла от недостатка кислорода, но когда мы выбрасывали их из воды, они сами возвращались, похоже, посчитав нашу ванну своим спасительным прудом для разведения рыб. Не желая показаться нелюбезной из–за нашего скромного положения, мы, дождавшись темноты, перегружали наш живой груз в большие кастрюли полные воды, и бережно, с большой осторожностью, водружали их на заднее сиденье нашего допотопного Хамбера и отвозили рыб на другую сторону озера, и уже там только высвобождали их из плена. Мы с Дамианом добрую половину лета занимались оживлением и транспортировкой скользких, позволивших себя поймать недотёп обратно в их родную стихию. Мы называли это нашей секретной от всех, тайной миссией.

Капризной и очень холодной зимой мы заплатили за это чудесное, благоухающее лесными травами лето, и когда озеро начало открываться ото льда и зацвёл первым шафран, я вспомнила, почему влюбилась в это место.

Помимо того, что Коннектикут страшно красив, привлёк он меня изобилием старинных вещей. Я оказалась настоящей охотницей за необычными сокровищами, и не пропускала ни одного аукциона, ни церковных или стихийных распродаж. Я начала собирать английскую живопись и гравюры XIX века. Я скупила все викторианские кружевные шали и традиционные лоскутные одеяла, какие могла найти, и начала продавать их в Нью–Йорке по тройной цене. В городе был каток, и мы с Дамианом катались там на роликовых коньках, ещё смотрели кино в специальном кинотеатре для автомобилистов, и мой малыш в то лето научился плавать в чистейшей, прозрачной воде Кэндлвудского озера. Мы занимались всем, чем можно только заниматься. Я разбила сад из диких цветов и посадила огород; начала строить бассейн для Дамиана; и «удочерила» царскую

русскую борзую, благодаря всё тому же Бережливому. Но как ни чудесно всё это было, как ни занята я была всеми этими милыми заботами, всё же временами я чувствовала себя очень одиноко. Прочтя перед сном сказку сыну, я ставила пластинку Пучини и, вглядываясь в лунную дорожку на глади озера, думала, насколько романтичны эти места. Где мой милый юный принц? Если он где–нибудь живёт, я, похоже, делаю всё, чтобы он меня только не нашёл.

И вдруг прерывает мои размышления звонок. Здесь Джаксон Брауни. Мы несколько раз писали друг другу, пару раз созванивались, но не видели друг друга с тех пор, как он посадил меня тогда на самолёт Британской авиакомпании, в тот день, когда оставила его одного у выхода на посадку, чтобы улететь к Денни Лейну в Англию. Джаксон только что окончил работу над своим первым альбомом и приехал в Нью–Йорк продвигать его. Ещё сказал, что раз он находится совсем рядом с Коннектикутом, то хотел бы навестить нас.

Мы с Дамианом встретили его на железной дороге, на нашем деревенском полустанке, приехал он Брюстерским пассажирским. Джаксон соскочил с подножки, в руках у него был экземпляр Saturate Before Using, его первой пластинки. Мой дорогой, милый Джаксон, ты сделал это! Мы обнялись, воспоминания нахлынули на меня, как если бы всё это было вчера. Он по–прежнему заводил меня. После уютного обеда, я спросила его, не останется ли он на ночь.

— Не могу. Мне нужно возвращаться в Эл–Эй, — посмотрел на меня своими глубокими карими глазами и вздохнул.

У меня и в мыслях не было, что он мог не согласиться.

— Почему?

А он начал рассказывать, это мне–то, в моём–то доме, что в Лос–Анжелесе его ждёт девушка, новая его пассия! Сказал ещё, что очень любит её. У меня защемило под ложечкой, возможно, такое же чувство испытал он, при моём бегстве в Англию. Я одарила его одной из моих притворных улыбок и милостиво пожелала ему всего хорошего.

Что это было? Зачем он приезжал? Я что, останусь навечно одна? И у меня никогда не будет секса? Ну, хорошо. Я никогда не преуспевала в романтических отношениях, но я ращу здорового ребёнка, и мы живём с ним в райском саду.

Я уже стала свыкаться со своей одинокой судьбой, и это было для меня пока лучшим временем моей жизни, но вот, совершенно неожиданно,

вдруг, мне позвонил Джимми Пейдж

Неважно сколько времени может пройти, но от звука мягкого, сдержанного голоса Джимми у меня всегда заходилось сердце. Мы не виделись свыше двух лет, но его голос всё равно заставил зашевелиться у меня всё внутри.

Он в Нью–Йорке, остановился в гостинице Дрейк и спрашивает, удобно ли будет заехать ему ко мне на выходные!

«Должно быть, мне это всё снится», — подумала я.

Чёрный, сверкающий лимузин Джимми, на моей лесной деревенской дороге! Все мои летние соседи всполошились.

Джимми был так же ослепителен, как тогда, когда мы с ним познакомились, и он единственный, при котором я теряю дар речи. Не знаю, но при нём я всегда немного стесняюсь. Теперь я старше, мне уже двадцать два, и думала, что стала гораздо увереннее в себе, но как только увидела его, вылезающего из своего лимо и идущего по моей дорожке, по мне пробежала нервная дрожь. Чтобы хоть как–то собраться с чувствами, я приветствовала Джимми, как если была его дальней родственницей. Быстрый поцелуй, и официальная фраза:

— Мы с Дамианом собрались на рынок, хочешь, обожди здесь, или, может, поедешь с нами?

Конечно он поедет с нами, и я показала ему, как мой Понтиак умеет летать. Мы мило провели время, и моё оцепенение быстро сошло на нет. Ужин при свечах, поцелуи до боли в губах под Court and Spark Джони Митчелл. Наши с Джимми выходные в великолепии лета Кэндлвудского озера! Я провела его по всем моим любимым укромным уголкам, и мы с удовольствием поохотились за старинными редкостями. К концу дня мы устроили себе запоминающуюся прогулку вместе с моим сыном и Молли, нашей русской борзой. Что лучшего можно себе представить? Кто скажет, что этот всемирно известный молодой человек не приехал именно ко мне? И снова я побывала во снах Авалона.

Наконец, Джимми произнёс эти магические слова:

— Почему бы тебе не вернуться в Англию?

В другое время я бы понеслась как стрела, но теперь я стояла у начала своей собственной жизни, со мной были мой сын, мои птицы, мои рыбы, моя собака и мой цветущий сад–огород. Я не могла всё это, так вот, просто, взять и бросить, и сбежать в Англию, но я всё же согласилась на его предложение слетать с ним в Лос–Анжелес на концерт Цеппелинов в Шрайне.

Я подкупила одну свою подругу из Нью–Йорка, пообещав ей

Кэндлвудский рай, чтобы она посидела с моим сыном на выходных, и мы сели на самолёт до Лос–Анжелеса.

Никто из нас двоих не сходил с ума, лететь или не лететь. Но кино в самолёте, оказалось приятной неожиданностью. Показывали Brian's Song, душещипательную мелодраматическую историю футболиста Брайена Пикколо, преждевременно ушедшего из большого спорта, и к тому времени как Джеймс Каан уже был при смерти, мы с Джимми корчились от смеха, чем сильно раздражали остальных пассажиров первого класса, прикладывающих свои носовые платки к мокрым от слёз глазам.

Лимо–Мерседес уже ждал нас в аэропорту, чтобы домчаться с нами до Континеталь–Риот–Хаус (Хайатт), временно–постоянного пристанища Цеппелинов на Сансет–Стрип. Всего три слова — Цеппелины в городе. Лобби было взбудоражено налетевшим шквалом хорошеньких молоденьких девушек, готовых на всё в ожидании увидеть своих героев, и ищущих шанса выказать уважение своим английским идолам.

Концерты в Шрайне оглушили, ошеломили. Силуэт Джимми облаченный в сверкающий бархат, месяцы и звезды, и преследующий, неземной звук смычка скользящего по его гитаре был очаровательно чувственным. Для меня Джимми был Led Zeppelin, колдун творящий магию; он определенно обладал этим даром.

После недели буйного рок–н–ролла и романтического секса мне стал ещё дороже мой маленький домик, моё прибежище, моя святая святых, вдали от блеска и гламура Голливуда. По сравнению с красотой Коннектикута 1971 года ощущение от Лос–Анжелеса я бы сравнила с состоянием, когда у тебя ломается каблук на выходных туфлях.

Бабье лето было на исходе, и отдыхающие начали паковать свои лодки и барбекью и потянулись длинными вереницами обратно в свой Нью–Йорк. Настало моё самое любимое время года. Бледный, мерцающий свет и прохлада водной глади нарушались только стаями канадских гусей, отправляющихся в тёплые страны и облюбовавшие для короткой передышки мой берег. Временами диких уток было столько много, и они так жалобно галдели, что мы Дамианом пугались и галопом неслись домой, скорее в своё убежище.

Вдоль моей узкой дороги деревья стояли плотной стеной, и кроны их переплетались, делая её похожей на один из старинных крытых мостов округа Мэдисон. Перед самым листопадом они оделись в розовые, жёлтые, красные наряды, и высвеченные ласковыми лучами они казались укутанными в полупрозрачные восточные узорчатые ткани. Ни одного дня я не пропустила,

любуясь этой первозданной красотой. Это был наш собственный священный, неземной красоты, маленький Райский сад (Walden Pond), и мы любили его.

Несмотря на то, что Кэндлвудское озеро, казалось, было в миллионе миль от цивилизации, мы жили всего в двух часах на поезде от суматошного, суетливого мира Нью–Йорка. Но вот я получила письмо от Денни, в котором он сообщает, что в декабре будет в Нью–Йорке вместе с Полом МакКартни и его новой группой Wings и спрашивает разрешения приехать в Коннектикут на некоторое время. Хочет побыть с нашим сыном, но после того случая я не думала, что это такая уж хорошая идея. Я сыта по горло нашими с ним драматическими отношениями и его внезапными вспышками гнева, но с другой стороны, было бы хорошо для нашего пятилетнего сына провести время со своим отцом.

Мы с Дамианом встретили Денни на вокзале в Брюстере. Вид Денни на американской почве вызвал бы у меня странные чувства, если не знать, зачем он здесь. Он срезал свои длинные в стиле шестидесятых волосы и подстригся под Цезаря, а проткнув ухо, повесил небольшое золотое кольцо.

Снова увидев Денни, в первый момент я даже обрадовалась. Есть в нём одна восхитительная черта, он иногда позволяет себе быть очень добрым и великодушным. Взяв Дамиана с собой в город, он купил ему много разной зимней одежды, ещё он наполнил мой буфет разными вкусностями, которые я сама не в состоянии была нам купить. А увидев мою коллекцию автомобилей, развеселился и сказал, что мне не хватает чего–нибудь менее нарядного. Мы с ним засели за Бережливого и нашли одно многообещающее объявление, точно такой же Мини—Купер, какой водил Денни тогда в Англии. Владелец жил Бог–знает–где, в пятидесяти милях от нас, на самой окраине Коннектикута, но Денни купил мне этот Мини, не задумываясь. Теперь у меня перед садом стояло целых пять «подсадных уток».

Денни принёс вязанку, и мы разожгли камин, и все втроём стали танцевать в моем бревенчатом логове под Bang a Gong Ти–Рэкс. Ничего романтического, и всё шло гладко, пока Денни не сказал мне достаточно фамильярно:

— Если ты вернёшься в Англию, у тебя будет всё, что захочешь.

Меня это даже несколько заинтриговало, но всё прояснилось, когда он добавил:

— Если же нет, то от меня ты ничего не получишь.

Что–то похожее на ультиматум, но именно такого я никогда не допускаю по отношению к себе. Я из тех, кто скорее пройдёт по

минному полю, чем согласится на подачки. Я встала в позу и гордо произнесла:

— В таком случае мне от тебя ничего не нужно.

И понеслось. Прозрачный деревенский воздух наполнился едкой горечью. У меня, как часто это бывало тогда в Англии, засосало под ложечкой и поскорее захотелось выпроводить его вон, пока всё не вышло из–под контроля.

За окном валил снег, как если бы разверзлись Небеса, а огонь в камине почти угас. Я попросила Денни сходить на задний двор и принести ещё одну вязанку дров, чтобы поддержать огонь, и до сих пор не могу понять, откуда у меня взялось столько злости, но как только он вышел за дверь, я заперла её на засов, оставив стоять его под падающим снегом.

Как он стучал, ломился, пробовал пробраться ко мне через заднюю дверь, а я схватила его пальто и сумки и выставила их на крыльцо перед входной дверью. Я держала защиту, пока он, наконец, не сдался и не ушёл. А трусить по глубокому снегу до станции ему предстояло целых шесть миль. Пройдёт ещё двадцать лет, прежде чем Дамиан увидит вновь своего отца.

Несмотря на все мои старания, оплата счетов приводила меня в уныние. До этого каждый месяц Денни присылал на сына сто фунтов (приблизительно 125 долларов), но теперь от него я не получала ни шиллинга. Не только образование у меня было неполное, но и работать вдали от моего мальчика я не хотела. Та зима выдалась чудовищно холодной и керосин быстро кончился. У меня не было семидесятипяти долларов, чтобы наполнить бак, и мы с Дамианом были близки, чтобы замёрзнуть окончательно. Мы стали спать вместе под моим электрическим одеялом на широченной кровати и весь день стараться проводить у камина. Нужно было срочно искать выход.

Да–да, это было именно в 1973 году

Случилось так, что я заработала денег, работая моделью в городе. Я раскопала некоторые свои старые полароидные снимки и отправилась искать работу в известное модельное агентство Вильгельмина.

Совершенно случайно в холле я встретила могущественную Кей. В агентстве она занималась подбором и приёмом на работу будущих моделей.

Первый барьер взят.

Мельком взглянув на фотографии, она бросила:

— Обождите здесь.

Казалось, прошла вечность, думаю, с час я рассматривала входящих и выходящих знойных юных моделей. Наконец, Кей проводила меня к своей начальнице. Блестящая Вильгельмина работала моделью в начале шестидесятых и выглядела только что сошедшей с первых страниц альбома Ричарда Аведона. На ней был безукоризненно сшитый чёрный брючный костюм и белоснежная блузка с изящной брошкой у воротника, а мягкие золотистые волосы завязаны в тугую кичку. Напротив её огромного рабочего стола, более похожего на церковный аналой, сидеть на небольшом простом стуле было мне нестерпимо жутко. Мои три несчастных полароидных снимка выглядели пустяковыми игрушками рядом с другими большими глянцевыми профессиональными портретами, разложенными по всей поверхности её стола. Я была сражена видом всей этой грандиозности и уже глазами искала путь к отступлению.

Все стены кабинета Вильгельмины были завешены великолепными чёрно–белыми фотографиями её лучших моделей. И Мод Адамс, и Марго Хемингуэй, и Дженис Дикенсон, и ещё стайка других красавиц из большой лиги.

Вилли внимательно рассмотрела моё лицо и произнесла затем со своим элегантным немецким акцентом:

— Двадцать два — слишком много, чтобы начинать, но ты хорошо сохранилась.

В своей деловой манере, она взяла портновский метр.

- 34–22–34, хорошо. Тебе нужно будет срезать волосы, я хочу, чтобы ты сходила к Ёши, скажи ему сделать каре до плеч.

И, подумав секунду, добавила:

— У нас уже есть две Катерины; как на счёт Катрин.

Картин! Меня чуть не вытошнило; звучало, как будто я какая–то испанская танцовщица.

Она перебрала ещё несколько имён, и мы сошлись на Ванессе

Вильгельмина сняла трубку и отправила меня на фотосессию с Патриком–Готовым–В–Любой–Момент, французским фотографом. Ещё она сказала, где я могла бы купить небольшое чёрное портфолио, и не успокоилась, пока я не пообещала звонить каждый день в агентство в пять, справляться о моём «листке занятости». Вот и всё. И я вышла из её кабинета уже моделью Вильгельмины.

Работа модели не оказалась такой лёгкой и гламурной, как я её себе представляла. Живя в двух часах от города, с пятилетним ребёнком на руках, всё это бросило мне вызов.

Мы вставали в пять, чтобы успеть в Брюстере на поезд 6:40. Затем полтора часа до Большого Центрального вокзала. И если поезд приходил уже переполненным, я вскидывала Дамиана себе на бедро и рассказывала ему всю дорогу, что наша счастливая жизнь зависит от того, что мы едем в этой тесноте. Мне приходилось краситься уже в поезде, и, стараясь избежать толчков на стрелках, подводила глаза, а за полчаса до моего появления в новой моей роли, в кабинке вокзальной дамской комнаты я освобождала свои волосы от бигуди. Последние штрихи губной помадой и румяны, под жуткими, делающими уродливым каждого лампами дневного света. Попробуйте сами выглядеть гламурной в восемь утра!

В мой листок занятости были вписаны выстроенные в боевом порядке имена модных фотографов, и Вилли зорко следила, чтобы ни одной минуты у меня не было свободной от подиума. Если фотографу нравилось, как я выгляжу, он снимал с меня пробу; и отпечатки шли в мой портфолио.

Думаю, я не пропустила тогда в Нью–Йорке ни одного фотографа и ни одного рекламного агентства. У меня не было лишних денег на такси, даже на автобус не хватало, поэтому мы с Дамианом скакали как борзые кони по улицам Нью–Йорка. В довершение всего, мой маленький разбойник страшно боялся лифтов. Он начинал визжать и вопить так громко, что нам приходилось пулей выскакивать обратно, пока не закрылись двери, и пересчитывать самим ступени двадцати или даже тридцати пролётов лестниц. К концу дня я уставала как Тесс из Д'Урбервиллей. И последнего клочка моей энергии как раз хватало, чтобы, вбежав в ворота Цетрального вокзала, успеть вскочить в отходящий в шесть Коннектикутовый. Та же схема

повторялась и на следующий день.

Моё посвящение окупилось сполна. Всего в три месяца у меня набрался, благодаря Вилли, премиленький запас великолепных чёрно–белых снимков и назначений.

Но я пришла в ужас, когда Вильгельмина быстро пролистав мой портфолио, вырвала из него все кроме трёх с таким трудом доставшихся мне фотографий. И я подумала про себя: «Дома я вклею их все обратно». Вилли, будто прочитав мои мысли, бросила мне вдогонку, когда я выходила из её кабинета, слова, запомнившиеся на всю жизнь, и которыми я следовала в каждом своём начинании:

«Катерина, всегда показывай только лучшее»

Она часто говорила, что лучше показать одну отличную фотографию, чем какой–то портфолио средненьких снимков.

Я решила довериться её мудрости и не стала вклеивать их обратно. Пять месяцев спустя я получила мой первый чек за рекламу на полном развороте журнала Mademoiselle.

Моему малышу исполнилось пять, и он начал ходить в детский сад при Стэдли–Руфф начальной школе. Кроме тех дней моей работы кассиром в Кольдере, мы редко разлучались. Я одевала его в школу и почти каждое утро, пока мы ждали школьный автобус, я запечатлевала начало его дня на свой фотоаппарат Brownie Star Flash. То, что он сам самостоятельно ездил в школу, каждый раз делало из меня совершенно больную мамочку, но была и польза. Теперь я могла носиться по городу с большей лёгкостью. Вильгельмина оказалась более чем милосердной и составляла так моё расписание, чтобы я успевала в Коннектикут точно к тому времени, когда школьный автобус с Дамианом на борту останавливался рядом с нашим домом.

В одном из моих метаний по Нью–Йорку я столкнулась нос к носу с моей старой подругой мисс Памелой, той самой соблазнительницей, которая увела у меня Джимми Пейджа, тогда, в Голливуде. С тех пор Памела стала актрисой и снялась в роли Эйми, девушки–хиппи, в мыльной опере «В поисках завтрашнего дня», но в реальной жизни она снова влюбилась. На этот раз в одного симпатичного английского рокера, солиста группы Silverhead, в Майкла де Барра. Она рассказала, что бросила эту мыльную оперу, запаковала вещи и вернулась в Калифорнию уже миссис де Барр. Ещё к обоюдному нашему удовольствию выяснилось, что мы обе, оказывается, охотницы за старинными сокровищами, и я пригласила её к себе в Коннектикут на воскресную ярмарку и соблазнительные аукционы, проводимые в гаражах, наполненных всяким старинным хламом. Памела не смогла устоять перед бамбуковым столовым гарнитуром сороковых годов, стоимостью всего в двадцать долларов, но у неё не было ни малейшей идеи, как его переправить к себе в Калифорнию, хотя это и не спасло её от его покупки. Через две недели мисс Памела появилась перед моим домом на броском голубом Кадиллаке–Купе–де–Вий, чтобы забрать своё сокровище. Она была как всегда в своём репертуаре — приехала не одна, а с молодым голубоглазым блондином, в очках в роговой оправе —

явно не в её вкусе. Сказала, что познакомилась с ним на съёмках, что он подходит больше мне, но он согласился отвезти её в Голливуд. Джозеф, так его звали, взгромоздил стол и все эти неуклюжие стулья на крышу Кадди, затем щёлкнул несколько раз на свой Полароид нас с Памелой, а Памела — нас с Джозефом на фоне моей избушки, и «деревенщины Беверли–Хиллз» отбыли в направлении к Эльдорадо.

Очередным моим начинанием стало изготовление симпатичных маленьких дамских сумочек из остатков викторианского бархата, которые я старательно украшала кусочками шёлка и цветным бисером. Я продавала их в один магазин модных вещей на Главной улице в Риджфилде. У жизненного пути свой план. И крошечными шажками я продвигалась всё ближе к человеку, который сможет меня вернуть домой в Калифорнию. Мои непохожие–одна–на–другую сумочки разлетались как горячие пирожки, эти деньги позволили мне мотаться ежедневно в город и обратно. Как–то раз я принесла новую партию, и хозяин магазина познакомил меня с одним из своих друзей.

Ангельской красоты. Только представьте, блондин с ясными, светло–голубыми глазами. Единственный ребёнок в одной преуспевающей Коннектикутской семье. Крис рассыпался в комплементах по поводу моего творчества, и мы незаметно перешли к обсуждению красот нашего озера. И вот ещё одно совпадение: яхта Криса стояла у причала, расположенного в двух шагах от моего дома! Когда будет поблизости, пусть заходит на обед, и он с радостью согласился.

Ого! Намечается настоящее свидание! Я спекла пирог из ягнёнка по рецепту миссис Уилер, только вместо сухого печенья я украсила его сверху кусочками размятого картофеля и приготовила с сочными персиками коблер на десерт. Я поставила Моцарта на полную громкость и разожгла камин. Постелила лучшую льняную скатерть и достала по этому случаю свои любимые тарелки с рисунком из ивовых листочков. Всё было великолепно за исключением одного, парень так и не пришёл.

Он позвонил на следующий день.

— Я думал, мы собирались посидеть.

Он сказал, что приезжал, но увидев сколько людей собралось у меня, уехал.

— Каких людей? Мы с Дамианом были одни.

— А как же все эти машины перед домом?

Ха! Работает! Я совсем забыла про все эти мои машины! Моя уловка сработала!

Мы договорились о новом свидании, в выходные съездить на

праздник. Крис поразил моё воображение, подарив мне старинные украшения. А какое было замечательное вино! Не прошло и месяца, как он переехал к нам с Дамианом.

Ему всего двадцать пять, а у него уже своё дело и целый штат сотрудников, озеленение, ландшафтные работы, редкие растения. Как истинный житель Коннектикута, он знал там самые красивые места, затерянные в лесах озёра, водопады и бурные, порожистые реки, по которым плавал на каноэ. Я была уверена, что он само совершенство, настоящий джентльмен, пока мы не съездили на мыс Код на его Ягуаре ХКЕ на 4 июля. Мы заказали обед из морепродуктов, романтика, свечи на столе, вдруг, ни с того, ни с сего, взрывается:

— Думаешь, я идиот?

Сказать, оглушена — ничего не сказать.

— Я видел, как ты посмотрела на того парня!

Что случилось с его ангельским лицом? Нечеловеческое выражение глаз, глаза гадюки, готовой броситься на свою жертву. Я едва узнавала его.

— Какой парень, о ком ты говоришь? — в растерянности произнесла я.

— Не думай, я не дурак, — прорычал он, бросая деньги и вскакивая из–за стола.

И выбежал из ресторана.

Я высвободила из–под стола свои клешни и пошлёпала за ним на улицу в попытке защитить свою невиновность.

Крис ждал, пока не убедился, что я люблю его, несмотря на спущенного с привязи своего маленького демона, который просто треснул, чтобы вырваться. Его очаровательный посол отправился в поход, и завистливые гены были в ярости.

На протяжении всех наших беспокойных отношений в его обыкновение вошло тщательно просматривать мою сумочку и карманы в поисках мифических записок с телефонными номерами или предательских спичечных коробков. Ради сохранения мира перед тем как вернуться домой мне приходилось вытряхивать всё, что могло бы быть истолковано им о связи с другими мужчинами. Пока я была в городе на работе, Крис перерывал все мои ящики, карманы, альбомы с фотографиями. Однажды я нашла единственную мне подаренную фотографию, моего милого Джаксона Брауни, разорванную в клочки. Эту судьбу разделили и все другие неопознанные фотографии мужчин, включая и моего собственного брата. Он звонил на студию, подозревая меня в связи с фотографом, а иногда даже приезжал в город и останавливался где–нибудь поодаль, в надежде подловить меня в связи, которую он рисовал в

своём воображении. Почему во всём мире я встречаю только таких подозрительных ревнивцев, которые совершенно ясные мои поступки искажают до неузнаваемости? А когда ничто их не смущает, они дьявольски обворожительны? Я была безнадёжно очарована его симпатичной внешностью и лелеяла себя надеждой, что когда–нибудь он вдруг одумается и станет мягче. Кажется почти невероятным, что я переехала из Англии в затерянное в лесах Коннектикута место, чтобы найти на свою голову точное подобие моего Денни Лейна. И я начала задумываться, что, может быть, что–то есть такое именно во мне? Появилось то же детское ощущение паники и беспокойства как тогда, когда я жила с матерью. Всякий раз, как только я решала, что Крис такой и есть на самом деле, он вдруг менялся и становился снова обаяшкой, и я всё забывала. Может быть, драма Джекилла–Хайда — это мой случай? Разве я ищу несчастье? Или же несчастье само находит меня? Как бы там ни было, это так и было, и мне срочно нужно было что–то менять.

Тем временем, не найдя выход из этого запутанного клубка, я нашла утешение в телевизионных мыльных операх. По утрам, в те дни, когда мне не нужно было ехать в город, а Крис уходил на работу по возвращению первоначальной красоты садам Коннектикута, я включала As the World Turns, и совсем скоро помешалась на Dr. Dan Stewart of Oakdale General Memorial. Д-р Дэн был мил, внимателен, заботлив — полная противоположность Крису. В своих мечтах и снах я приписывала Крису все эти качества и мои взаимоотношения с ним становились почти приемлемыми. Я была в полной уверенности, что д-р Дэн — это только телевизионный герой, но всё же решила написать Джону Рейлли письмо и отправить его на CBS, вложив свою визитную карточку агентства Вильгельмины, с предложением встретиться за ланчем. Я представила нашу встречу в романтической Tavern on the Green, укрывшимися от любопытных взглядов и ведущими задушевную беседу. Dr. Dan would save the day. Я на самом деле написала тогда письмо, и из страха перед Крисом, что я открыла кому–то своё сердце, спрятала его за подкладку моей шубки.

Рождественское утро 1974 года началось как в волшебной сказке. Шёл снег, ветер гнал по замёрзшей глади озера искрящиеся льдинки. Малыш Дамиан проснулся до рассвета, проливая mouse tears над каждым подарком, находимым им под ёлкой. Он никак не мог дождаться, принёс ли Санта Steve Austin Six Million Dollar Man action figure and the matching bionic repair station, о которых он так долго мечтал. Крис удивил меня вишнёвого цвета босоножками на платформе, которые я уже

давно приглядела у Энн Тейлор, а я купила ему комплект книг по искусству и подарила старинный винтажный смокинг. Казалось, наступило самое счастливое Рождество, такое, о каком я всегда мечтала. В камине весело потрескивали сосновые поленья, распространяя по дому смолистый аромат, Дамиана не видно было в ворохе подарков Санты, а я на кухне фаршировала индейку, прежде чем её сунуть в печь. Вдруг, совершенно по необъяснимой причине, (а может быть, он разочаровался в своих подарках?) Крис зашёлся гневом, и все его подарки полетели в камин. Пока я спасала книги из огня, он схватил вишнёвые босоножки, которые он купил для меня и забросил далеко в озеро, затем прыгнул в свой Ягуар и уехал. Если бы только он знал, что эта сцена будет для него последней. Я ждала, что он явится за своими вещами, но он объявился на следующее утро, как ни в чём не бывало. Когда же я выставила упакованные в чемоданы его вещи, он вспылил и разразился целой тирадой:

— Я не собираюсь уходить; это мой дом.

Сказал, что если мне не нравиться, могу съехать я. Мирным путём этого не решить, и я почувствовала, что он даже не даст мне уйти. У меня не было ни желания, ни энергии развивать напряжение, и решила, что лучше для нас всех, чтобы он остался, пока я не решу, что делать дальше. В отчаянии я позвонила в Лос–Анжелес моей эксцентричной тёте Клэр.

— Ты же знаешь, ты всегда здесь дома; и я вообще не понимаю, что тебя там держит!

Втайне от него я стала планировать наш побег. Пусть здесь живёт Крис. Я же собираюсь домой в Калифорнию. К несчастью, совсем недавно семья моей русской борзой увеличилась, у Молли родилось пятнадцать щенят, на десять больше, чем я ожидала. Борзые не такие уж маленькие, и всех их я просто не в силах была бы взять с собой в Калифорнию. Я расчистила мою комнату для шитья и из каминного экрана соорудила импровизированный загончик для щенят, чтобы они не разбегались по всему дому. Уже через пять недель, они уже научились преодолевать мой барьер. Лишь заслышав звон ключей, когда мы с Дамианом возвращались из города домой, они обращались в паническое бегство, создавая такой шум, как если бы неслось стадо коров. Три раза в день я наполняла глубокий противень молоком, и щенята справлялись с ним буквально в минуту, затем все пятнадцать в изнеможении отваливались от корытца, а потом все дружно делали большую лужу.

О, мой Бог! Как мы собираемся уехать отсюда со всей этой оравой? Они прибавляли по дюйму в день, не меньше, и бесполезно было надращивать барьер, все пятнадцать чёрных

носов оказывались у дверей, когда я входила в дом.

Я поместила объявление в Нью–Йорк–Таймс и получила шквал ответов. Люди приезжали даже из Вайоминга, чтобы купить моих питомцев.

Я продала MGA и Мини–Купер, но оставила себе старый Хамбер и Фольксваген, чтобы не вызывать подозрений. Когда молодая девушка с ребёнком на руках пришла за Понтиаком, я с радостью сообщила ей, что ей он переходит совершенно бесплатно.

Я позвонила в одну кампанию перевозчиков, и оказалось, что они на днях приобрели фургон, который срочно нужно было перегнать в Калифорнию. Я наняла небольшой Ю-Хол трейлер, прицепила к нему фургон и спрятала их неподалёку. Когда Крис утром уехал на работу, я загрузила Ю-Хол под крышу, и с наступлением сумерек, в самый снегопад, мы с Дамианом ускользнули и плавно поплыли назад на Запад с Молли и последними нашими четырьмя русскими щенятами, резвящимися на заднем сиденье.

12

Преодолев пять тысяч миль в четыре дня, мы с моим сыном оказались в безопасности в доме моей тёти Клэр на Озета–Террас.

Я не была здесь с той ночи, когда мой отец подобрал меня после дикой прогулки с мистером Жабой пятнадцать лет назад. Мои любимые старые железные ворота проржавели, а ранее красивые, аккуратно постриженные газоны заросли бурьяном. Бывавшие виды старые Кадиллаки всё ещё стояли в гараже, но теперь они могли привлечь к себе только внимание коллекционеров. Всё здесь стало вызывать жуткое ощущение вроде: «Что случилось с Малышкой Джейн?»

Тётя Клэр ещё не пришла домой, но моя сильно постаревшая бабушка Хелен встретила меня у дверей с распростёртыми объятиями.

Я познакомила её с первым её правнуком, и она, казалось, осталась им довольна. Выпустив своих четырёх русских на террасу, и пока она заваривала нам всем чай и делала сандвичи, я начала распаковывать самое необходимое.

Здесь мне дышалось легко, ведь я же совсем забыла, что где–то в мире у меня есть семья, и у неё есть даже своя собственная семейная история.

Мы мило с ней болтали, и даже намазывание на хлеб арахисового масла принесло нам массу удовольствия, но тут я спросила:

— А мой отец знает, что я уже приехала?

Странное выражение приняло её милое бледноватое лицо.

— Дорогая, а как твоя фамилия? — спросила она меня.

Эта маленькая женщина пригласила нас в свой дом, позволила внести внутрь наши вещи и только что приготовила нам поесть. К сожалению, я поняла слишком поздно, что она понятия не имеет, кто мы.

— Джеймс, бабушка, такая же, как у тебя, — сказала я, как можно мягче.

Её выцветшие, голубые, но ещё ясные глаза сверкнули, как колокольчик, который собирается умереть, но мозг уже отказывался подчиняться.

Было что–то удивительное и почти жуткое в моём возвращении на Озета—Террас. Странное ощущение попасть в прошлое. Ничего не изменилось. Всё оставалось на тех же самых местах, как тогда, когда я была здесь в последний раз. Разве что, модель телевизора в гостиной стала поновее. И только по нему можно было судить, что уже середина семидесятых. Тяжёлые

шторы плотно завешены, а старинные часы на каминной полке отсчитывали время, как если бы возвещали о приближении смерти.

Но вот приехала Клэр, нагруженная, как всегда, покупками, а её сын, Блейк, по–прежнему продолжал держаться за её юбку, хотя мы с ним и были одного возраста. В свои двадцать семь он стал симпатичным молодым человеком, но что–то в его облике отталкивало. Неуклюжесть, неловкость, неумение справляться со своим ростом (6'2»), может быть? Как если бы он боялся сделать неловкое движение. Кожа лица мертвенно–бледная, почти прозрачная, наводящая на мысль, что этот человек никогда не видел солнца. Блейк не был толстым, но казался таким из–за одутловатого, я бы сказала даже, бесформенного, тела. Сомневаюсь, оставались ли у него связи со своими друзьями по военному училищу, ведь Блейк не делал ничего, что бы ни позволила Клэр. Она эгоистически всё время держала его при себе, буквально привязывая его к себе завязками передника. Несмотря на то, что в доме пять спален, в каждую из которых можно подняться по своей лестнице, по какой–то странной (идиотской) причине они делили двуспальную, ещё моих дедушки с бабушкой кровать. Мне бы очень хотелось посмотреть на Блейка, вырвавшегося на свет божий; он никогда не ходил на работу или даже мечтал о чём–нибудь своём. Однажды он попробовал освободиться от излишней заботы (цепкой хватки) своей матери, так Клэр пригрозила ему, что лишит его наследства и отдаст всё киностудии. Мне удалось вызвать его на откровенный разговор (когда, однажды, мы оказались наедине) и он сообщил мне по секрету, что даже ни разу не целовался. Сама чистота и непорочность. Бедняга был девственником без всякой надежды познакомиться с девушкой или устроить самому свою жизнь.

Тётя Клэр выглядела на свой возраст, но оставалась всё такой же красавицей. Даже к полуночному походу в супермаркет Ральфа она относилась по театральному, долго выбирая наряд, подходящий к ночному освещению, как если бы её там снимали крупным планом. Она всё ещё рисовала себе губки соблазнительной Люси и пудрила щёки, доводя свою роскошную кожу лица до совершенства. Свои длинные ресницы подводила тонкими линиями Азизы, старой испытанной студийной тушью для ресниц, которую выпускали в таких синеньких коробочках. Она обычно поплёвывала на тушь, пока та не становилась вязкой и затем уже делала крошечной щёточкой несколько лёгких мазков.

Клзр никогда не носила долго одну и ту же вещь, и её розовая

гардеробная больше походила на музей Макса Фактора. Полочки были заставлены в три ряда бутылочками и баночками Деко и разными сильно пахнущими лосьонами. Увлажняющие крема, пудры, полупустые пакетики Уайт—Шаулдерс и Шанель № 5. Я никогда ещё нигде не встречала такой разнообразной коллекции. По этим начатым или уже использованным разноцветным баночкам и бутылочкам можно проследить всю её жизнь. А в огромном круглом зеркале отразились все её пятьдесят три года: вот она юная многообещающая старлетка, вот три её бурных романа, а вот и эксцентричная, стареющая королева красоты.

Клэр проследовала на кухню, и, орудуя старинными огромными кастрюлями и сковородами, приготовила нам всем ужин. Она с негромких хлопком бухнула гроздь спагетти с тефтелями размером с апельсин на мою тарелку, потом поставила на стол ещё четыре порции. Думаю, таким количеством можно было бы свободно накормить человек тридцать.

— Ух–ты, это слишком много, Клэр! — вырвалось у меня.

— Ешь, да помалкивай! — услышала я в ответ.

Тихо в этом доме никто не говорил. Даже когда я жила здесь ребёнком все говорили так громко, как если бы были глухими; выходило очень комично. После ужина Клэр с Блейком вдруг встали из–за стола и исчезли где–то на террасе, оставив меня с моей бабушкой Хелен, чьи голубые глаза были постоянно устремлены куда–то вдаль, в какую–то сумеречную зону. Я вышла за ними на веранду, посмотреть, что они там такого обворожительного нашли ночью, и увидела Клэр, трусливо прячущую рюмку за балюстраду. Вот те раз! Они оба — алкоголики, да ещё скрывают свою страсть друг от друга, живя в одном доме!

«В кого бы я превратилась, останься я жить в этом доме, и не убеги я тогда?» — мелькнуло у меня в голове.

Мы с Дамианом вполне уютно устроились на той половине, которая спускалась в противоположную сторону холма, но когда мы отлучались из дома, тётя Клэр спускалась к нам и переставляла все мои вещи по–своему, закрывала окна и плотно занавешивала их шторами. Однажды она меня совсем озадачила, отрезав от моего электрического будильника и плойки провода. Вот таков её неожиданный способ дать мне понять, что я слишком много трачу электричества.

Но самой невероятной новостью оказалась причина, почему тётя Клэр с Блейком вдруг засобирались в аэропорт. Я спросила, кого они едут встречать. Совершенно невинный вопрос, скажете вы, но Клэр запыхтела как паровоз.

— Ох, прилетает другая дочь Боба.

Стоп, дайте сообразить: «другая дочь Боба», что за «другая дочь»?

И Клэр рассказала мне, что у моего отца двадцать лет назад был роман, и что теперь эта девушка хочет увидеться с отцом.

— Не означает ли это, что она моя сестра? — в полном изумлении пролепетала я.

Клэр подумала с минуту и сказала:

— Полагаю, что так оно и есть.

Ух–ты. У меня сестра. Она живёт в Колорадо, и никто никогда не подумал сказать мне об этом.

Мы встретили Кэрол в аэропорту Лос–Анжелеса, точная копия моего папочки, такая же высокая, светловолосая шведка со светло–голубыми глазами. Она вела себя просто, даже скорее, я бы сказала, скромно. Говорила тихо и смотрела на тебя ясным взором, совсем не так как все в моей семье. По всему видно, что Кэрол получила традиционное воспитание, и ничего не знала ни о Голливуде, ни об эксцентричной семье Джеймсов. Она просто хотела встретиться со своим давно отсутствующим отцом. Поверить не могу, тётя Клэр даже не подумала сказать отцу, что привезёт к нему Кэрол; она лишь высадила её у его входной двери! Злополучное воссоединение, должно быть, шокировало моего отца. Он даже отказался открыть дверь. Я сама очень распереживалась и старалась, как могла утешить её. Я попробовала убедить её не принимать это близко к сердцу, но что я могла? В такой момент любой бы человек на её месте был бы близок к душевному расстройству. Мы обменялись телефонами, она села на ближайший рейс домой, и я больше никогда не видела свою сестру.

13

Я почувствовала себя на месте Мэрилин, племянницы семьи Манстеров, сообразив, что мы с Дамианом должны найти своё собственное жильё, пронто! Срочно!

Я связалась с Лос–Анжеллеским отделом Вильгельмины и обнаружила, что мой Нью–Йоркский договор на восемьдесят миллионов уже исчерпан. Пройдя своё первое здесь интервью, я нашла работу на первые три недели для каталога Сакс 5–го Авеню.

Я сняла дом в испанском стиле на Кирквуд–Авеню в Лорел–Каньоне и радости моей не было границ, когда наконец, смогла распаковать все свои вещи, остаться наедине со своими мыслями, записать своего восьмилетнего сына в школу на Уандерленд–Авеню и полностью отдаться работе на показах мод для Блумингейла, Macy's, and I. Magnin. Я начала зарабатывать деньги с такой скоростью, что не успевала их тратить. Я, расплатившись наличными, за две тысячи купила себе классический 1964 года красный MGA с откидным верхом, а остальные стала прятать под матрац и между страницами книг, как делала это моя бабушка Мими.

*

1976 год, канун Нового Года. Меня пригласили на встречу Нового Года на один из артистических чердаков в самом центре Лос–Анжелеса. Я простудилась, и появляться с насморком на людях желания у меня не было,

но что–то говорило мне, что я должна пойти

Я влезла в узкие, тонкие как карандаши, бархатные брюки, надела свитер с плечиками от Мэрилин и босоножки на высоком каблуке с шипами в стиле хэви–метал. Сорвав с нашей ёлки несколько ниток мишуры и обмотав шею таким импровизированным боа, я поняла, что готова к встрече Нового Года.

Это бывшее помещение пакгауза было полностью забито телами длинноногих моделей, фотографами модных журналов и всякими интересными личностями. Настоящий вавилон торчков под разносящуюся по всему кварталу Frosty the Snowman группы Ронеттс. Кокаиновые дорожки я уже давно оставила в своей жизни позади, и перед самым боем часов я проскользнула через пожарный выход схватить глоток свежего воздуха. Думала, что там побуду одна, но вдруг услышала рядом с собой печальный голос молодого человека:

— Спасибо, что приехали сегодня.

Прежде я никогда не слышала, чтобы так мне говорили, и улыбнулась.

— Вы побудете здесь с минуту? — спросил он.

Он вернулся с моим любимым шампанским Перье–Жуэ с оформленной вручную этикеткой в стили арт–нуво и двумя бокалами для новогоднего тоста. В итоге мы последними уходили с праздника и, прощаясь, я дала ему свой номер телефона.

Пол Заха отличался от всех мужчин, каких я встречала. Его отец был главным художником популярного шоу «Даллас» и Пол пошёл по его стопам. Помимо таланта художника, он обладал редким даром смешить людей. С того самого момента, как он меня подцепил, я смеялась не переставая над его постоянными комическими падениями, столкновениями и розыгрышами. Он не мог просто так, с пустыми руками, прийти в ресторан, у него всегда в кармане была горсть пластмассовых мух, которые он подбрасывал им в суп или ко мне в макароны. И когда официант, ловя ртом воздух, рассыпался в извинениях, мы оба были близки к истерике. Он знал множество фокусов, мог делать всякие волшебные трюки и отлично кидал лассо. С моим сыном он вёл себя, как если бы он был его собственным, удивив его билетами на премьеру Доджеров, игрой в парке в пятнашки, и тем, что взял его на настоящие съёмки своим ассистентом. А узнав, что я люблю завтракать мороженным, во время работы над фильмом,

посылал помощника продюсера за шоколадным мороженным для меня в Баскин–Роббинс. Он делал всё, чтобы только удивить меня, и, в конце концов, завоевал моё сердце. Полу было двадцать семь, и он был непредсказуемо романтичен. Он называл меня миссис Пиксли и часто в задумчивости повторял:

— Миссис Пиксли, однажды я соберусь и куплю тебе колечко с большим сверкающим бриллиантом, такое же, какое мой отец подарил моей матери.

И от наслаждения я смеялась.

Мой дом, который я снимала в Лорел–Каньоне, выставили на продажу, и я нашла очаровательную квартиру в стиле деко у подножия старого Голливуда. Мы с Дамианом на время переехали к де Баррам, а Пол к своему другу, пока в нашем новом доме шёл ремонт, где мы затем

поселимся вместе и поженимся

Подходили к концу семидесятые, и кокаин царствовал даже в святая святых, в самом сердце киноиндустрии. Я тоже приняла в этом участие, но Пол был ненасытен. Мы прожили вместе почти два года, и вы ошибётесь, если подумаете, что мы были только вдвоём, куда бы мы ни шли, что бы мы ни делали, коварный пузырёк с порошком был всё время с нами. Мы вели бесконечные, долгие, бессмысленные беседы, длящиеся порой до самого рассвета. Я старалась заснуть до того как встанет солнце, но сердце билось так, что пружины кровати вздрагивали, и я уговаривала каждый раз Бога, прося Его в своей молитве:

— Пожалуйста, сделай так, чтобы сегодня ночью у меня не случился сердечный приступ.

А обращаясь к Полу:

— Давай больше не будем.

Он отшучивался, и мы проваливались в недолгий тревожный сон, боясь проспать работу.

Пола пригласили главным художником в очередную картину, и продюсеры выдали ему задаток, пять тысяч, наличными. Когда же я узнала, что тысячу он истратил на кокаин, меня понесло, я взбесилась.

— Последний раз, — пообещал он мне. — Когда он кончится, я завяжу. Только на эти выходные, пожалуйста.

Каждый раз, проглатывая обиду, я швыряла трубку, но проходило некоторое время, и я успокаивалась и вспоминала, что люблю его, и всё налаживалось. Так и в этот раз я решила позволить оторваться этим вечером и позвонить ему на следующий день.

Утро мы с сыном провели на ежесубботнем блошином рынке в поисках каких–нибудь редких сокровищ, когда же вернулись домой, Памела, казалось, чем–то была очень встревожена.

— У меня плохие для тебя новости.

— Что? — переспросила я.

Но она не проронила ни слова. Её лицо было настолько серьёзным, что у меня зашлось сердце.

— Памела, ты начинаешь пугать меня, что случилось?

Последовала долгая пауза. Затем прозвучали два отвратительных слова:

— Пол мёртв.

У меня все внутренности полезли наружу, но я взяла себя в руки и хладнокровно произнесла:

— Ты ошибаешься, не говори так! Он жив!

— Прости, — медленно проговорила она. — Пока вас не было, звонила его сестра; он умер вчера вечером от сердечного приступа. Кокаин. Передозировка.

Он не мог умереть, не должен, мы были так молоды и любили жизнь, нам обоим было по двадцать девять. И тут я вспомнила, что дня три назад он попросил меня почитать по его ладони.

— Как думаешь, я проживу долгую жизнь? — спросил он меня.

Я провела пальцем по его линиям, но ничего не увидела.

— Не знаю, — сказала я. — Нет, наверное.

Он вскочил, захлопал в ладоши и радостно воскликнул:

— Надеюсь умереть раньше тебя; я бы и дня не прожил на этой Земле без тебя!

Я не из тех людей, которые сдаются или говорят «нет» в ответ, но смерть оказалась таким барьером, который я не смогла взять. Если бы у меня не было одиннадцатилетнего сына, нуждающегося во мне, я, может быть, последовала бы за ним. Раздражение и злость вгрызлись в мою душу, как алчные демоны. Я молилась и просила Бога, чтобы Он дал ему знать, что я не виню его, и что он покинул этот мир любимым мною.

Я отправилась в винную лавку, и сделала большой глоток терпкого вина в попытке утопить горечь реальности, но это ничуть меня не утешило.

После похорон его родные спросили, есть ли что–нибудь, что я хотела бы оставить из его вещей себе.

Кроме одной из его неоконченных картин, Пол оставил мне большой керамический горшок деко с посаженными в него тремя карликовыми пальмами, которые он бережно выращивал последние десять лет. Я ходила за ними все следующие двадцать четыре, они растут в том же горшке, но теперь они переплелись и стали в пять футов вышиной. Более того, Пол оставил мне неоценимый подарок. В тот раз, когда я бросила трубку, я и не думала, что на все оставшиеся миллионы лет это станет моим последним по отношению к нему жестом. Болью, которую он унёс с собой в могилу. С того дня я никогда не поизношу при расставании грубых слов или не оставляю неясности по отношению к моим чувствам. Каждый раз, когда кто–нибудь покидает мой дом, я вспоминаю его.

14

Майкл, муж Памелы, был на гастролях со своей группой, Checkered Past, и это позволило Памеле потратить столько времени, сколько она хотела потратить на своё любимое занятие: хождение по магазинам. После зачистки комиссионок в самой глубине Долины Сан–Фернардо, вернувшись домой, она сказала мне:

— Помнишь того парня, который приезжал со мной к тебе тогда в Коннектикуте?

Я рассмеялась.

— Ха, тот ботаник в очках, который согласился отвезти тебя до самой Калифорнии!

Она рассказала, что столкнулась с ним на Ланкершим–Бульваре, и что он пригласил нас обеих в тайский ресторан.

Джозеф заехал за нами на своём Фольксвагене, не нём были те же самые очки в роговой оправе, что и в тот раз, да ещё одет он был в не–пойми–что. Я думала, что он по–прежнему влюблён в Памелу, а оказывается всё время на протяжении обеда он без стеснения пялился на меня. Даже в те моменты, когда я лопалась от смеха, он сохранял серьёзность и пристально смотрел мне в глаза. Я наклонилась к Памеле и прошептала ей на ухо:

— Какой он странный.

— Да, брось ты, — рассмеялась Памела, — будь умницей, он поможет нам в пятницу с нашей распродажей.

У нас с Памелой накопилось столько всякой всячины, что мы могли организовать сами среднего размера блошиный рынок, что и делали по субботам у себя во дворе. Буквально уже в семь утра у ворот стояла добрая сотня охотников и хором требовала впустить их. В эту пятницу, вечером, пока мы раскладывали наше барахло, Джозеф отложил себе один из костюмов Майкла, сшитых где–то в пятидесятых. Это был один из золотистых костюмов группы Элвиса, который сел на него, как если бы был сшит ему на заказ. Без рубашки, свободно распахнутый, виднелась его нежная, как у мифического Адониса, кожа груди. Без своих роговых очков, он стоял в дверях с гитарой Майкла, мурлыча нежную интерпретацию Blue Suede Shoes:

> One for the money,
> two for the show.

В этот волшебный момент он превратился из Кларка Кента в

какого–то плотского бога, который завладел всем моим вниманием.

В самый разгар нашей утренней дворовой распродажи произошла одна удивительная вещь: один из покупателей вдруг подходит ко мне и спрашивает:

— Вас же зовут Катерина?

Этот человек оказался воспитанником Висты–дель–Мар, сиротского приюта, где я когда–то жила. Удивительно, что по прошествии стольких лет этот парень узнал меня. Он сказал, что хорошо помнит, как я привела однажды Боба Дилана на их территорию, и что за это меня посадили в карцер. Ха! Я не забыла, как они все насмехались надо мной и глумились над Бобом в тот день далёкого 1963 года, и какое унижение я тогда испытала! Я не стала ничего ему говорить, только повторила мои пророческие слова, сказанные всем им тогда:

— Я же говорила, что вы этого никогда не забудете.

Ещё он сказал, что я стала в приюте местной легендой. Я была дикаркой, и оказалась единственной, кому удалось оттуда сбежать. Ну вот, круг и замкнулся. Он заплатил пятьдесят центов за старую заигранную Rubber Soul и растворился в прошлом.

Утомлённые, выдохшиеся, потные, без сил, после десяти часов непрерывных обсуждений, споров и, в конечном итоге, упаковывания оставшегося непроданного хлама по коробкам до следующего раза, я предложила Джозефу за всю его безвозмездную помощь остаться и поужинать с нами. В другое время я бы расплатилась бесчувственными монетами, чтобы поскорее броситься в постель и заснуть, но в этот раз ощущение чего–то предстоящего воскресило от спячки мою душу. Вот если бы какой–нибудь чародей, подбросив монетку, забрал мои мысли о нём как о растяпе и дурне, и превратил бы меня в мечтательную школьницу, старающуюся изо всех сил произвести хорошее впечатление! Я приготовила для нас индийское карри и даже не заметила, как мы оказались в моей постели, такой страсти я ещё не испытывала. Мы любили друг друга до первых лучей восходящего солнца, и продолжили бы, но Джозефу пора было уезжать. Утром он улетал в Орегон, навестить своих родителей.

Джозеф работал актёром в местном театре и снимался в рекламных роликах, но, оказалось, подрабатывал ещё и столяром–краснодеревщиком. Он жил в простом каркасном крафтмане в Санта–Монике, который вечно перестраивался. Убранство было сродни кельи дзен–монаха. Ни дивана, ни ковра, просто чистенькая комната с простой кроватью и чертёжной доской, за которой он делал эскизы. В гостиной стояло пианино с небольшой фотографией в рамочке. Посмотрев повнимательнее, я

обомлела; фотография Памелы, сделанная шесть лет назад у моего дома в Коннектикуте! Что это, игра Судьбы?

Джозеф приехал из такого места, о котором я мечтала всю жизнь. Он никогда не пробовал ни алкоголя, ни табака, и ничего другого контрабандного. Он вырос в большой уютной семье в сельскохозяйственном Орегоне и до сих пор посещал воскресную службу в церкви. Настоящий Джон–Бой во плоти, или, может быть даже, переодетый Иисус.

Куда я смотрела раньше? Джозеф оказался самым симпатичным из всех, на кого я когда–либо положила глаз, с небесно–голубыми глазами и светлыми волосами. Его руки были, как если бы их создал великий Микеланджело. Между нами была такая химия, о которой я даже не подозревала в её существовании. Мы занимались любовью, как занимаются ею боги — до рассвета, затем мы просыпались и продолжали заниматься ею, но уже как люди. Секс с Джорзефом — это как путешествие во времени, как если бы я, покинув своё тело, порхала бабочкой над луговыми цветами, или же оказалась в другом веке. Я никогда не знала, куда он меня уведёт, но без него я туда бы сама никогда не попала. Он как высвобождающий эйфористический наркотик, а я — полностью ему подвластная.

Наконец, я переехала в мою новую квартиру на Эль–Керрито–Плейс, а Джозеф, отказавшись от своей дыры в Санта–Монике, переехал жить ко мне. Мы вместе стали ходить в старую методистскую церковь на углу Франклина и Хайленд, там был самый лучший во всей Калифорнии орган. Джозеф вступил в мужскую группу утренних певцов, и мы не пропускали ни одного праздника или воскресного чаепития. Танцы проходили в церковном гимнастическом зале и были чудесно неестественны, как если бы мы переместились во времена невинных пятидесятых. На день Святого Валентина все стены зала были украшены красными, вырезанными из бумаги сердцами и розовыми искрящимися лентами. Сладкие печенья в форме сердечек и клубничный пунш для поддержания сил танцующим. Мы с Джозефом скакали под Бобби Дарина Queen of the Hop и медленно проплывали мимо других под Пасти Клайн Sweet Dreams of You. Снаружи во всю правили восьмидесятые, но, глядя на нас, вы бы этого ни за что не сказали.

К несчастью мой сын не был так очарован им как я. Он приблизился к самому сложному подростковому периоду (я бы сказала, к самому ужасному), он был доволен управляя мной, считая меня своей собственностью. Он восхищался Джозефом, но когда Джозеф стал устанавливать правила, мой сын превратился в дикого мустанга. Когда же Джозеф подвёл под свои требования

разумную базу, мой сын изменил стратегию, и я оказалась врагом номер один.

— Подожди, вот узнаешь её поближе, пожалеешь, — стал он наговаривать ему в тайне от меня.

А во время полдника на фермерской ярмарке в Файэрфаксе, юный мастер Дамиан, вдруг бросил, якобы мимоходом:

— Ты начала стареть, мам. Смотри твои руки все в морщинах.

Я так и отпала.

С самого его рождения, я жила для него, и хотела дать ему всё, что не получила сама. Благодаря ему, я полюбила себя. Дамиан был моим смыслом жизни, моей опорой, но когда я влюбилась в Джозефа, мой малыш, моя маленькая мечта, превратился в сплошной кошмар. Он поставил меня перед выбором: либо он, либо Джозеф,

но появилась лёгкая альтернатива

Приближалось Рождество, и Джозеф пригласил нас в Орегон, провести рождественские каникулы вместе с его семьёй. Я захлопала в ладоши, но что мне делать с моим строптивым сыном? Моего раздражённого тигрёнка я определённо не хотела показывать родителям Джозефа.

Мы с моим младшим братом редко виделись, но часто перезванивались. Скот недавно женился на своей восемнадцатилетней подружке, Джине, и поселился с ней в небольшом милом доме в горах близ озера Тахое. Отличное решение! И я отправила своего сердитого зверёныша встретить Рождество с моим братом. И там, среди заснеженных склонов поостынет немного, как я полагала, его пыл.

Нам с Джозефом понадобилось шестнадцать часов, чтобы добраться до его дома в Грешеме, но вместо того, чтобы заночевать на полпути в каком–нибудь мотеле, мы встали лагерем просто в лесу. Могу с уверенностью сказать, что мы были единственными живыми душами в этом заснеженном, замёрзшем декабрьском лесу. Страшно? Да. Но всё оказалось много романтичнее, чем если бы мы заночевали в дешёвой придорожной гостинице. Ранним утром мы вышли на живописный мост, перекинутый через бурный поток. Мы скинули одежду, взялись за руки и прыгнули с него. Я ещё никогда не выскакивала из воды с такой скоростью. Вода оказалась настолько ледяной, что декабрьский воздух показался тёплым и согрел наши мокрые тела.

Мы благополучно добрались до этой фермы в Орегоне и я, наконец–то, смогла познакомиться с его любящей семьёй. Ого! Четыре брата и старшая сестра! Его отец оказался местным священником, а его мать играла на органе в той же церкви. После Рождественской службы, они всей семьёй ходили от дома к дому, распевая рождественские хоралы, и всё это время падал большими хлопьями снег. Чувство причастности, ощущение нужности людям, это так непохоже на всё то, что меня окружало в детстве, едва ли можно описать такое словами.

Джозеф разбудил меня на рассвете шёпотом.

— Катерина, подойди к окну, взгляни на это чудо.

Это то самое, что мне больше всего нравилось в Джозефе; он не только всегда привлекал моё внимание, но и делал так, чтобы я могла буквально вдохнуть красоту. Мы очень медленно, очень тихо стали любить друг друга, стараясь не потревожить предательски скрипучие половицы, и любили друг друга, пока его

мама не позвала нас на завтрак, на горячие оладьи.

Описать то Рождественское утро? На завтрак собралась вся его огромная дружная семья, чьи–то дети, чьи–то внуки, чьи–то племянники и племянницы, все пришли поздравить друг друга. Я подарила Джозефу необычной формы часы–будильник, купленный заранее в модном магазине Фреда Сигала, а он мне струящуюся белую ночнушку, которую я однажды присмотрела в каталоге Блумингейла, ту самую, с небесно–голубыми шёлковыми лентами. Позже мы все забрались в семейный пикап, загруженный массивными черными автомобильными камерами, чтобы кататься на склонах у фермы.

Я была так счастлива, как никогда в жизни

Мы снова приехали в Орегон на Четвёртое июля, отправив радостного Дамиана к моему брату и его жене Джине. Орегон летом показался мне даже ещё более сказочным, чем тогда, в Рождество. В это время года вода в озере Шаста особенно ласковая, и купаться в нём было одно наслаждение. На бескрайних зелёных полях фермы мы играли в мяч и весело съезжали вниз по склону по тому же ручью, заключённому в большую резиновую трубу, что и в декабре. Мы помогали собирать спелую клубнику, растущую по границам фермы, в большие корзины, а из излишек, мать Джозефа научила меня готовить великолепный фруктовый коблер, и я сварила свой первый в моей жизни джем, которым, кстати, очень потом гордилась. Когда праздник кончился, мы сели на поезд «Свет звезды Побережья» и вернулись в Калифорнию, проведя время в отдельном купе. Именно там, в этом крошечном помещении, были произнесены Джозефом голосом Гари Купера заветные слова:

— Я вот всё думаю о том, что нам следует пожениться.

Выйти за него? Да я последую за этим человеком всюду, будь то хоть адское пламя!

— Но, — добавил он, — все эти голливудские свадьбы не внушают мне доверия. Мы должны вернуться в Орегон.

Я боялась закрыть глаза. Вдруг всё это окажется сном? Мы оба так и не сомкнули глаз все эти двадцать два часа пути, вознося хвалу царству любви.

Три месяца спустя

мы поженились в Орегоне на берегу озера

Перед самым произношением клятвы божья коровка села к Джозефу на рукав. Что удивительного в этой маленькой божьей коровке? Вместо обычных маленьких чёрных пятнышек на ней, были ясно очерченные два крошечных сердечка, по одному на каждом крылышке, и я поверила в истинность момента. И когда мы с ним шли к озеру, где ждали нас все собравшиеся, чтобы поздравить нас, Джозеф вложил мне в руку маленькую записку, в которой были такие слова:

Прежде я видел красоту земли,
красоту небес,
но ничто не сравнится с красотой
в глубине твоих глаз

Я чуть не умерла от счастья.

Мы провели наш медовый месяц в индейской резервации. Земля изобиловала горячими источниками и окружена была настоящими индейскими вигвамами. Это был первый и последний раз, когда я видела, чтобы Джозеф жил в гостинице, со всей обычной для такого ранга обслугой. Если бы он мог выбирать, думаю, мы бы провели этот месяц под открытым небом и ночью бы нам светили луна и звёзды.

Домой мы возвращались по берегу океана, по извилистому шоссе минуя Биг—Сур и Монтерей, останавливаясь у каждого старомодного магазина с древностями и сельских гостиниц. Всю дорогу я любовалась колечком на своей руке. Думаю, у меня вырос новый мускул от того, что я так долго держала руку у своих глаз, с истинным наслаждением любуясь золотой связью. Мы были женаты по–настоящему. Наконец, я нашла своего принца; неужели навсегда?

В Голливуд мы приехали глубокой ночью, было около двух, и мы так устали, что не стали распаковывать вещи. Мы из последних сил сгрудили наши чемоданы и свадебные подарки в прихожей и прямо отправились в постель провалиться в блаженное небытие.

В пять утра нас разбудил звонок. Звонил отец Джозефа. Разговор длился не больше минуты. Джозеф уткнулся в подушку и зарыдал. Мотоцикл его старшего брата, Джеймса, сбил какой–то пьяный водитель, и он умер прямо на обочине дороги в Орегоне.

Мы женаты всего пять дней, а уже возвращаемся в Орегон на

похороны. Больно было видеть страдания Джозефа. Более того, он отказывался от моих попыток утешить его, и просил оставить его одного. Вот так, в одночасье, испарилась наше счастье.

Прошло время, тучи начали рассеиваться, но вернуть прежнего уже было невозможно. Мы едва говорили и ещё реже стали любить друг друга. Я готовила ему завтрак, пекла ему его любимые сладости. Гладила ему рубашки и приклеивала короткие записочки к воротничкам, как симпатичен будет он в них выглядеть, но так никогда уже не смогла завоевать его внимание. Всем своим видом, я старалась напомнить ту девушку, в которую он влюбился, но он только больше и больше отдалялся от меня. Я скрывала свою грусть, стараясь быть хорошей, любящей женой, но всё, казалось, было тщетно.

Примерно тогда же со мной начало твориться что–то странное. Началось всё с того, что когда я в очередной раз стала готовить томатный соус и, открыв банку с томатной пастой, попробовала её на вкус. Паста показалась мне несколько кисловатой и, проверив дату, поняла, что банка просрочена. Я тут же вспомнила, что где–то читала о бутулизме и консервированных томатах, и запаниковала. Я тут же набрала горячую линию об отравлениях и спросила:

— Много ли испорченной томатной пасты нужно съесть, чтобы заболеть бутулизмом?

Приятный женский голос на том конце провода мне ответил:

— О, даже попробовав чуть–чуть, это может убить вас, милочка.

О, мой Бог! Я уже проглотила две полные столовые ложки, я обречена. Чувствуя начинающуюся боль в желудке, я вылила всё содержимое кастрюли в унитаз и, прыгнув в постель, стала ждать конца. После этого потрясения, любая рыба была под подозрением, затем очередь за консервами, затем за молочными продуктами, и в завершение мясо стало злейшим моим врагом. Я даже прекратила принимать витамины из страха, что они могут быть испорчены. Дошло до того, что я обнаружила, что вызывание рвоты, гораздо оказалось для меня приятнее, чем сам обед, и долго скрывала от всех этот мой маленький секрет. Не знаю, что случилось со мной, но я была убеждена, даже со всеми моими предосторожностями, что умру от нечаянного отравления.

Когда Джозеф был, наконец, готов к разговору, оказалось, он хотел сказать, что ему необходимо побыть одному, может быть, ему уехать стоит на несколько месяцев, пока ему не станет лучше. Первое, что мне пришло в голову, самое обыкновенное: когда уходят, то редко возвращаются. И я задала Джозефу вопрос, старый как мир:

— Это из–за другой женщины?

Он посмотрел на меня так, как будто я развращена настолько, что во мне могли родиться такие абсурдные мысли.

— Как ты могла так нелепо подумать? — и он раздулся от гнева.

И за этого человека я только что вышла замуж, за человека, которого полюбила и которому доверилась. Я опять была поставлена в тупик. Хотелось верить ему. Я уверила его, что он волен идти, как бы там ни было, если это нужно для нас обоих, для нашего будущего счастья.

После этого разговора я ехала на своём Триумфе с откидным верхом в Санта–Монику, и перед светофором ко мне подошёл уличный разносчик с коробочками сочных спелых вишен. Я успела прикончить половину ягод, прежде чем внутренний голос пригрозил мне:

— Как ты могла купить фрукты у какого–то проходимца?

Вишни точно были отравлены. Я выключила двигатель и стала тщательно перебирать оставшиеся вишни, ища следы от уколов. Грустная картина, как если бы каждая вишенка была виновна, но было уже поздно. Непременно яд уже начал действовать. И в самый разгар моей паники, пришло озарение. Мне показали картину: у тротуара припаркована машина, а в ней сидит красивая молодая женщина вся в слезах, и как лунатик копается в вишнях. Дело не в вишнях! Дело во мне самой. Мне срочно нужна помощь.

Мне повезло, я нашла д-ра Томаса Дешлера, одного проницательного специалиста из еврейского медицинского центра «Кедры Синая». Думала, приду просто провериться, так, на один визит, но всё неожиданно повернулось по–другому.

Обычно я действую на мужчин одинаково, но этот доктор не попал под моё очарование, а просто предложил:

— Почему бы нам

не начать с самого начала

Начало? Причём здесь самое начало? Проблема моя здесь и теперь! Я боюсь есть, и если всё же ем, то впадаю в паранойю, которая заставляет меня выташнивать всё съеденное мною прежде, чем яд проникнет в кровь. Мозгами я понимала, что всё это большая нелепость, но страх был настолько реален, что преодолеть его в одиночку была не в силах. Легче умереть с голоду. По воле Случая я рассказала ему о своём детстве, о некоторых пикантных подробностях связанных с моей матерью. В красках рассказала, как она запирала меня в шкафу или привязывала к стулу. Как в наказание она заставляла маленькую девочку есть суп (Ivory soap bars) и пить большими глотками Табаско. А когда я дошла до того места, где она меня оставила ночью у железнодорожной платформы, я уже обливалась слезами. Слышать мои собственные слова было мне невыносимо, будто я рассказывала о чьём–то чужом детстве, но вот, я вдруг осознала, что это я же та самая маленькая девочка. Я никогда ни с кем прежде не говорила о своих детских страхах, и стала извиняться перед доктором, что неожиданно разоткровенничалась. Он протянул мне коробочку с бумажными платками, и я почувствовала себя давным–давно брошенной маленькой девочкой. После того, как я хорошенько высморкалась (на что ушло порядочно времени) и благополучно обрела прежнее спокойствие, я сказала:

Вообще–то я здесь из–за отравленных продуктов

Джозеф снял гараж в Студио–Сити и у нас начались свидания. При этом любовью мы снова стали заниматься, но прежнего наслаждения я не получала, было в этом скорее что–то душераздирающее, как если бы каждый раз мог стать последним. Он клялся мне, что у него никого нет, но сердце мне говорило другое; он уже мне целиком не принадлежал.

В конце концов, один человек пришёл мне на помощь и поведал мне историю, полностью смутившую мой брак. Странно, но этим человеком оказалась одна из подруг Джозефа, с которой я познакомилась в Орегоне, когда мы ещё впервые с ним туда приехали. Я изливала ей мою встревоженную, измотанную душу, когда она вдруг остановила меня и спросила:

— Ты уверена, что хочешь знать, что происходит?

Моё сердце билось, как у скаковой лошади. Конечно. Более всего на свете я хотела знать правду. Она рассказала, что у моего мужа роман с девушкой, с которой он познакомился на прослушивании. Она актриса. Странным образом это известие вывело меня из состояния отчаяния. По крайней мере, я знала, с чем мне предстоит встретиться. Я нашла её имя в конторе среди других проб и позвонила её агенту, представившись телевизионным продюсером. Её агент прислал мне пачку её фотографий и краткое резюме, которое я тщательно изучила, уже как частное лицо. Кем же оказалась эта безнравственная ведьма? Уж определённо не красотой своей она заколдовала моего мужа. Рыжая, в веснушках.

Лёжа в кровати, той бессонной ночью я представляла себя стоящей перед её домом с ружьём. Конечно, у меня не было ни своего ружья, ни тем более убить кого–нибудь я бы не смогла, но вид её, открывающей свою дверь, и меня, с направленным прямо ей в сердце ружьём, прибавил мне уверенности в моей правоте. Убийство, подумала я, это слишком тривиально, и на этом я не успокоилась. Я написала ей едкое письмо, взывая к её благопристойности или отсутствию оной. Я искренне думала, если она узнает моё имя, и что у меня тоже есть сердце, она осознает всю бесчеловечность своего поступка, смягчится и вернёт мне моего мужа.

Эта «другая женщина» оказалась актрисой мыльных опер. Она уже играла в Days of Our Lives, а теперь периодически стала появляться в одном популярном телешоу. Мазохистски я не

пропустила ни одного эпизода сериала, показываемого по четвергам. Я даже заплатила, чтобы видеть a dreary play she was appearing in just to get a closer look at her face in person. Я нашла утешение, презирая её, разбирая ошибки в её посредственной игре, но беспощадная правда заключалась в том, что она околдовала моего мужа, и я ничего не могла с этим сделать. В моём к ней послании я писала о карме, о том, что человеку возвращаются его поступки. И я была несказанно рада, когда двумя неделями позднее, как я отослала это письмо, её шоу было чудесным образом закрыто, и она лишилась работы.

Это случилось перед самым Рождеством, когда мы с Джозефом обычно начинали собираться в Орегон. Я всё ещё ходила к нему, как на свидание, мы даже занимались любовью, как вдруг он объявляет мне, что вместо меня он берёт с собой эту актрису. Этого я уже вынести не смогла. Мы только что поженились там — трёх месяцев не прошло. Но переживала я уже не так, как в тот раз, когда мой Пол умер от передозировки; по крайней мере, здесь прослеживался финал, ясно–очерченная концовка. Джозеф, мой муж — жив и занимается любовью с другой женщиной всего в двух милях от меня. Я отказывалась верить, что его любовь ко мне прошла. Всё мне говорило, всё кругом кричало мне, что пришло время менять что–то, но, чёрт побери, как это было больно.

И тут я обнаружила, что ноги мои снова принесли меня в винный магазин. Но вот беда, терпеть ненавижу вкус спиртного. Я купила то ли дешёвый сладкий портвейн, то ли бутылку приторно–сладкого франгелико и выпила её тут же залпом в надежде заглушить раздирающую меня печаль. Мне пришла в голову идея сходить к гипнотизёру, чтобы он стёр из моего сердца все воспоминания, связанные с Джозефом.

За следующие три месяца печаль съела во мне пятнадцать фунтов и моя работа модели почти сошла на нет. Вильгельмина продолжала присылать мне запросы на интервью, но вырос новый урожай юных красавиц, на целых десять лет меня младше и не с худшими портфолио, чем у меня. Как моё желание бороться за своего мужа, так и средства к существованию стали иссякать. Пришла необходимость всё срочно менять, вырваться из стрессового положения.

У меня всегда была любовь к свежим цветам и талант составлять букеты, и я предложила себя шикарному цветочному магазину LaCienega на Мелроуз—Авеню. У них наибольший выбор всяких экзотических цветов, и я подумала, что это разнообразие немного утешит меня. Я хорошо помнила то чувство, когда получала букеты от романтически–настроенных

поклонников, и с огромным удовольствием составляла букеты для красавиц и их поклонников. Казалось, каждый сколько–нибудь симпатичный мужчина в Голливуде обычно часто посещает цветочный магазин, но, к сожалению, все они уже были кем–то заняты.

Там, среди цветов, со мной произошла невероятная история. Помните, я рассказывала вам о моей теле–влюблённости в Коннектикуте? Да–да, в д-ра Дэна Стюарта, доктора из мыльной оперы As the World Turns? Когда лёгким ветерком его занесло в наш магазин за дюжиной роз, я почувствовала себя ланью в свете прожекторов. Он даже не догадывался о благодарной роли, которую сыграл в моей путанной жизни в Коннектикуте, или о нашем романе, проигранном в моей голове с Джоном Рейлли, который был слишком искренен для мыльной оперы, слишком тёплым и отзывчивым, и даже, немного кокетливым. Я повязала дополнительную ленточку вокруг его букета роз, и он покинул наш магазин полностью уверенным, что прежде мы где–то встречались. Я так никогда и не набралась храбрости отослать ему то письмо. И оно возможно до сих пор хранится за подкладкой моего зимнего пальто, которое я отдала на бедность несколько лет назад.

Моя работа и длительное лечение у психоаналитика привели меня к счастливому концу моей обеденной драмы. Я всё ещё продолжала посещать доктора Дешлера, но вместо обычных приёмов в его кабинете, мы стали встречаться с ним в небольшом кафе напротив «Кедров Синая». В один из наших полдников я набросилась на гамбургер и жареную картошку, как какая–нибудь прожорливая свинка, и тут доктор Дешлер и спрашивает меня:

— Откуда вы знаете, что еда не отравлена?

Я с минуту задумалась. Давно такого со мной не происходило, чтобы я не рассмотрела чистая ли тарелка или вилка. Думаю, я с ним чувствовала себя в безопасности. Ничего плохого не могло случиться со мной, пока я была рядом с доктором Томом. Мой страх быть отравленной оказался воплощением неестественного чувства паники. Страх прошёл с исчезновением из моей жизни моего мужа. Мой внутренний голос продолжал вопить:

— Ты нахватала кучу бактерий!

Ну вточь, как та добрая женщина с горячей линии отравлений: «Даже попробовав чуть–чуть, это может убить вас, милочка».

После двух лет посещения доктора Дешлера, и с исчезновением из моей жизни Джозефа, я, наконец, стала нормально питаться без того, чтобы сразу бежать и выташнивать

всё съеденное.

15

После продолжительного скрытого алкоголизма моя эксцентричная тётя Клэр сдалась. Она умерла в шестьдесят пять от цирроза печени. Никто не подумал сказать мне об этом, но и моя бабушка Хелен умерла тоже. Альцгеймер постепенно убил её. Мой несчастный двоюродный брат остался теперь в одиночестве в нашем разваливающемся, зарастающем плесенью доме.

На похороны Клэр Блейк одел свою не терпящую возражений матушку в её любимые меха белой лисицы и придал её лицу выражение стареющей роковой женщины. Вместо того чтобы уложить её в гроб, он подпёр тело и обложил его её пышными трофеями и фотографиями, запечатлевшими её театрально–гламурное прошлое. Сцена, достойная хичкоковского Psycho.

Блейку достался не только огромный дом, но и большая сумма денег, но он понятия не имел даже как, например, заботиться о себе, не говоря уже о том, что делать со свалившейся неожиданно на него жизнью. В свои тридцать три он был всё ещё девственником, и начал ходить на Сансет–Стрип в надежде с кем–нибудь познакомиться. Он быстро стал популярным среди местных торчков, и они познакомили его с удивительным миром кристаллов меты и кокаина. Дом над Сансетом, который раньше был оазисом, стал теперь постепенно разворовываться постоянно приходящими и уходящими нарками, независимо день это был или ночь. Блейк снял со стен мамины портреты и стал тушить о холст окурки, составляя из них огромные пирамиды. Если не брать в расчёт всю неприятную сторону всего этого, думаю, где–то в глубине души он понимал, что она сыграла с ним злую шутку, отобрав у него жизнь.

Его агония длилась шесть месяцев. В Санта–Монике он познакомился с юной женщиной, которая села за руль его Мерседеса. Она оказалась слишком нагруженной, чтобы различать цвета светофора, и на скорости шестьдесят миль они врезались в панелевоз. Судьба повернула всё так, что Блейк спас жизнь этой незадачливой вознице. Непривязанного ремнями безопасности, его швырнуло между рулём и девушкой, и, сделав последний вдох в своей жизни, он сыграл роль подушки безопасности — девушка отделалась испугом, а мой двоюродный брат умер мгновенно. Грустно становиться, когда думаешь, что даже довезти свою первую женщину домой ему не удалось.

Мой отец всегда хотел контролировать тот дом на Озета–Террас. Несколько лет до этого Клэр предлагали за него свыше одного миллиона долларов, но его сварливая сестра отказалась

продавать. Мой отец хотел получить свою долю, и между ними шли непрекращающиеся, бессмысленные с моей точки зрения, препирательства. И вот когда Блейк внезапно погиб, отец держал его смерть некоторое время в тайне, и я узнала о ней только спустя два месяца.

В кратчайшие сроки моему отцу удалось очистить от грязи дом, и он продал его первому же покупателю.

Никто в моей семье никогда не упускал своего шанса, если была даже малейшая возможность. Помню, последний раз, когда я там была, все чулки моей покойной бабушки всё ещё висели на вешалке для полотенец в её ванной комнате. Мой отец принёс сложенные вчетверо гигантские мешки для мусора и загрузил в них доступные всем сокровища. Он сказал, что отвратительно, когда все соседи начали копаться в её закромах. Он причитал, что они были там три дня и три ночи, и некоторые из них действовали право очень быстро. Я промолчала, что хотела бы первой нырнуть в них. Думая о замечательном сервизе в стиле нуво моей бабушки и её элегантном столовом серебре, которое она вынимала из буфета только по торжественным случаям, мне становилось дурно. Все её шкафы набитые восхитительными тканями, в розовый диван от одного вида которого можно упасть в обморок! Я так хотела всегда оставить его себе.

— Что ты сделал со всеми вещами Клэр? — спросила я отца.

А её гардеробные комнаты, все её невероятные шляпы в бесчисленных шляпных коробках, а туфли, коллекция которых начиналась ещё тридцатыми. Помню, я часто играла в переодевания в этих комнатах, мечтая о прекрасной жизни.

Он отмахнулся, вроде как «не волнуйся, всё чисто убрано» и сказал:

— Я вызвал Армию Спасения, и они расчистили весь этот хлам; ты же не хотела ничего забрать из этого старья, ведь так, да?

Он помолчал с минуту, будто что–то вспоминая.

— Да, какой–то англичанин, киноактёр, вроде Джулиан его звали.

Неужели Джулиан Сэндс, не может быть! Я обожала его. Я смотрела «Комнату с видом» четыре раза; у меня даже в моих мечтах был с ним роман. И я спросила:

— Он блондин, да? Не Сэндс его фамилия?

— Да, точно, это был он, Джулиан Сэндс.

Моей встревоженной душе стало чуть легче. Меня развеселила идея, что Джулиан, мой воображаемый мужчина, стал жить в доме, который я так любила.

16

Работа в цветочном магазине на время отвлекла меня от моей неустроенной жизни, но я более–менее уже была готова снова бросить вызов госпоже Судьбе. Моему малышу ещё немного и уже будет девятнадцать, и он почти не бывает дома. Я не была так предоставлена себе с тех пор как убежала в четырнадцать, и когда моя подруга, Денис Кей, предложила мне стать партнёрами в модельном магазине одежды, я подпрыгнула от радости. Мы сняли помещение в престижной части Мелроуз и назвали наше небольшое предприятие «Неверный муж». Мы украсили стены мужскими цилиндрами и котелками, дамскими шляпками фру–фру, мужскими тройками и шёлковыми платьями с блёстками прошлых лет. Теперь у меня было своё собственное настоящее дело. Всё же временами я мучительно страдала, вспоминая Джозефа, но когда он позвонил сказать, что женился снова (но не на той актриске из мыльной оперы), я окончательно убедилась, что лошадь сдохла.

Я встретила моего следующего, самого замечательного моего мужа, на одном из голливудских приёмов, куда затащила меня мой новый партнёр, моя Денис. Патрик оказался законченным англичанином, весь «Летающий цирк Монти–Питон» в одном человеке. Он уже приобрёл успех в Англии со своими шоу, и теперь перебрался через океан в Калифорнию в поисках своей Судьбы.

Патрик обладал обезоруживающим мальчишеским задором, но немного маньячил, как если бы переел рафинада. К концу приёма он надрался, как изнывающая от жажды рыба, и я дала ему свой номер телефона, при этом с очень серьёзным видом пытаясь успокоить разволновавшуюся за меня Денис:

— Я с этим парнем — ни–ни, он доведёт меня до психушки.

Четыре года прошло со дня моей свадьбы с Джозефом. У меня — куча обожателей и поклонников, но никому из них не было ни шанса. Не потому что они безобразны или недостаточно учтивы, они просто не были Джозефами. Жизнь звала меня к накрытому столу — я не шла, предпочитая гнить и разлагаться, как какая–то героиня романа Джейн Остен.

Другое дело — Патрик. Он подкрался ко мне, этот грозный нарушитель спокойствия, очаровательный шутник, знающий как заставить меня умереть от смеха.

Мы встречались целых три месяца прежде, чем он уверил себя достаточно, что может быть уверенным во мне. Было что–то очень важное для него, что он хотел, чтобы я знала. Патрик любил

океан и подумал, что лучшего места, чем пляжи Санта–Моники ему не найти для того, чтобы переговорить со мной. Когда мы уже были на месте и наблюдали с пирса, как солнце садится за горизонт, я спросила его:

— Ну, так что?

Я бы никогда сама не догадалась, пройди миллион, триллион лет.

— Я люблю переодеваться женщиной, — признался он мне.

Я подумала, что он таим образом старается как можно мягче меня подготовить к мысли, что он би, или, может быть, даже, что голубой.

— Мне просто нравится это ощущение, ощущение женской одежды на себе, — пояснил он.

А я прошлой ночью как раз смотрела чёрно–белое кино «Глен или Гленда». Фильм одного сумасшедшего режиссёра, Эда Вуда, мастера фильмов категории «В». Мистер Вуд — скандальный режиссёр, который часто переодевался женщиной, и которого сыграл Джонни Депп в биографическом фильме. Самое смешное, что мне понравился этот фильм, и я подумала, что Джонни Депп выглядит очень мужественно в этой шерстяной тунике. Я даже купила себе кассету с этим фильмом. Если бы я только знала, как близко подкралась ко мне эта дура-Судьба, что совсем скоро всё это станет моей реальностью!

— Итак, ты всего лишь переодеваешься в женское платье, и всё, ничего сверхъестественного, ведь так, да? Тебя же не привлекают мужчины?

Он ещё раз подтвердил, что нет. Всё же я немного испытывала тревогу, и до конца не понимала в чём здесь изюминка, но мне он нравился, и всё это показалось мне тогда безвредной шуткой.

— Хорошо, пусть так, — пожала я плечами.

Кончилось тем, что Патрик переехал ко мне, и когда его виза стала истекать, в скромной небольшой церкви мы поженились, чтобы он смог остаться в стране.

Он чувствовал себя наиболее свободно в прямой юбке, в кардигане и на шпильках — просто и изящно. Патрик был хорошо сложен, с большими голубыми глазами и английской внешностью. Чуть–чуть туши для ресниц в обрамлении длинных каштановых вьющихся волос и его легко можно было принять за мою высокую, стройную подружку.

«Большое дело! — убеждала я себя, — всего лишь какой–то безобидный наряд».

С самого начала нашей совместной жизни секс с Патриком пробуждал во мне необычные чувства. Я всегда видела в

женщинах сексуальную привлекательность, но никогда не решалась сама первой броситься в воду. Быть рядом с Патриком, всё равно, что получить бесплатный билет в мир, который тебе предстоит ещё исследовать. В женских одеждах он был так мил, соблазнителен и чувственен, как та ваша роковая женщина, которую вы встретили на своём жизненном пути, и если не считать некоторых отличий в строении тела (которые тоже приносили нам массу удовольствия) Патрик умел сделать, чтобы время, проведённое с ним, запоминалось.

Он делал рекламы, пилотные фильмы к телесериалам и пять раз ему звонили (вырывая из моих объятий), чтобы он принял участие в отборе свежих лиц для популярных комедий положений. Его могли вызвать в любую минуту, вспорхнул и исчез. «Неверный муж» не сделал нас богатыми, но зато у нас не только было своё дело, но мы могли оплачивать счета. До моего замужества с Патриком долгие часы, проведённые там, меня радовали, но теперь магазин, стал для меня вечно–голодным ребёнком. Мало того, что я не была бухгалтером, меня сводила с ума вечная необходимость рыскать в поисках новых редкостей и попытки обменять или распродать залежавшийся товар, иначе, где же раскладывать новые модные штучки? Я редко возвращалась домой засветло, и мой новый муж чувствовал себя заброшенным, поэтому мы решили продать наш магазин, и я смогла стать полноценной женой и товарищем, вот, наконец, та роль, которая меня больше всего устраивала.

Мы были женаты всего шесть месяцев, когда неожиданно позвонила Диана, моя надолго–исчезнувшая–из–моей-жизни мать. Мы виделись и разговаривали за прошедшие годы всего каких–нибудь несколько раз, и в основном это было связано с моим младшим братом, Скотом. Много лет назад, когда я знакомила Диану с её первым внуком, она восприняла его с тихим восторгом, но когда мой малыш занервничал и заплакал, она обвинила меня, что я слишком балую и няньчусь с ним. Ещё она сказала, что когда он начинает хныкать, я должна оставлять его одного, пока не научится он вести себя прилично. А ещё сказала, что хорошо помогает небольшая взбучка. И я в очередной раз отказала ей самой и её материнским советам.

После моего побега эта самка, моя мать, дала жизнь ещё двоим душам. От фолк–певца она родила девочку, Элизабет, а шестью годами позднее — мальчика, Этьена Сент–Лоренса, в своём четвёртом браке. Этьен младше моего сына на четыре года. Говорили, что молодой муж Дианы неожиданно умер от опухоли в мозгу, а в четырнадцать эта Элизабет сбежала из дома. Диана подалась на север и поселилась в городке под названием Долина

Грасс и растила там Этьена одна. Я очень удивилась, снова услышав её голос, но ещё более, когда она сказала, что будет в Лос–Анжелесе и хотела бы переночевать у меня.

Интересно посмотреть на мою мать в качестве гостя в моём собственном доме! С этим человеком меня многое связывало, но вот что странно, я её почти совсем не знала. На следующий день, как обычно, завтракала она после полудня, но вместо моей стряпни предпочла кукурузные хлопья, но прежде чем отправлять их в рот, она тщательно перед этим рассматривала каждую из этих малюсеньких крошечек. Она всё ещё придерживалась своей диеты: спиды, болеутоляющие, сигареты и кофе. Совершенно непредсказуемо одна ночь превратилась в две недели, и я поняла, что это одно из её обычных таинственных исчезновений, тех, которые она совершала, когда я была ребёнком, с той только разницей, что Этьену, оставленному дома в одиночестве, было шестнадцать. Пикантным в этой ситуации было то, что Этьен в эти дни как раз оканчивал школу — заслуживающее внимания достижение в нашей дисфункциональной больной семье. Я мягко старалась подвести мать к мысли о возвращении домой, чтобы она успела на церемонию вручения аттестатов зрелости, но она очень уютно устроилась в моей комнате для гостей и окунулась с головой в суету Голливуда. Неделю спустя мой единоутробный брат получил аттестат без поздравлений и без родителей, а мой долготерпеливый новый супруг наконец не выдержал и спросил:

— Как долго твоя мать собирается ещё оставаться у нас?

Выгонять кого–нибудь вообще дело не из приятных, и это становится совершенно невозможным, когда касается твоей отстранённой, своенравной матери. Прошла ещё одна ужасная неделя. Утром, после того как я вымыла шваброй кухню, я вылила полное ведро мыльной воды в раковину. Обычное дело, скажете вы и будете правы, но моя мать, которая имела особенность следовать за мной по всему дому, с ужасом посмотрела на меня и в своей привычной высокомерной манере спросила:

— Катерина, зачем ты вылила эту совершенно ещё пригодную воду?

Я растерялась и начала было извиняться. Меня откинуло точно в 1960 год, я стояла перед ней провинившейся десятилетней девочкой. Господи, я совсем забыла, в её доме мы сохраняли и повторно использовали мыльную воду, пока она не становилась совсем чёрной от грязи! И в сорок я не стала бы спорить или возражать Диане, но она стояла передо мной и выжидала, что я ей на это отвечу. Меня охватила слабость, но я набралась смелости и выдохнула:

— В твоём бы доме я её сохранила, но это мой дом, и я могу

вылить целое ведро, если мне это нравится.

Последовала неловкая пауза; затем в недоумении она вздёрнула голову и произнесла:

— Полагаю, ты права.

Я не упустила такую возможность и сказала:

— Мама, пора тебе возвращаться домой.

Первый год с Патриком прошёл в супружеском блаженстве, но вот деньги стали подходить к концу, и я начала подумывать о том, что неплохо бы найти себе подходящее занятие. Я только что вступила в пятый десяток, а образование у меня только формальное. Мой же конёк — креативность, с которым я выживала на пять с плюсом.

Приближалось Рождество, и в трёх кварталах от нас на углу Франклина и Ла–Бри организовали продажу ёлок. Я предложила Патрику сходить туда и посмотреть, может быть, и мы сможем принять в этом участие, лишние деньги к Рождеству нам бы не помешали. Хозяин оказался не менее дружелюбным, чем сам Санта, и с радостью предложил поработать у него. Патрику досталась самая тяжёлая часть работы, а мне — завлекать и очаровывать покупателей, было очень забавно составлять букеты из сосновых веток. За неделю до Рождества наш хозяин сказал, что ему срочно нужно возвращаться домой в Лагуна—Бич и спросил, не хотим ли мы взять продажу в свои руки. Ещё он сказал нам, что нам причитается половина от выручки, и что он оставляет нам свой небольшой трейлер греться, если мы, вдруг, замёрзнем. Вот так, неожиданно, ни с того, ни с сего, нас с Патриком вовлекли в еловый бизнес, и ледяные монеты горстями посыпались в наши карманы. Я намеренно сказала именно «ледяные», потому что мы сами чуть не отморозили свои задницы, так было холодно. Сколько могли, мы укрывались в трейлере от морозного, пронизывающего до костей ветра. Я даже, чтобы согреться, купила несколько бутылок сладкого ликёра Бейлис, и если бы вы пришли в тот вечер, то вас встретила бы там пара весёлых подвыпивших эльфов. К последнему вечеру накануне Рождества у нас на руках уже было четыре тысячи долларов, из которых две стали нашим заработком. Перед тем как свернуться и отключить гирлянду из цветных лампочек, мы отобрали из оставшихся нераспроданных деревьев самое большое и самое величественное, им оказалась пушистая пихта, которую мы и потащили вдвоём домой.

*

Всё ещё гоняясь за нашей ускользающей Судьбой, я сказала моему англичанину:

— Держу пари, или я стану дублёршей Дианы Китон, или

напишу книгу о своих приключениях.

— Ты — и писательница? Да и с Дианой Китон я не слышал, чтобы ты была знакома, — задразнил меня Патрик.

Ни писательница, и ни знакомая, но после выхода на экраны «Энни Холл», меня часто принимали за Диану Китон. А ещё я узнала, что она только что начала работу над своей следующей картиной.

Мы с Патриком были на одном из Голливудских приёмах, когда ко мне подошла одна женщина и воскликнула:

— Вы так похожи на Диану Китон! Я занимаюсь подбором актёров к её новому фильму, вы бы меня очень обязали, если бы согласились, сняться в качестве дублёрши.

Во время интервью, ради шутки, продюсер представил меня сценаристу и главному художнику картины как саму Диану, и у них даже не возникло ни тени сомнения.

— Очень приятно познакомиться с вами, Диана, — пожали мне они оба руку.

Итак, работу я получила, более того, я оказалась занята в ещё двух фильмах с ней. Я переезжала с Дианой то в Нью–Йорк, то в Сан–Франциско, то в Хэмптонсы, на Лонг–Айленде и в конце каждых съёмок она вместе с подписанной фотографией дарила мне премиальные, от себя лично. Когда окончились съёмки последнего фильма «Город и деревня», она, прочтя первую главу моей рукописи, воскликнула:

— Так держать, Катерина!

Я часто убеждаюсь, как это ни поразительно, но одна единственная мысль может открыть перед тобой Вселенную и ввести тебя в мир удивительных приключений.

17

В три часа ночи нас с Патриком разбудил звонок. Звонил мой отец.

— Лорен не дышит, думаю, она умерла, — сквозь его рыдания разобрала я.

К тому времени как приехала скорая, Лорен уже отошла. В свои пятьдесят пять она была гораздо деятельнее меня, но совершенно очевидно, что умерла она во сне, перестав дышать.

Мы с отцом никогда, большей частью из–за Лорен, не проводили много времени вместе. Думаю, единственным чувством, которое испытывала ко мне моя мачеха, была жгучая ревность. Она вела себя так, как если бы я была «другой женщиной», старающейся украсить рогами её территорию. Она никогда не упускала возможности нагрубить, оскорбить или уязвить меня. Помню последний раз, когда мы с ней разговаривали, она произнесла вкрадчивым тоном:

— Твой отец очень занятой человек, и когда у него выдаётся свободная минутка, он тратит её на меня, ты поняла?

Звонить им домой равноценно было получать пощёчину, и в конечном счёте, я сдалась. Её таинственная смерть оставила меня самой младшей из оставшихся в живых Джеймсов, и ещё один только оставался — мой отец. Затеплилась надежда, что это сблизит нас наконец, и, возможно, я обрету отца.

Мне следовало бы быть осторожнее со своими запросами. После похорон я стала для него единственной ниточкой. Он звонил мне в любое время, без причины, говорил загадками. Как в заросшем пруду лунная дорожка.

— Тебе нужно теперь же приехать. Не думаю, но со мной может сейчас что–то произойти, — темнил он.

И я неслась с Холмов в Студио–Сити только для того, чтобы найти своего отца в полной отключке на его кожаном диване. Волосы встрёпаны, с пустой квартой Джентльмен—Джека в обнимку. Но это был мой отец, человек, о котором я мечтала все эти долгие годы; человек помешанный на алкоголе. Я бережно укладывала его поудобнее и на цыпочках отправлялась к выходу.

Меня удивляло, как быстро он оправился после смерти Лорен. И месяца не прошло, он продал свой дом, где провёл с ней двадцать лет, собрался и переехал в Палм–Спрингс.

Расстояние принесло мне реальное облегчение. Не было уже ночных звонков или срочных экскурсий в Долину; с надеждой я думала, что он найдёт своё счастье среди кактусов в этой каменистой пустыне. К сожалению, редкие звонки стали ещё

более отчаянными. Он чувствовал себя одиноким и ненавидел себя за это. Мой отец был несдержан и нёс опустошение всему, за что бы ни брался. Его уже не пускали ни в один из местных баров или бистро, дважды его арестовывали за пьяный дебош. В первый же месяц из–за его пьянства произошли на дорогах две аварии. Мой бедный старый отец! Он полностью слетел с катушек.

И мы с Патриком решили съездить проведать его. Собрав сумки, мы не знали ещё, что нам предстоит провести с ним один совершенно идиотский уикенд.

По дороге мы рисовали себе такую картину: приедем, развеем его одиночество, может быть, сходим с ним куда–нибудь пообедать, может быть, даже в кино, постараемся его занять разговорами, отвлечь от грустных мыслей. Наконец, мы на месте. Гулянка идёт полным ходом. Он пригласил нескольких своих самых близких друзей, чтобы лучше встреть нас. Они уже все еле стояли на ногах, хотя только ещё перевалило за полдень.

Мой отец отвёл нас в сторону и громко прошептал:

— Я всем сказал, что вам обоим за двадцать, так что если вас спросят, говорите, что вам двадцать четыре.

1991 год

Мы с Патриком переглянулись. В сорок один я ещё выглядела достаточно молодо, но уж точно не на двадцать четыре.

— О, твои дети одного возраста с моей дочерью; и у тебя их даже двое, — небрежно бросил один из его дружков.

После того, как мы, сколько могли вежливо, отклонили их приглашение принять участие в их «полднике», эти горькие пьяницы уединились в своей берлоге, оставив нас с мужем одних в гостиной. Что бы вы почувствовали, будь вы на моём месте? Мы стояли там в растерянности, как незваные гости. И я прошептала Патрику:

— Может нам стоит прямо сейчас и уехать?

Только мы собрались объявить об этом моему отцу, как он торжественно произнёс:

— Так, дети, всем обедать!

Ну, вот, мы и попались, мы застрянем здесь на всю ночь.

После долго дня возлияний и нескольких чуть позже викодинок, мой утомлённый папочка был готов уже придавить подушку. К восьми вечера он, как видно, уже обыкновенно терял сознание. В этой каменистой пустыне деваться нам с Патриком было некуда, и мы отправились в комнату для гостей сражаться с упрямой диван–кроватью.

Мы её и тащили, и толкали, но кровать так и не открылась полностью. Мы даже прыгали по ней, пытаясь подпереть её столом, но по существу наши попытки привели только к тому, что в изнеможении сами на неё рухнули. В конечном итоге мы провалились в тяжёлый сон, к утру наши шеи онемели, так как головам пришлось лежать на тридцатиградусном скате, ну чем не ложе Франкенштейна!

Мой отец — жаворонок, неизменно уже на ногах в четыре утра, он убеждён, что если спать после пяти, проспишь жизнь. К шести, мы с Патриком ещё спали, и он был готов взорваться. Включив своё удивительно скрупулёзно разработанное стерео на полную громкость, он разбудил нас оглушительными залпами, спросонок подумав, что началась война, и снаряды разрываются прямо рядом с домом (на самом деле всего лишь Чайковский — финал «Увертюры 1812 год»). Мы не знали, бросаться ли нам в укрытие или бежать сдаваться.

Отец уже позавтракал и приводил в порядок свой домашний бар. Свежие ведёрки льда, ещё не начатая кварта Джека, литр диетической Колы, пустые баночки из–под викодина, в качестве мерных стопочек — вот, теперь можно начинать день.

— Эй, дети! Я тут хочу показать вам кое–какие фотографии моей подруги, — позвал он нас, вытаскивая откуда–то связку полароидных снимков.

Он протянул мне стопку довольно милых причудливых фотографий. Взглянув на них мельком:

«Что за одинокая непривлекательная женщина — я таких страшилок ещё не встречала», — подумала я, а сама осторожно спросила:

— Одна из твоих знакомых?

— Нет, просто очень хороший друг, — сказал, и непонятно почему развеселился.

Что–то очень странное во всём этом.

Я начала всматриваться в эти фотографии, и только просмотрев их несколько раз, до меня стало доходить, что на всех них изображён он один, мой дорогой папочка! Кольца, которые он всегда носил, были на всех фотографиях. И мой отец тоже?

— Похоже она очень высокого роста.

— Да, она танцовщица варьете из Вегаса, — заскромничал он.

Я часто слышала, что дочери обыкновенно выбирают себе мужа по образу отца, но я же его совсем не знала! Что этим Вселенная хочет мне сказать? Как так получается, что у двоих моих мужчин моей жизни одни и те же пристрастия? И алкоголь, и переодевания?

В течение следующих недель я получила мириады немыслимых, диких звонков, которые день ото дня становились всё причудливее. Однажды он сказал, что его арестовали, и он звонит из тюрьмы.

— Из какой тюрьмы? — спросила, уже начиная собираться ехать к нему, я, но он вдруг сказал, что долго ему нельзя разговаривать. Сказал, что охрана сейчас нас рассоединит. В следующий раз сказал, что продал дом и переехал в Южную Африку, и что теперь живёт в трейлере в джунглях. Позднее на той же неделе он летит на двухместном Сессне через пустыню и у него кончается горючее, и что сейчас вот–вот разобьётся и хочет сказать мне, как любит меня до того как его самолёт упадёт, потом вдруг в трубке всё затихло. Я отчётливо слышала гул мотора, поэтому поверила, что он и вправду летит. Всем этим он очень меня пугал, но что я могла сделать? Я и в прошлом слышала от него много выдуманных историй.

«Пусть это окажется ещё одним его идиотским розыгрышем», — молилась я.

Ну, конечно же, с ним всё было в порядке, и на следующий день, когда он звонил мне, ни о каком полёте он не помнил.

Когда же он позвонил сказать, что у него рак простаты и ему

удалят пенис, я не выдержала и съязвила:

— Ух–ты, это звучит довольно вызывающе; хочешь услышать моё мнение?

Но он ответил, что был у нескольких докторов, и они все твердят одно: надо резать.

Да, мой отец был неисправимым драматическим шутником, но при этом умудрялся оставаться обыкновенным ипохондриком. Со временем я уже не реагировала на его абсурдные розыгрыши и эксцентричные выходки, но однажды он сказал, что утром уезжает и дал мне номер одной клиники в Колорадо, и меня заинтриговало, что же именно происходит на самом деле?

Меня раздирали сомнения, была ли хоть доля правды в этих его последних словах, и любопытство взяло верх: я позвонила по этому номеру. Просто так, чтобы удостовериться, что это очередная его выдумка. Святая каракатица! Это действительно оказалась клиника, и он действительно был там зарегистрирован как пациент! До этого момента я была совершенно спокойна, но тут у меня засосало под ложечкой.

Я попросила человека на том конце провода соединить меня с его палатой. Мужской голос ответил мне:

— Её только что привезли после операции. Операция прошла успешно, но она ещё слаба, чтобы говорить.

Она?

— Простите, — сказала я, — я, наверное, ошиблась палатой. Я ищу мистера Роберта Джеймса, моего отца, мужчину.

— Совершенно верно, это та палата, — сообщил мне мужской голос. — Но не могли бы вы перезвонить немного позднее, когда она отойдёт от наркоза.

Я отбросила трубку, как если бы она раскалились как сковорода. Это хуже рака; его искалечили! И как если бы он был недостаточно сбит с толку своей Судьбой, теперь он стал переделанным в женщину мужчиной! Может быть, всё же я не достаточно ясно поняла мужчину–сиделку? И произошла какая–то невероятная ошибка. Я позвонила позже, и снял трубку мой отец.

— Я уже звонила и попала на сиделку, скажи, что за операцию тебе делали? — спросила я, как можно более спокойным голосом.

Мой отец, видимо, не ожидал услышать меня и ответил, что перезвонит сам через несколько дней, когда вернётся домой.

После нашего первого неудачного свидания у Муссо я чувствовала себя свалившейся на колючий куст ежевики. Я уже давно смирилась с тем, что мой отец по существу больной человек, но чтобы теперь он не был ещё при этом мужчиной! Он

чувствовал себя, да и выглядел совершенно незнакомым человеком. И не только с физической точки зрения; он стал полностью другой личностью; он стал избегать людей, а при встречи кокетничать. На протяжение той встречи он с удовольствием болтал об интимных женских делах, как если бы я была его близкой подругой! Я не желаю говорить с моим отцом о женской гигиене, гормональных спадах настояния и о губной помаде! Не думаю, что такое с ним может начать происходить, и ещё более боюсь, как это повлияет на моё к нему отношение, или на мой утомлённый мозг, наконец! Я почувствовала, как мои хромосомы сцепились, отказываясь взаимодействовать. Тем не менее, несмотря ни на всё, он — тот мужчина, который дал мне жизнь, и я изо всех сил буду стремиться оставаться для него примерной дочерью.

Когда бы он ни приезжал в город мы всегда встречались в кафе за ланчем, затем отправлялись в «Лесную лужайку» положить свежие цветы на могилу Лорен. Он всегда превосходил себя. И в этот раз я в изумлении немного отстала, наблюдая, с какой ловкостью он маневрирует среди могил на своих невероятно высоченных каблуках и обтягивающей фигуру узкой юбке. Милое зрелище, напоминающее раненную летучую мышь!

На шестидесятитрёхлетие Робин Патрик работал в Англии, поэтому я уговорила мою белокурую подругу Сандру составить мне компанию и съездить в Палм–Спрингс на это маленькое торжество. Сандра не из тех девушек, которых легко смутить, и у неё просто потрясающее чувство юмора, поэтому я подумала, что она будет прекрасным мне спутником в моём паломническом порыве. Я предупредила её об эксцентричности моего отца, и она уверила меня, что сможет при случае с собой совладать.

Подготовив себя к непредсказуемому мы легонько постучали в его/её входную дверь. Я ожидала увидеть нацепившую на себя парик тётушку Би, но мой отец оказался одетым как мужчина, в хрустящую белизной тенниску, только чуть подведя губы. И единственное, что его разоблачало, это его неправдоподобно большие и непослушные буфера, растягивающие до предела его поло. Он был уже чуть навеселе, но старался изо всех сил быть любезным хозяином.

Он нагнулся ко мне и прошептал на ухо:

— Я не хотел смущать тебя.

Но тут он потерял равновесие и навалился на нас и мы все втроём рухнули на пол. Нам с Сандрой удалось подняться, но мой несчастный папочка запутался в проводах, протянутых через всю комнату, и удлинителях, которые выдернулись из розеток, когда он, зацепившись за них, пытался удержаться на ногах. Вы бы

видели лицо Сандры! И это только первые тридцать секунд долгого, принимающего угрожающие размеры нашего уикенда! Я только видела её мучения перед выбором — смеяться прямо здесь или бежать в пустыню. Мы дали отцу карт–бланш, и если ничего не происходило, он говорил:

— Эй, вам бы, дети, не хотелось пойти поплавать?

Дом моего отца представлял обычное для этих мест бунгало с видом на каменистую пустыню с редкими кактусами, расположенное в самом центре Ранчо Мираж. Дом окружал миниатюрный ухоженный сад с удобными коваными креслами, поилкой для птиц, и манящим своей прохладой плавательным бассейном. Внутри дом украшал фарфор с сентиментальными рисунками, итальянские театральные эскизы и вазы с букетами из засушенных цветов. Единственным намёком, что в этом доме живёт мужчина, было громадное стерео и невероятного размера телевизор, да огненно–красный Феррари, стоящий в гараже.

Мы уже плескались в бассейне, когда появилось Существо из «Чёрной лагуны». При сорокадевятиградусной жаре на нём был цельный плавательный костюм для погружений на большую глубину — хоть сейчас совершай заплыв. Из моего отца вышел бы отличный комик, не будь он бездельником.

После обеда отец, предложив нам половить лунное отражение в джакузи, исчез в саду, чтобы включить её. Не знаю, что там случилось, но через минут десять он, спотыкаясь, вошёл в дом и, не обращая внимания на кровь на лбу, начал соскабливать эти чёртовы травяные пятна с обоих колен.

— У тебя кровь! — выпалила я.

Неважно — были и похуже раны. Я заставила его сесть, перевязала голову и счистила грязные пятна с колен. Этот человек был настоящей ходячей катастрофой; как он умудрился так разбиться днём? Мы решили предпочесть мягкий диван джакузи и посмотреть какой–нибудь блокбастер. Сандра сказала, что слышала хорошие отзывы о «Жестокой игре» с Роджером Витикером в главной роли, тем более что отец как раз взял его в прокате. К счастью мы были только на трети, когда отец, уже высосав свою норму, решил отправиться давить подушку. Я же, когда до меня дошла транссексуальная подоплёка этого фильма, была близка к обмороку.

— Как ты могла предложить такой фильм? — прошептала я Сандре.

Она клялась, что понятия не имела про что он

В самый разгар отцовской драмы в его пустыне позвонила мне мать с подножия Холмов, из Травянистой долины. Этьен ушёл из дома и переехал к Скоту, а у моей сестры Элизабет неприятности с наркотиками, и её поместили в реабилитационный центр где–то в Неваде.

Также как и я, Элизабет родила, когда была ещё подростком. Оказалось, моя мать всё её детство использовала меня как совершенное, безупречное оружие! Я была той таинственной сестрой, моделью и певицей, которая жила в Англии с рок–н–ролльной легендой! Она держала меня над головой Элизабет сверкающим примером.

— Почему бы тебе не стать лучше Катерины?

И Элизабет не могла сделать лучше: не только ребёнок родился в мой день рождения, но и назвала она свою дочь — Катериной!

Пока моя младшая сестра находилась в реабилитационном центре, Диане каким–то образом удалось оформить опёку над восьмилетней Катериной, и история повторилась.

Я надеялась, что годы сделают Диану мягче, но после первого же звонка я убедилась, что пока у моей матери бьётся сердце, даже на Луне тебе будет от неё не укрыться. Диана пыталась заверить меня, что Катерина — дурная девчонка, и только хорошая трёпка может ей помочь.

— Всё это ты уже говорила обо мне, — попыталась я ей возразить. — Разве может она быть дурной, она же ещё совсем дитя.

И ещё, я попыталась ей объяснить, что раз Катерина родилась в мой день рождения, то это — как если бы Бог дал ей возможность исправить прошлое, но она будто не слышала меня. Понимая о мрачной судьбе юной Катерины, я писала ей письма, посылала поздравительные открытки, пыталась звонить, но она всегда была либо недоступна, либо не отвечала. Позднее я узнала, что Катерина разделила мою похожую судьбу со своей бабушкой. Помимо того, что жила она в ежеминутном ужасе, соблюдалась та же диета: мало еды, много табаско и умывание по утрам средством для мытья посуды. Катерина рассказала мне, что Диана скручивала ей руку так сильно, что однажды она сломалась. И я решила, что нет никакой видимой причины снова встречаться или говорить с моей матерью.

1993 год

Патрик всё ещё был в Англии, и казалось, длилось это бесконечно, но однажды, видно, он набрался храбрости мне сказать, что совсем не хочет возвращаться в Америку. Сказал, что «слишком жарко и потно ему» в Калифорнии, сказал, что соскучился по своим родным и своим друзьям. Я любила Патрика, но со временем мы стали больше друзьями, чем любовниками; и, может быть, это даже лучше для нас обоих, что он не вернётся домой.

За последние четырнадцать лет, как я жила в Эль–Керрито–Плейс, я трагически потеряла моего любимого Пола, крушением окончился мой брак с Джозефом, вырос мой сын, и он уже женат, и у него родился свой собственный сын. Я оказалась хорошей ученицей, и ретировка Патрика не стала такой для меня болезненной, как потери из недалёкого прошлого. Думаю, наше время просто ушло. В свои сорок три я снова оказалась предоставлена самой себе и готова была

начать с чистого листа

Я уже стала подумывать, не вернуться ли в Нью–Йорк, может быть даже, в Коннектикут. Я соскучилась по зиме, осени, весне, по листьям, меняющим свой цвет, по снегу, и по всем приключениям. В двадцать три я не задумываясь бы прыгнула в самолёт и не оглядывалась бы назад, но теперь, по некоторым соображениям, я испытывала немалые затруднения.

Моя старинная подруга Патти д'Абанвиль, с которой мы познакомились в Гринвич–Виллидже, когда мне было всего четырнадцать, стала преуспевающей актрисой, вышла замуж за симпатичного пожарного и переехала жить в живописное местечко Си–Клифф в штате Нью–Йорк. Она уже давно звала меня к себе, и я решила воспользоваться удобным случаем навестить её.

Итак. Глубоко вздохнув, я пошла паковать четырнадцать лет воспоминаний и прочее барахло и отнесла это всё в большое хранилище на углу Франклина и Вайна.

Уютный трёхэтажный дом Патти был построен в викторианскую эпоху. Огороженный со всех сторон белым штакетником он занимал целый квартал, а через улицу, совсем рядом, стояла католическая церковь. Её улица была широка и обсажена с обеих сторон вязами и дубами, а старинные, усадебного вида дома стояли в глубине от дороги, и казалось мне, что вот–вот, и выйдет из–за угла Энди Харди.

Патти только что получила роль лейтенанта Купера в полицейском телефильме (Fox cop show) New York Undercover, и решила выдать меня за своего дублёра. Но я же на целых четыре дюйма выше её! Но это не имело никакого значения: мы снова вместе, да ещё и выгодная работа в самом Нью–Йорке.

Два десятилетия прошло, как я покинула свой дом в Коннектикуте. За двадцать лет я часто мечтала вернуться в него, но в моих снах всё ещё кто–то жил в моём доме. Но иногда я представляла его заброшенным и тайно пробиралась туда.

Теперь у меня была такая возможность; и я собралась вернуться по–настоящему.

Сев на поезд с Центрального вокзала, я взяла такси на знакомой мне до боли станции Брюстер и отправилась проведать своего возлюбленного — Кэндлвудское озеро. Но что это? Бывшая раньше просёлком, дорога Рут-7 теперь перестроена и обесчещена до неузнаваемости! Моя любимая маленькая уютная мороженица Каравелла теперь превратилась в торговый центр. А на месте милых вечно–плачущих ив и огромных клёнов стоит цепочка

ярко–раскрашенных ларьков с быстрой едой, уничтоживших мой пасторальный пейзаж. И только по огромному зелёному холму Хаклберри я поняла, где я нахожусь.

Но вот те два трамплина, где мой Понтиак взлетал, как птица, и всё вернулось. Ещё чуть–чуть и я увижу озеро!

Ах, это здесь, то самое место. Но моего дома нет! Сгорел. Только камин, да крыльцо, да ещё покрытая волдырями оконная рама. Куст дикой ежевики уже пророс через неё, и почти торжествуя, обвивает своими ветвями мой камин. Я подняла обгорелую оконную раму и вздрогнула от неожиданности: случайная полоска чистого пластика, аккуратно прикреплённая маленькими скобочками рядом с петлями. Это был тот самый пластик, который я набивала свыше двадцати лет назад, чтобы спастись от морозного ветра! Удивительное чувство охватило меня. Это всего лишь дом, сгоревший при каких–то таинственных обстоятельствах, но я знала его историю. Я знала ту девушку, девушку и её белокурого малыша, которые однажды жили в нём.

Было начало октября, и озеро мирно отдыхало, излучая умиротворённость, в которую я тогда влюбилась. Лёгкий ветерок играл листьями, подёрнутыми осенними цветами, сбрасывая их на землю. С озера доносился чуть слышный плеск волн и переговоры диких гусей на берегу, готовящихся к дальнему перелёту в тёплые страны. Я легла, прислонившись к сохранившейся каменной стене, и глубоко вдохнула этот, наполненный лесными запахами воздух, воздух, наполненный милыми воспоминаниями, как мы оба, я и мой сын, росли здесь и взрослели.

Я очнулась, когда услышала доносящиеся с озера голоса. Пожилая пара шла вдоль берега, взявшись за руки, наслаждаясь последними неделями осени. Когда они поравнялись со мной, я спросила:

— Простите, вы не знаете, что случилось с этим домом? И когда он сгорел?

— Он сгорел много лет назад, — ответила дама. — Здесь когда–то жила девушка с маленьким ребёнком, но когда она уехала, её молодой человек поджёг дом.

О, мой Бог! Это был Крис! Неужели это он сжёг его! Я понимала, что он впал в бешенство, когда обнаружил, что меня нет, но никак не предполагала, что его гнев мог так разрастись. Я вдруг ясно увидела, как он обливает всё здесь бензином, как веселится, видя этот старый дом в огне. Увидела раскрасневшееся его лицо, то ли от ярости, то ли от жара пламени.

И я вдруг поняла, что эта пара, с которой говорила, это мои бывшие летние соседи, которые жили дальше по дороге, мистер и

миссис Собел. Только за прошедшие двадцать лет они сильно постарели. Они обрадовались, узнав меня, и пригласили меня к себе на чашечку чая, да и поговорить о новостях на озере со мной им хотелось.

Удивительно, что за эти годы никто даже не подумал восстановить дом, получив страховку, но я благодарна Судьбе, вновь увидеть моё уютное маленькое жилище ещё раз, хотя и таком, его обугленном, заросшем ежевикой торжестве.

Зал Славы

Мисс Памела приехала в Нью–Йорк для сбора материала её новой книги «Рок–музыка наизнанку». Предметом её исследования был скандальный, только–что любовно похороненный Джиджи Аллин. Этот панк–рокер известен тем, что, испражняясь прямо на сцене, швырялся своими экскрементами в толпу, а иногда даже сам поедал их. Памела показала мне видео с его выступлением в Нью–Йоркском университете, так там даже видавшие виды рокеры и те попрятались от него в укрытие.

Она вскользь заметила, что в город приехали Цеппелины на торжественную церемонию введения их в Зал Рок–н–ролльной Славы, которая будет проходить в Радио–Сити–Мюзик–Холле, и что неплохо бы сходить на это событие. И попросила меня позвонить Джимми Пейджу, чтобы он заказал нам пригласительные билеты. Позвонить Джимми? Мы не только не виделись с ним свыше десяти лет, Но я и понятия не имела, где он мог остановиться, но она сказала, что остановился он в Эссексе у Цетрального парка, но не знает пароль, чтобы пройти внутрь. Звонить или не звонить? Столько времени прошло, но я смягчилась и, позвонив, решила назвать его тем именем, каким звала его двадцать лет назад. Я была уверена, что на гостиничном коммутаторе девушка скажет мне, что никто под этим именем не зарегистрирован у них в гостинице, но вдруг я услышала ангельский, мягкий, без сомнения его голос. После стольких лет у меня снова зашлось сердце.

— Привет, Джимми, это Катерина, — как если бы разговаривали вчера.

А когда я сказала, что я в Нью–Йорке, он оживился и скороговоркой произнёс:

— Приезжай сейчас же, пообедаем, где бы ты хотела?

Мы встретились у его гостиницы у западного входа в Центральный парк. И вот что удивительно: я помнила эти его мягкие, податливые длинные колечки волос, их волшебный запах, но что ещё удивительнее: мы оба стали значительно старше. Как если бы вуаль спала. Это были мы, это была наша история, но не было уже той таинственности, в наших отношениях стало больше, я бы сказала, удобства, комфорта, и лёгкости.

Под ручку, разглядывая витрины, мы шли вдоль Центрального парка, как старые друзья и предавались воспоминаниям о наших диких днях юности. Признаюсь, я почувствовала облегчение. Эта болезненная страсть, обжигая

меня все эти годы своим ярким пламенем, утихла, или я только так думала? Или хотела так думать?

В мягких романтических лучах гостиницы Плаца и с обложек двух Космополитенов позднее, Джимми смотрелся точно таким же, каким был он в тот день, когда мы с ним впервые познакомились — всё ещё очень опасным. Было что–то в его взгляде, что совсем не изменилось. Я также как тогда почувствовала это старое ощущение слабости, то самое, которое всегда пронизывает в такие моменты вашу душу. После ужина мы гуляли по Плаца, вдруг он сгрёб меня и тихо произнёс:

— Почему бы нам не сбежать сейчас вместе; куда угодно.

И как всегда, он меня полностью обезоружил, однако я рассмеялась ему в ответ.

— Ну, это мы всегда успеем, — сказал он, — и если ты не хочешь сбежать со мной сейчас, ты, по крайне мере, хотя бы согласишься стать моей спутницей на торжестве введения нас в Зал Славы?

Мне очень не хотелось расстраивать мисс Памелу, но я собралась, и рассказала, как на духу. Было что–то в этом особенное, что именно я оказалась его спутницей на этом знаменательном событии.

Мы встретились с Робертом Плантом и Джоном Полом Джонсом в вестибюле гостиницы. Я помогла Джимми с совершенно немыслимой и невыполнимой задачей завязывания бабочки, ни он, ни я понятия не имели, как это делается. Это был первый раз, когда я видела мистера Пейджа в смокинге. Да, мы определённо повзрослели.

Лимузин стоял наготове, а праздник вот–вот должен начаться. Я и не предполагала насколько важным и знаменательным могло быть это событие. Помимо всех цеппелинов, в нём участвовали Нил Янг, братья Аллманы и этот непревзойдённый Эл Грин, перед всеми ними я преклоняюсь и всех их обожаю, их всех в этот вечер вводили в Зал Славы.

Открывал церемонию Эл Грин песней Take Me to the River, а после Love and Happiness я завелась, и мы все вызывали его на бис. После роскошного фуршета и многочисленных речей, Джимми с Нилом Янгом сыграли джем, и я, как на какой–нибудь ракете, перенеслась в 1968 год.

Когда Джимми встал из–за нашего столика и ушёл на сцену, какой–то молодой человек подсел ко мне и попытался завести со мной разговор, но Джимми вернулся и, обращаясь к этому «обожателю», произнёс:

— Номер девятый, твоё время истекло.

Кавалер этот, вспыхнув, тут же сбежал.

Ха! После стольких лет Джимми всё ещё ревнует меня!

Лимузин нас отвёз обратно в гостиницу, и я подумала:

«Слишком быстро всё происходит. Ну, да ладно, надо подумать об этом потом».

Войдя в номер, он обнял меня и стал целовать, как целуются только боги. Никто никогда не целовал меня так, как это делал Джимми. Вдыхая моё дыхание, он крал мою душу; я ощущала физически, видела глазами это таинственное облако между нами. Его дыхание, его вкус были сладки как у младенца и обжигали как высоковольтные провода, но в этот раз что–то сдерживало меня. Черти и ангелы взбесились в моей голове, громко споря между собой: «Ты хочешь опять начать всё с начала? А завтра утром он улетит в Лондон!»

Нет. Я не была готова к новым душевным страданиям, пусть останутся со мной мои сны. Он, почувствовав мои метания, прошептал своим мягким, тёплым голосом:

— Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя, моя девочка.

Было пять утра, и я не знала.

— Думаю, лучше будет, если я уйду пока не рассвело, — улыбнулась я.

Мы оделись, и он проводил меня до лимузина. Я посылала ему воздушные поцелуи, пока лимо не завернул за угол, и больше я никогда не видела этого всегда–ослепительного мистера Пейджа.

18

Жить в Си–Клиффе, оставаться с Патти было более чем приятно, но я начала себя чувствовать старухой–прядильщецей из сказочной башни. У неё — своя семья, три чудных малыша, муж–пожарный, и всем им она нужнее, а я начала скучать. Моя кухня, мои любимые вещи, моё уединение! Пора. Пора собираться домой, в Калифорнию.

За время работы с Патти над New York Undercover у меня скопилась приличная сумма, но, к сожалению, я не смогла бы долго продержаться. Арендная плата в Лос–Анжелесе высока, и мне просто необходимо было найти более скромное местечко — где–нибудь на Голливудской равнине.

С первого взгляда дуплексы тридцатых годов по Курсон–Авеню выглядели обаятельно и уютно, но в конце семидесятых их перестраивали. Милые старые сводчатые потолки подвального этажа были обезображены плесенью и закрыты поворотными хромированными потолочными панелями. Кухня выкрашена чёрной краской с выпуклым рисунком из точек и чёрточек, а дополняли пестроты вертикальные чёрно–белые дисковые жалюзи. Приподняв край ковролина, я к своей радости обнаружила нетронутый временем паркет. Дом просил помощи, а соседи показались мне тихими, ну а я, я — в отчаянном положении с ключами от дверей моего прибежища. Кое–где поплевав, кое–где подтерев, немного поработав шпателем и кисточкой, я превратила хлев в дворец.

Старательно соскребая с потолка отсыревшую штукатурку, я в свой же первый вечер вдруг услышала пронзительные звуки лютни и каких–то бубнов или тарелок. Этими жуткими звуками наполнилось всё моё жилище, полностью заглушив моего небесного Моцарта, а утром я проснулась от звуков шипящей сковороды, от которой нёсся приторный запах свинины, лука, кинзы и чеснока, нёсся прямиком в мою комнату, где я спала. А когда к этому добавился ор визгливых голосов, говорящих явно на фарси, я украдкой через мои жалюзи взглянула во двор понять, что за свалка там происходит. Это оказались завешенные тяжёлыми вуалями мои новые соседки, снимающие свеже–отрезанные куски мяса какого–то животного с крюков у нас на заднем дворе! Вот я и подписалась под удовольствием провести ароматический год в Маленьком Иране.

Только я истратила последние свои три сотни долларов, как нашла работу: буду делать масштабные модели для нового парка Юрского периода на киностудии Юниверсал. До того как я

встретила моего мужа Джозефа я уже работала на одну компанию под названием Лэндмарк–Энтертейнмент. Я делала декорации для Кинг–Конга для тематического парка Юниверсал и рисовала проекты аттракционов Буш–Гарденс. Я позвонила своему старому шефу в Лэндмарк, и он тут же по телефону нанял меня.

Я проработала весь день, и вернувшись домой, порезав уйму золотисто–грязного ковролина, сволокла его вниз и только, когда дотащила его до мусорных баков и впихнула его в них, сказала себе:

— Как я могла докатиться до такого?

Моё новая работа стала много интереснее, когда в мой отдел пришёл один забавный человек, и занятие его было необычным — он проектировал различные шоу. Своими озорными, непослушными голубыми глазами и застывшей улыбкой на лице он был похож на молодого Роберта Рэдфорда, и я стала вставать на полчаса раньше, чтобы успеть выбрать наряд, прежде чем идти на работу.

Овидий Поуп, так его звали, оказался сорокачетырёхлетним подростком с поразительный тягой ко всяким приключениям и огромной любовью к природе.

В наше первое свидание он поразил меня своей удивительной работой. Он подарил мне один из своих волшебных этюдов, который назвал «Танцующие феи». Хоровод из парящих на тончайших, прозрачных крылышках фей. Я будто почувствовала ветерок от нескончаемого их движения. Ничего более прекрасного мне не приходилось видеть. В другой раз он отвёз меня к себе домой на холм у озера Силвер–Лейк, он хотел поделиться со мной своими любимыми старыми ореховыми рощами и цветущими полями люпин. Он показал мне, как пахнет настоящий шалфей, растерев его между своими пальцами, а сидя почти на отвесном обрыве над благоухающей узкой долиной, мы подкрепились диким гранатом. И я подумала, глядя, как он режет своим складным ножом карминно–красный гранат:

«Вот мужчина моей мечты».

Не заметила, как пролетели эти три месяца — у меня новый друг, интересная работа, и я превратила свою голливудскую квартиру в изящную гавань. Я привыкла к постоянному звучанию восточных мелодий, и даже стал нравиться стойкий запах чеснока, проникающий ко мне через окна. Но когда пришло лето, моё жилище превратилось в душный индейский вигвам. Я открывала дверцу своего холодильника и, чуть ли ни целиком забираясь внутрь, думала:

«Вот чего здесь не хватает — это кондиционера и милого прохладного бассейна».

Месяцем позже Хизер и Роджер Долтри посетили Лос–Анжелес и поселились в одном великолепном, стоящем на самой вершине Беверли–Хиллз особняке. К нему вела отдельная дорожка, а в укромном уголке сада расположился уютный бассейн, откуда открывался удивительной красоты вид на центральный Лос–Анжелес, виден был даже остров Каталина. Помню, я подумала:

«Как мне здесь нравится! Хотела бы я здесь жить!»

Особняк принадлежал Джону Полу Дехории, директору и руководителю известной компании «Пол Митчелл, предметы по уходу за волосами». Как потом оказалось, его бывший дворецкий недавно уволился, и он искал ему замену. Я об этом тогда ничего не знала, и не знала, что Роджер порекомендовал ему меня, поэтому, когда мне позвонила жена Джона Пола, белокурая южанка, красавица Элоиза, и спросила, не нужна ли мне интересная работа, я была сильно удивлена. Всего лишь вчера я просила Небеса послать мне бассейн с прохладной водой, и вот тебе, пожалуйста. Моя работа заключалась в координации рабочих и садовников и составлении букетов из свежих цветов, когда приезжали гости. Апартаменты дворецкого (именно апартаменты, а не комната) располагались наверху, а мне ещё разрешено было пользоваться и бассейном, и фруктами из сада. Джон Пол вложил мне в руку ключи от своего дома, и я не видела его вплоть до рождественских праздников, когда получила от него приглашение на ежегодную вечеринку, устраиваемую им по случаю Рождества. Это была более чем просто вечеринка; это был невероятный костюмированный средневековый бал, проводимый в его замке в Малибу. Я достала винтажное, елизаветинских времён платье и после того, как мне удалось прикрепить перо к шляпке и взбить юбки и умудриться с ними уместиться за руль своего авто, я отправилась во дворец.

Фантастическая труппа «Цирк солнца» давала своё представление в саду, и актёры поздравляли гостей в своём неземном, божественном стиле. Сам Вольфганг Пак, облачённый в белоснежный поварской колпак, руководил изысканным столом Рождественских деликатесов, а Род Стюарт занял сцену в главном зале. Мне уже приходилось бывать в самых различных удивительных местах, но этот вечер был одним из самых грандиозных.

Самое невероятное в этой моей новой обязанности (вести хозяйство в Беверли–Хиллз–особняке Джона Пола) было то, что ни единой души там не жило кроме меня. Один–два раза в год приезжали на несколько дней повеселиться друзья Дехории, но в остальное время весь холм принадлежал мне одной. Кроме ежегодных приглашений Джон Пол снабжал меня своей великолепной Пол–Митчелл продукцией, кондиционерами, спреями и различными шампунями в таких количествах, что их

пены хватило бы мне не на одну жизнь. Джон Пол оказался моим личным ангелом. Жизнь в его небесном храме предоставила мне время подумать о том, чем я хотела бы всегда заняться. Именно в этом великолепном орлином гнезде я нашла вдохновение и счастливую

возможность начать писать

Я не разговаривала с отцом с тех пор как вернулась в Калифорнию. Теперь, когда я прочно осела, я подумала, что неплохо бы пригласить его в мой новый дворец на день Благодарения. Целый месяц я оставляла ему сообщения на автоответчике, но однажды голос в трубке сказал, что соединение невозможно.

«Что–то совсем не так, — подумала я. — Где его черти носят?»

У меня был телефон его поверенного; может быть, он знает, где найти его. Я всегда подозревала, что этот юрист — большой пройдоха, но у меня даже в мыслях не было, чтобы он смог так низко пасть.

Я позвонила и спросила:

— Здравствуйте, мистер С. Я не могу дозвониться до моего отца, вы не знаете где он может быть? Он не переехал?

Казалось, я застала мистера С. этим вопросом врасплох.

— Ваш отец умер, — сухо и чопорно ответил он мне.

О, мой бог, сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди.

— Когда он умер?

— Около двух месяцев назад.

Последовало молчание; я была поражена:

— Почему никто не позвонил мне?

Он сказал, что у него нет моего номера; странно, он ведь сам его записывал, я помню. В голове — куча вопросов.

— Где он умер? От чего? Когда его похоронили? Его похоронили как масона, как он хотел?

С. сказал, что он умер в больнице от заражения крови. Я спросила, разве его не могли спасти, на что поверенный ответил, что мой отец совсем опустился.

Тогда я попыталась зайти с другой стороны:

— Вы были в больнице Палм–Спрингс? Что стало с папиными вещами? Его домом в Ранчо Мираж?

Я хотела продолжить забрасывать его вопросами, но С. остановил меня и сказал, что всё, что принадлежало моему отцу, теперь принадлежит ему и его жене, и что мой отец всё завещал его жене.

Он что, сошёл с ума? Я видела завещание моего отца; я знаю, где он хранил его. Как его дочери и единственной наследнице, он всё оставил мне. Я даже была тогда в кабинете этого юриста вместе с отцом, когда он подписывал этот документ. И я спросила:

— По вашим словам получается, что я даже не могу посетить дом своего отца?

— Совершенно верно.

А когда он сказал мне, что сохранил для меня некоторые семейные фотографии, и я могу забрать их, если они мне нужны, я почувствовала злорадство в его голосе.

Я ещё не оправилась от шока, услышав о его смерти, а он продолжал меня добивать, и тогда, чтобы как–то прийти в себя, выиграв время, я спросила:

— Что стало с папиной коллекцией моделей самолётов?

— О, думаю, они ещё там; вы можете их забрать.

Что–то этот парень тупил, мне определённо всё начинало не нравиться; меня он явно хотел сделать, и я спросила:

— Не могу ли я с вами встретиться и всё обсудить?

— Я бы вам не советовал начинать, — пробормотал он. — Для вас здесь уже ничего нового не будет; но вы получите десять процентов от оставшегося. И должен заметить, в завещании есть один пункт, касающийся вас. Если вы предпримите какие–нибудь шаги, то вы вместо этих десяти процентов получите один доллар.

— У вас есть это завещания?

Ну конечно, у него оно было.

Злоупотребление викодином и годы пьянства оставили на моём бедном старом отце неизгладимый отпечаток, и я представила себе, как этот молодой мистер С. посчитал, что яблоко от яблони недалеко падает. Возможно, он подумал, что я — какая–то беспомощная рехнувшаяся голливудская хиппи, бесцельно живущая на этом свете, и даже не представляющая о том как защитить себя. Я покажу ему, как он жестоко ошибся! Я уже в детстве научилась справляться с мошенничеством, и не позволю, какому–то проходимцу, завладеть тем, что по праву принадлежало мне!

Уже в восемь часов утра я была в Риверсайдском окружном суде, обдумывая происхождение последнего завещания моего отца и пути доказательств. Не только всё было завещано по новому завещанию миссис С., но и двадцать тысяч долларов наследовала тёща мистера С. Мать его жены! Более чем уверена, мой отец даже в глаза её никогда не видел! И под этим всем стояла подпись моего отца! Для меня она выглядела явной подделкой, но теперь, как я докажу это? В папке были ещё кое–какие интересные документы, дающие право его жене на собственность моего отца и его банковские счета, и я заметила, что подшиты они был С. в день смерти отца.

Мне срочно нужен хороший адвокат!

Я попросила Овидия, моего нового мужчину, совершить со мной небольшую прогулку в Палм–Спрингс. Я собиралась посетить дом моего отца, нравится ли это С. или нет. Мы оказались на месте удивительно вовремя. Всё, что принадлежало моему отцу, было уже вынесено из дома и убрано. А в двухстах шагах от дома мы увидели отъезжающий мусоровоз, из которого видны были вещи, которыми при жизни отец так дорожил.

Овидий поддержал меня в моём порыве, и я нырнула в груду перемешанных, оказавшихся ненужными новым хозяевам воспоминаний. Ужасно больно, но то и дело я откапывала маленькие сокровища, которым водитель мусоровоза тут же называл цену. Моё сердце сжалось, когда я выудила смятый саквояж, в котором оказался тщательно уложенный отцовский костюм гонщика. Потом я нашла его надтреснутый шлем, с его именем и золотыми крыльями по бокам. Я хорошо помню, как ему шёл этот наряд. Ещё я нашла фарфоровые розочки, подаренные мною ему на прошлое Рождество, и единственную оставшуюся фотографию его родителей, моих дедушки с бабушкой. И кучу семейных фотографий, среди которых была и моя, которую он держал у себя у изголовья, но стекло уже успели разбить. Я зарылась ещё глубже и вдруг обнаружила остатки пластмассового самолёта времён Второй Мировой войны, которого он склеил и раскрасил будучи ещё ребёнком.

Ради Бога, кто–нибудь скажет, как моему отцу угораздило пустить этого человека в свою жизнь!? И вот теперь я в смятении перед этой ужасающей реальностью.

Я переговорила с несколькими адвокатами, считающими моё дело безоговорочно выигрышным и предельно ясным, но ни один даже пальцем не пошевелит без аванса в десять тысяч долларов. И мне пришло на ум, что борьба будет стоить мне целого состояния. И ещё, мне показалось, что адвокаты не очень стремятся выступать против своего коллеги. Также потребовалась собрать целую пачку документов, и ещё найти автора так называемого Сертификата Независимой экспертизы, которым обезопасил себя С.. Такой Сертификат был создан для того, чтобы остановить неразборчивых в средствах юристов от обкрадывания престарелых и немощных клиентов. В случае если какой–либо клиент захотел бы оставить своему поверенному деньги, например как подарок, или собственность, такое завещание должно быть подтверждено независимыми экспертами и подписано другой адвокатской конторой, только в таком случае

дар оказывался легальным. Большинство поверенных оформляют такие дары на своих жён или ближайших родственников, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание.

Я нашла того «независимого» юриста, который «провёл экспертизу» последнего завещания моего отца. Он вызвал во мне бурю вопросов. Он уже дважды подозревался в подлогах и имел длинный, на двух листах «послужной список» предъявленных ему претензий. Детали стали проясняться. Если он не подтверждал этого завещания, у С. не оставалось ни единого шанса, но даже если это и было сделано его руками, его честность должна быть поставлена под сомнение. После нескольких звонков, оставленных без ответа, змея всё же выползла на поверхность, и сказала, что не может вспомнить встречалась ли с моим отцом или нет, даже когда сказала, что тот был транссексуалом. (Разве забыть такое возможно?) Мой отец, как всегда, превзошёл себя — все документы были оформлены на его вымышленное женское имя. История начала быстро покрываться плесенью: С. успел закрыть отцовские банковские счета и выставить его дом на продажу.

Прямо на месте, в Палм–Спрингс, я нашла адвоката, специалиста по наследственным делам, который за пять тысяч аванса и тридцать три процента с наследства или за сорок, если нам придётся возбуждать следствие, заинтересовался моим случаем. Я чувствовала себя так, как если бы на меня в дороге напали грабители, но времена их уже ушли, и я не позволю какому–то проходимцу так откровенно грабить меня.

Я позвонила Роджеру Долтри и рассказала, в какое затруднительное положение попала, и без лишних расспросов он на следующий же день выслал мне по почте чек на пять тысяч долларов.

Адвокат, которого я наняла, занимался установлением и подтверждением законности завещаний уже почти пятьдесят лет и показался мне достаточно опытным. Но к несчастью, у него не оказалось бульдожьей хватки на этом поприще. По моей просьбе он провёл экспертизу на предмет подделки, и специалист, к которому он обратился, подтвердил, что подпись сфальсифицирована. Сильной стороной моего адвоката были тонкости наследования, а не криминальное расследование. Я оббила многие пороги, и сносила уйму пар туфель, прежде чем он подшил для меня в папку все нужные для моего дела документы.

В первые дни С. не воспринимал мою деятельность всерьёз; напыщенный и элегантный, он отказывал мне даже в просьбе ознакомить нас с финансовой стороной отцовского наследия. Но со временем ему пришлось предоставить нам доступ к некоторым

счетам. Так выяснилось, что С. клал кое–какие суммы на счета, к которым имел доступ, постепенно обрабатывая моего отца. Кобра, самая настоящая кобра! Он даже платил за него налоги!

Это был тяжёлый год, но мои судебные попытки не оказались тщетными. Я была близка к тому, чтобы

в зале суда настал мой день

Мои старые товарищи, Патти д'Абанвиль и мисс Памела, ещё больше сплотились во время моего дела. Патти, прилетевшая из Нью–Йорка, и Памела, которая только–что почистила лицо лазером, и вся кожа её была ещё воспалена, прибыли на суд готовые дать показания.

Мы все решили отправиться на вместительном Вольво Овидия, предполагая это длительное путешествие провести в комфорте, но на полпути, в самом центре раскалённой пустыни умер кондиционер. Как вам сорок пять градусов в тени? Бедное лицо Памелы покраснело краснее помидора, с которого сняли шкурку. Пам намазала его специальной антибиоточной мазью, и от жары у неё был вид, как если бы с лица начала стекать кожа, а чтобы такое не случилось с нашими мозгами, мы во весь голос спели не по одному разу все песни Битлов, какие только знали, потому что глазам нашим вид бескрайнего бесплодного белесого ландшафта не приносил утешения.

Как только мы прибыли в нашу гостиницу, мы все вчетвером ринулись к спасительному бассейну, и плескались там, как легкомысленные подростки; да, именно так и было!

Расследование забрало все мои силы. Я проанализировала и исследовала каждый закоулок, заглянула под каждый кустик. Не осталось ни клочка, которого бы я не победила, но… если я что–то всё–таки упустила? Я старалась смотреть на всё с оптимизмом; мне зажгли зелёный свет и помогали искусные специалисты. Это как в шахматах, побеждает тот, кто много трудится дома, кто ведёт честную игру, и кто знает, как лучше проскользнуть сквозь скользкую щель. Это отдельный, точный язык, тайные слова которого записаны молочными чернилами в сводах законов; ничего приятного для глаза, всё только по существу.

Мой адвокат был великолепен, что называется, свой парень, но его преклонные года! Я не была уверена, что он сможет выстоять, что у него достаточный запас прочности. Я уже давно поняла, что С. вёл грязную игру, вплоть до убийства. Входя в зал заседания, увидев все эти чопорные костюмы, меня вдруг посетило

прозрение

С помощью моего упорства я единственная создала весь этот сонм. Все эти незнакомые мне люди поднялись со своих постелей сегодня утром и притащили свои задницы сюда, потому что я вопреки их желанию оказалась жива. И как ни невозможно это представить, собрались здесь по моему желанию!

Первым рассматривался вопрос о независимой экспертизе. Этот юрист не мог ничего вспомнить, у него не было никаких записей или чеков о его воображаемой встрече с моим отцом, он даже не смог опознать его по фотографии среди других, предложенным ему снимков. Он только вспомнил, что это был его день рождения и что его не было в этот момент в городе. Влип. Он только подтвердил, что на документе стояла его подпись, а раз он в глаза не видел моего отца, а это стало очевидно всем, то он оказался на миллиметр от лишения его прав на адвокатскую практику.

— Раз здесь стоит моя подпись, то эта экспертиза сделана мною, — такими словами он окончил свою речь.

Во время его свидетельских показаний я яростно забрасывала моего адвоката записками; я хотела категоричности, ясности, я хотела, чтобы он спросил его напрямик, виделся ли он с моим отцом или нет. Но он только зашипел на меня и прошептал:

— Я знаю, что делаю.

Меня разрывало негодование. С одной стороны этот парень признался, что его не было на тот момент в городе, что он не мог видеть моего отца, но чтобы спасти свою шкуру, вынужден был сказать, что выполнил то, что ему поручили. Темно всё это, грязно. Под его музыку даже танцевать нельзя. Когда этот лицемер освободил свидетельский подиум, я поняла, что у него не осталось даже клыков, чтобы вернуться и укусить меня.

Настал мой час, которого я так долго ждала. Наконец я смогу рассказать свою историю правосудию, и о двуличии тоже рассказать, но ничего даже близко от того, что я себе вообразила, не произошло. Началось всё прилично, но пришло время перекрёстных вопросов, на которые разрешалось отвечать только «да» или «нет», вопросов, которые были искусно подобраны, чтобы выставить меня неблагодарной, бессердечной дочерью. Оказалось, у С. в рукаве был спрятан для меня маленький сюрприз. После папиной смерти эта змея, усердно изучив всю его корреспонденцию, изъяла все письма и открытки, которые я когда–либо посылала отцу. Он взвесил каждое слово, искусно выдвигая на первый план все слова и фразы, которые можно было

неправильно истолковать или вырвать из контекста. Из целого письма, написанного мною на двух листах, полного нежности и любви он вырвал фрагменты, вроде: «Прости, что огорчила тебя, что переезжаю в Нью–Йорк». Затем он потребовал, чтобы я сама громко прочла выделенные им места. Я отказалась подставлять себя. Ха! Быть железнодорожным вагоном, перевозящим всё что угодно! Ещё чего! Несмотря на его яростные протесты, я взорвала его засадные орудия, настояв, чтобы прочли моё письмо полностью. Раз его засада провалилась, он попытался дискредитировать меня, выпалив:

— Ваша Честь, не думаю, что её родители были даже женаты!

Какова гадюка! Чуть ли ни вендетта! Даже если мои родители и не были бы официально женаты, разве это позволило бы ему присвоить наследие моей семьи? Нет, даже если бы я этому поспособствовала.

Жена С. была следующей на этом, уже накалившемся месте. Фактически она призналась, что едва знала моего отца. Когда её спросили об её отношении к предпринятой им перемене пола, она воскликнула:

— Это гадкий поступок по отношению к Богу.

Интересно знать, понимала ли она всю ответственность своих свидетельских показаний? Почему мой отец завещал почти миллион долларов совершенно незнакомой женщине, которая едва его знала, и у которой он сам вызывал одно отвращение?

Выступление моих двух блестящих союзников, Патти, великолепной актрисы, и мисс Памелы, популярной писательницы, очаровало всех. Они подробно рассказали о многочисленных курьёзных случаях, постоянно происходивших с моим отцом и подтвердили об участившихся почти–коматозных состояниях, в которые он всё чаще стал впадать после перенесённой им операции по изменению пола. Они обе напомнили судьям, что мой отец никогда не упускал возможности поплакаться им, что я — это всё, что осталось ему в этом мире и как, когда его не станет, я буду богатой женщиной.

Я гордилась собой. Я устроила отличную битву, но заданный «независимым экспертом» вопрос обеспокоил меня. Соотнесётся ли мой случай с буквой закона, и увидит ли судья реальную картину? После слушания нам ничего не оставалось, как ждать вынесения решения.

Следующую неделю я была вся на нервах, я проиграла несколько раз у себя в голове весь суд до мельчайших деталей. Я молилась Богу, Иисусу, Будде, Аллаху, всем святым, в надежде, что они услышат меня.

— Дорогой Господь, — обещала я, — если ты позволишь мне

выиграть, я потрачу эти деньги на образование, поступлю в колледж и выучусь на психолога.

Я помнила, как мне было уютно с доктором Дешлером, человеком, который помог мне избавиться от моего пунктика отравленной еды.

Через пять дней мне позвонили. Судья поддержал мою сторону. С. и его жену обязали в кротчайший срок вернуть всю собственность и все деньги мне, а двадцатитысячный подарок тёще аннулировать. Я не верила своим ушам!

Я победила!!

Конечно, всё оказалось не так просто. Мистер С. отказался выполнять предписание судьи. Ещё он отказался вернуть деньги.

Месяц спустя мы все снова встретились в зале суда, поджаренные под палящим солнцем Палм–Спрингс, в ожидании решения нашего великодушного судьи. Этот удивительный человек обязал С. выплатить двести пятьдесят долларов за каждый просроченный день. Но даже это не подействовало на мошенника. Мой адвокат разводил только руками.

— Ничего не понимаю, — сказал он, пожимая плечами и в недоумении покачивая головой, — я ещё ни разу не сталкивался с таким случаем.

Конечно нет. Всё дело во мне; ничего в жизни не даётся мне просто так. Из–за растущей со скоростью света пени, С. наконец смягчился. Он с большой неохотой расстался с деньгами, кобра, и кое–какими счетами, но это оказалось только началом моих несчастий.

Вместе с деньгами пришло неожиданное известие: миссис С. подала апелляцию.

Я не была удовлетворена счетами. Я провела за моим письменным столом много дней, заваленная папками с документами и стопками квитанций, стараясь разобраться, куда испарились все деньги. Я исписала бесчисленное количество листов колонками цифр, складывая, вычитая и перемножая их по многу раз. Мне начали везде мерещиться цифры, в голове кружилось, а недостаток образования оказался мне плохим союзником. Хорошо помню, как я жаловалась своему учителю математики в седьмом классе:

— Зачем мне изучать дроби? Мне они никогда не пригодятся.

Я справилась. Я сделала свою домашнюю работу, и чувствовала себя сказочно счастливой, но я уж слишком задрала голову в желании увидеть окончательную победу и налетела на новую корягу. Судья не отклонил апелляцию, а пустил её дальше по инстанции, в арбитраж, объясняя свои действия тем, что хотел мне помочь и избежать дальнейших судебных разбирательств. Разбирательств, после всего? Нет, премного благодарна. Нет, я хочу воспользоваться тем, что присудили мне по суду, но мой адвокат сказал, что у меня нет выбора; меня вызвали в апелляционный суд.

И чтобы я не сильно разочаровывалась, он посеял во мне сомнения, сказав, что в этом случае наши шансы равны. Большая доля вероятности, что я выиграю, но возможно, что проиграю,

причём всё. Теперь не просто головокружение, а острую боль почувствовала я в своей голове. Я потеряла способность ясно соображать. Только вдумайтесь, два года моей, моей собственной жизни я убила на эти суды! Ни о чём другом я не думала, все мои эмоции сконцентрировались в одну точку, все разговоры сводились к одному, они даже завладели моими снами, это как надтреснутая пластинка! Я решительно шла к триумфу, но с другой стороны, я уже почти готова была сдаться, только чтобы выйти из этого омута, и зажить своей обычной жизнью. По неизвестной мне причине арбитраж готовился мне всадить нож в спину.

Я прибыла в Риверсайдский Окружной суд точно в девять, вооружившись скромностью подсудимого, полная веры и смирения. Я вообразила себе, что мы все чинно рассядемся вокруг круглого стола и будем вести светскую беседу. Может быть, я даже соглашусь передать им небольшую мозговую косточку, чтобы покончить с этим, но как выяснилось, против меня тайно готовился заговор. Я почти забыла, с кем мне приходилось иметь дело, и меня бросили головой вниз прямо в глубокую яму.

После десяти тягостных часов стратегического лицемерия, я, наконец, поняла, что была близка к потери трети моего наследства, но всё же помнила, что иначе я получила бы всё. В написанном от руки документе было начертано, что я должна получить всю окончательную сумму, и с этого момента мне предписывалось передать одну треть оставшегося. Я читала и перечитывала каждое словосочетание, желая вникнуть в секретный код, затем засыпала вопросами своего адвоката с таким пристрастием, как если бы стала на время испанским инквизитором.

— Вы уверены, что это не может быть опротестовано? Вы понимаете, что я не собираюсь отказываться от своих прав?

У него от досады даже перехватило дыхание.

— Да, об этом–то я и говорил вам; мы продолжим до того, как они получат эту сумму.

— Но что если они откажутся? — спросила я.

— Вы входите в наследование, — заверил он меня. — Вы не должны ничего платить, пока не будете полностью удовлетворены.

Казалось, он был вполне уверен, что документ составлен в мою пользу, и подстёгивал меня, чтобы я его подписала. Но мой внутренний голос вопил: "*Не подписывай!*"

Кругом меня столпились и судья, и мистер С., и его жена, и её адвокат, и мой адвокат, и апелляционный адвокат, и мой сын Дамиан. Семь измождённых, уставших человек сгрудились вокруг

меня в ожидании моего решения. Во мне росла уверенность, что раз противник удовлетворён,

здесь кроется какой–то подвох

Не чрезмерно ли я подозрительна? Ещё более утяжелить и без того нелёгкое положение? Всё лето я работаю над фильмом «Город и деревня», подменяя Диану Китон. Мой будильник разбудит меня в пять утра. И если я прекращу это прямо сейчас, к тому времени, как вернусь в Лос–Анжелес, у меня будет пять часов полноценного сна. У моего адвоката намётанный глаз. Я получаю наследство — что плохого может произойти?

Проходит месяц — ничего. Похоже, мой собственный адвокат продал меня на галеры. Выяснилось, что соглашение, которое я подписала, сводилось к двум маленьким словам: «мне предписывалось». На сленге законников простое слово «предписывалось» означало не больше, не меньше как «дело закрыто». Мистер С. наше денежное соглашение признал за окончательный и истинный документ. Я потребовала, чтобы мы снова предстали перед судом; я бы просто предоставила на рассмотрение судье все бумаги прошедшего суда.

К моему изумлению мировой судья, проявил ко мне ещё меньший интерес, безжалостно отчитав меня:

— Мисс Джеймс, вы подписали соглашение — тем самым вы с ним согласны. Будьте добры взять на себя заботу о судебных издержках и времени, потраченном на вас.

Он отказался даже принять мои бумаги. Я билась о бетонную стену. Не теряя времени, я наняла ещё одного адвоката, который, взглянув на это соглашение, удивлённо воскликнул:

— Бессовестные! Вам не следовало ставить под этим свою подпись!

Следующий шаг и следующие пять тысяч. Но теперь процесс против моего предыдущего адвоката.

Хочу ли я снова пройти через все эти унижения ещё раз? Я потеряла доверие к правосудию. Я просто хочу вернуть себе свою жизнь, подальше от юридических хитросплетений и уловок.

Я позвонила моему первому адвокату и спросила:

— Сколько я вам осталась должна за ваши услуги?

Я выписала чек, и мистер Жаба мягко соскользнул на заслуженный отдых в своё болото.

У меня было чувство, что я провела десять раундов с самим Мухаммедом Али и чудесным образом отделалась только лёгкими синяками. Я позволила С. получить те деньги и изрядную долю моего наследства, и у меня как обычно в таких случаях засосало под ложечкой. Я по–прежнему чувствовала себя безжалостно ограбленной, но как всё, что случалось в моей

жизни, я и это пережила.

Итак, что теперь? Я сражалась, и хорошо сражалась. Фильм с Дианой Китон успешно завершён. О, да, а как же, спросите вы, моя сделка с Богом? Моя клятва потратить наследство на образование?

Я позвонила в Калифорнийский университет Лос–Анжелеса

и поинтересовалась об их программе по психологии. Секретарша ответила, чтобы я принесла копию школьного аттестата зрелости. Копию школьного аттестата зрелости? Едва ли я могла сказать им, что окончила всего семь классов. В моей хаотической юности я училась в одиннадцати начальных школах и двух средних. Никаких встреч с одноклассниками! Очевидно, начинать мне пора было с самого начала. Я обратилась в Голливудскую среднюю школу и записалась пройти тест по программе средней школы.

Экзамены по основным предметам и по английскому были для меня прохладным бризом после знойного дня, но когда я добралась до математики и в особенности, алгебры, тут я растерялась. Никто не заставит меня поставить равенство между цифрами и буквами; я бы скорее сравнила их с иероглифами майя. Оказалось, что мне это стоило, по крайней мере, целого года моей так заботливо оберегаемой мною жизни. Представьте пятидесятилетнюю девочку, у которой очень мало желания учить теоремы в местной средней школе. Представили? Ну, то–то. Помня моё обещание, данное Господу, я, перепрыгнув через плетень, записалась в районный колледж. Слава Богу, никто не подумал спросить у меня аттестат зрелости. Я была свободна и хотела учиться. Никому не было дела, что я оказалась самой старшей из всех студентов в аудитории:

я — такая же как все, студентка колледжа

Специализацией я выбрала химию мозга. Я всегда считала себя большой умницей, но по сравнению с безмерностью знаний и мудростью доступной в колледже, я знала ничтожно мало. От восторга я не могла сдержаться, чтобы не аплодировать после каждой лекции. Я учила о синапсах, о захватах серотонина, и о сером веществе мозга. Я чуть ли не чувствовала, как взаимодействуют между собой мои нейротрансмитеры. Помимо психологии требовалось изучать ещё несколько предметов. Я выбрала историю кино, анатомию, и введение в английский язык.

Я уже прочла многих классиков, любила ирландскую поэзию, и считала Шекспира провидцем, но у меня не было писательского таланта. Мне требовался целый час, чтобы заполнить страничку записной книжки. И занятия по английскому могли бы стать самым скучным предметом, если бы не удивительный преподаватель с его неисчерпаемыми фантастическими рассказами. Мистер Дюмонте, романтически настроенный американец итальянского происхождения, первый час своего урока рассказывал нам о том, как совершал паломничество по древним землям. Он рассказывал нам волшебные, яркие сказки об Испанских ступенях в Риме и о мосте Вздохов в Венеции, он проводил нас по итальянской глуши, по бескрайним полям и снежным горам.

— Теперь ваша очередь, — вдруг прерывал он свой рассказ. — Расскажите вы мне что–нибудь своё. Опишите, что особенно вам запомнилось.

От страха вызвать гнев моей матери и её стремлением к совершенству, во мне развилась застенчивость и боязнь не быть лучшей. У меня творческая натура, но я всегда терялась в деталях, но мистер Дюмонте нашёл ко мне подход:

— Просто пиши, что чувствуешь.

2002 год

В самый разгар моего образовательного рвения у меня наступило прозрение. Даже если я проведу следующие двадцать лет, закопавшись в книгах, моё время кончится. Я уже не буду выглядеть и чувствовать как теперь, когда мне пятьдесят два, свыше полувека! Как бы я хотела иметь такую возможность сорок лет назад! Со слов Терри Маллоя, я поняла, что могла бы стать президентом. Но я слишком была занята тем, чтобы остаться живой, вырастить ребёнка и понять противоположный пол. Я и не знала, что так много есть другого. Я всегда чувствовала, что упала на эту землю с Небес, и начала своё путешествие по жизни без всякого руководства. Но Бог подарил мне красивую мордашку, любознательность и Мими, мою путеводную звезду, без которой падения мои были бы много болезненнее.

19

Во время моего второго в жизни семестра познания моя удивительная бабушка стала недомогать. Мими жила уже на этой планете целую сотню лет, и впервые за всё эти годы паруса её потеряли ветер. Всего два месяца назад мы с ней основательно протраливали комиссионки в поисках затерянных сокровищ, перед тем как наградить себя заварными булочками с кремом у Дюпера. Мы сходили вместе с ума, вытряхивая из шкафов шёлковые расшитые блёстками наряды сороковых годов и примеряя их перед зеркалом подобно паре школьниц, у которых родители ушли в театр.

Но одним утром позвонила мне Мими.

— Не могла бы ты приехать, любовь моя. Мне что–то нездоровится.

Только взглянув на мою любимую Мими, я сразу позвонила в скорую. Они тут же приехали и увезли её в медицинский центр «Кедры Синая». Они взяли у неё на анализ кровь, и её врач отвёл меня в сторону:

— Простите, но я вынужден вам это сказать, у вашей матери рак.

— Это моя бабушка, — поправила я его.

Она была не только мне бабушкой, моему сыну она была прабабушкой, а его сыну — прапрабабушкой! Мы составили цепочку из пяти поколений.

Мими настолько удивительно хорошо сохранилась, что доктора решили пойти ва–банк и оперировать мою столетнюю девочку! Она стойко перенесла хирургическое вмешательство, но травма сделала её слабой как ребёнка. Её доктор заверил меня, что немного отдохнув, силы вернуться к ней. Несмотря на её горячие протесты, ей пришлось смириться, что дома будет с ней рядом находиться медсестра до тех пор, пака она не окрепнет и не сможет сама ходить.

Атмосфера в палате выздоравливающей была не лучше, чем в средневековом зачумлённом городе. Унылые зелёные коридоры с вереницами инвалидных колясок, везущих изношенные, уставшие души, то впадающих в Небытие, то начинающих бормотать что–то Космосу — маленькие души, ещё теплящиеся и вспыхивающие изредка слабыми язычками пламени. Я прошла комнату медсестёр и углубилась в лабиринты безжизненных коридоров сквозь доносящиеся отовсюду слабые стоны, шла, пока не нашла мою милую, любимую Мими.

— А, вот ты где…, — весело произнесла я, как если бы всё

здесь было не так плохо.

Я ещё не успела войти, как Мими воскликнула:

— Благодарю тебя, Господи, ты услышал мои молитвы. Катерина, если у тебя остался хоть кусочек любви ко мне, забери меня отсюда. Немедленно!

— Мими, осталось всего несколько дней.

Но она не унималась.

— Катерина, пожалуйста. Не оставляй меня здесь. Я здесь умру.

Моё сердце сжалось. Мне вспомнились всё, как она приходила меня спасать, как она сидела ночи напролёт, держа мою руку, когда у меня был жар, и я бредила, как она сражалась за меня в суде. Мой рассудительный нежный ангел! Она ни разу меня не бросила. Устроить побег? А как я её провезу мимо комнаты медсестёр? А как же её капельница и кислород? Смогу ли я сама её посадить в машину?

«Ладно, — сказала я себе, — думаю, у меня получится».

— Мими, если ты сможешь сама сесть, то я отвезу тебя домой.

— Смогу, — ответила моя Мими.

Она схватилась за перила кровати, попыталась подняться, но упала на подушки.

— Нет, не могу, — тихо простонала она.

Я почувствовала себя Иудой, когда поняла, что даже вынуть её из кровати мне не по силам, уже не говоря о лестницах и дороге домой. Беспомощное, жалкое существо: я могла только позвать сестру, чтобы та дала её успокаивающее лекарство. И я осталась с ней и держала её за руку, пока она не уснула.

Шли дни, Мими становилась хрупкой как лепесток, а её шансы вернуться домой — невидимой, микроскопической точкой.

Пока она таяла, я сдала два последних экзамена. Я полулежала на диване и старалась дочитать последнюю главу сухого текста по биологической психологии, когда почувствовала лёгкий толчок. Я знала точно — это моя бабушка; она собирается умереть и зовёт меня. Я схватила пальто и понеслась по Сан—Винсенту, моля Бога успеть. 10:30. Полутёмные залы пусты, даже тени ночной сиделки не видно нигде. Добежав до палаты моей бабушки, я прошептала:

— Я здесь, Мими.

Её глаза были закрыты, и усталым, тихим голосом, она произнесла:

— Это хорошо, любовь моя.

Она дышала спокойно и ровно, почти как спящий ребёнок, или как если бы готовилась к чему–то большому. Слёзы застлали

мне глаза. Я вложила её мягкую, такую родную руку в свою и спросила:

— Мими, тебе хорошо, ты не боишься?

— Знаешь, и то, и другое, — произнесла она.

Я выключила свет над её постелью, остался маленький лучик, проникающий из–за двери.

— Ты что–нибудь хочешь? — прошептала я. — Могу я что–нибудь для тебя сделать?

Не открывая глаз, она ответила:

— Мне бы хотелось воды, пожалуйста.

Я нежно приподняла её милую головку и дала ей последний глоток.

— Мими, я хочу, чтобы ты знала, что каждой любвеобильной, сострадательной чертой, которой я обладаю, моей красотой и грацией, моей творческой натурой, каждой хорошей чертой во мне, я обязана тебе, это твой подарок мне.

На какой–то короткий миг она открыла глаза и ответила:

— Всё это величайшая ценность, береги их.

Это были последние слова, сказанные ею мне: «Всё это величайшая ценность».

Мне хотелось ещё поговорить с ней, хотелось спросить, куда она собирается, и на что это похоже, но это был её миг.

Пришло время моей Мими. Я подумала, что как хорошо, что мы были в это время вместе, также как тогда, когда я была совсем маленькой.

Я обняла её.

— Я так любила тебя, Мими. Ты была всем для меня.

Я склонила голову и попросила ангелов прийти и забрать её как можно нежнее. И они спустились и выполнили мою просьбу.

У всех женщин в моей семье была общая черта: они все страдали тщеславием. Мими не была исключением. Многие годы до своей болезни она часто просила меня обещать ей, что когда она умрёт, чтобы именно я подготовила её к похоронам, последний раз её накрасила. В столетнем возрасте она гордилась своими тщательно ухоженными дугообразными бровями и белым, как лилия цветом лица. За день до похорон я захватила косметичку и направилась в морг выполнить данное ей обещание. Но я никак не думала, что могу с этим не справиться. Войдя в помещение, я сказала:

— Я пришла, чтобы увидеть свою бабушку.

На что служитель ответил, что это невозможно, что мне придётся подождать до завтра, когда утром начнётся служба.

— Но она здесь, почему я не могу её увидеть сейчас?

Мне пришлось объяснить ему, что не уйду пока не увижу её,

тогда он вышел в соседнее помещение, и я слышала, как он с кем–то там перешёптывался. Следующее, что мне запомнилась, это помещение, приготовленное для моего свидания.

Меня привели в чистое белое помещение, где лежала она. Мими была туго запелёнута в белый муслин, а её прямые волосы, длиною до плеч, аккуратно зачёсаны назад. Передо мной в лучах дневного света, проникающего через небольшое и слишком высоко расположенное, чтобы выглянуть в него, окно, лежала не Мими, лежал спящий ангел. Мне запомнилось её лицо двумя вечерами ранее, когда она покидала своё тело. Умирая, оно изменилось. Прямо на моих глазах растаяли её морщинки, кожа разгладилась и стала мягкой и упругой. В этой, без теней комнате Мими выглядела чистой как снег, и я почувствовала, кощунством будет накладывать на её лицо грим. Я решила, что достаточно будет только привести в порядок её ногти. Я попробовала потянуть за конец муслина, которым были туго припелёнута к телу её руки, но он не поддался. Мне предстояло распеленать почти её всю, чтобы добраться до её ладоней, но как я одна смогу так хорошо спеленать её потом обратно? Представьте, входит директор морга и, видя нас с Мими в ворохе размотанного муслина, думает про меня, что я сошла с ума! Нет, она совершенна в таком виде, в каком лежит здесь предо мной. И я громко, так чтобы моя бабушка услышала, говорю:

— Сегодня, Мими, тебе не нужно краситься. Ты отлично выглядишь.

Делать мне уже ничего не надо было, кроме как постоять рядом с её телом. Я хотела продлить ещё немного наше последнее общение. Навернувшиеся было слёзы обернулись громкими рыданиями. Чтобы как–то сдержать их, я отвернулась от неё и опустилась рядом на колени, пряча мокрое от слёз лицо руками. Но потоки слёз было не унять, тогда мне показали картину: я увидела нас обеих со стороны, как если бы рассматривала какую–нибудь грустную картину эпохи Возрождения. Мими вся в белом, и я, скорбящая, рядом, преклонив колени, и ясно почувствовала, что мы с ней уже испытывали это прежде, и что на этом наши отношения не окончатся.

Кроме Дианы, все из моей семьи уже умерли. Мой отец, мои бабушка с дедушкой, мои тёти, даже мой молодой двоюродный брат, скончавшийся слишком рано. Я едва знала Лу, но слышала, что умерла она, не дожив и до шестидесяти.

Разбирая вещи Мими, я обнаружила в выдвижных ящичках тугие связки записных книжек, многие из которых потеряли уже свои корешки, и нераспечатанных писем и бандеролей. Думаю, из

соображения сохранения авторских прав, Мими собирала посылаемые самой себе по почте запечатанные вложения. Я думала, что знала всё о Мими, но передо мной открылось её тайное желание стать писательницей. Её рабочее бюро хранило в своих недрах киносценарии, короткие рассказы, неоконченную прозу, и судя по датам на штемпелях, написанные в сороковых годах. Перебирая её бумаги, у меня вдруг сильно забилось сердце — в руках я держала маленькое письмо, адресованное моему внуку. Джону уже четырнадцать, поэтому она, думаю, написала его, когда он только родился. После похорон я подошла к Джону:

— У меня есть письмо для тебя, написанное твоей прапрабабушкой. Хочешь его прочитать?

Джон подумал, и тихо произнёс:

— Нет, не сейчас, ещё не время, бабушка Катерина.

20

Прошло уже почти два года, как моя Мими покинула эту земли, и, по крайней мере, в моей жизни всё урегулировалось. Но тут из равновесия меня выбил звонок моего сводного брата. Звонил Этьен. Звонил сказать, что наша мать в больнице и умирает. Надо же, моя мужественная, непреклонная мать при смерти! Не знаю почему, но инстинкт меня подстегнул увидеться с ней ещё раз, пока была ещё такая возможность.

Невада—Сити — одно из самых красивейших мест на планете, и это то самое место, где жила моя мать. Один из самых удивительных городов, возникших во времена Золотой Лихорадки, и основанный в 1846 году. Всего час и вы на берегу живописного озера Тахое—Лейк, город, окружённый озёрами, реками и высокими стройными соснами. Город, чья историческая архитектура осталась нетронутой, даже многие улицы освещались там газовыми фонарями.

Я сняла номер в гостинице Викториан–Холброук, в той самой, где однажды останавливался Марк Твен, и стала готовиться к встрече с прошлым.

Тьен, так ему нравилось, чтобы его звали, жил здесь же и встретил меня в одном из старомодных салунов на Мейн–стрит. Он принёс бутылочку каберне, и мы болтали и смеялись, запивая им ароматного лосося. Выяснилось, что мой младший брат любит природу, рыбалку, любит по ночам кататься на лыжах, вообще, он любит всё, что и я. Он оказался таким же как и я романтиком, и я тут же в него влюбилась. Тьену повезло. Он появился на свет к концу трагического и вредоносного царствования Дианы. Он почти ничего не знал о наших с ней отношениях. Мне с ним было так легко, что я даже совсем забыла, зачем приехала сюда, и вопрос Тьена, готова ли я встретиться с нашей матерью, со всего размаха окунул меня в реальность. И теперь, когда я уже здесь, я не была уверена, и прилив жуткого страха перед неизвестностью вызвал во мне на мгновение неприятное оцепенение. Я целых семь часов вела машину, чтобы добраться сюда, но в этот момент мне хотелось одного: скорее вернуться домой. Тьен, как мог, стал успокаивать меня, сказал, что если Диана начнёт возмущаться, мы тут же уйдём, не останемся. Я допила остатки вина в своём фужере, мы вышли и покатили в сторону усадьбы Мейдн–Вью.

Какие же тёмные и кривые эти деревенские дороги! На нашу беду ещё и снег повалил огромными хлопьями. Никого, только мы одни, я и мой брат на этой ночной дороге. Крошечная точка во Вселенной с ангелами, спускающимися к нам на сверкающих

льдинках. И я вдруг осознала, чего никак не хотела понять всю свою жизнь: бояться нечего. Всего хватает в этом совершенном мире.

В моём сознании, в моей памяти она оставалась царицей тьмы. А вместо этого я увидела похудевшую, осунувшуюся маленькую женщину с кислородной маской на лице. Я едва её узнала. Я никогда прежде не видела свою мать без по–египетски подведённых глаз, меня поразила хрупкость её рук, её ног, будто её кости какой–то дьявольский шутник завёрнул в тонкий пергамент. Диане теперь, наверное, около семидесяти трёх, и весит она вполовину меньше своего возраста. Некоторое время она смотрела на меня, будто не узнавая, затем отвернулась и сказала:

— Катерина, я тебя не ждала.

По–прежнему она продолжала игнорировать моё существование.

Я пропустила её ко мне пренебрежительное отношение и, улыбнувшись, сказала:

— Ладно, вот я здесь.

На самом деле я не была уверена, где я. Ни кусочка любви не было между нами, но она была мне матерью, единственной на всём свете. И в этой совершенной Вселенной я была здесь ради неё, моей умирающей матери. Я всегда хотела быть нежной, любящей дочерью, и вот теперь я оказалась пленницей действительности.

Лёд треснул, когда я выпустила Джека, моего игривого трёхфунтового йоркширского терьера, ей на кровать. Разве можно устоять, если по тебе скачет щенок и норовит лизнуть твою щёку! Когда Тьен вышел из палаты подышать воздухом, мать обратилась ко мне:

— Как тебе Тьен, правда, он удивительный?

Я согласилась и добавила, что она, должно быть, счастлива. Но тут она сказала такое, что я до сих пор не могу до конца осмыслить.

— Он единственный, кого ведьмы не могут заполучить.

Её слова нокаутировали меня. Правильно ли я расслышала? Мне тотчас померещились две уродливые карги, своими костлявыми грязными руками с длиннющими кривыми ногтями пытающиеся дотянуться до меня. Я стряхнула с себя это видение, и тут же они исчезли, вернувшись в голову моей матери, где–то у затылка.

Я определённо точно знала, что именно хотела она сказать, но переспросила:

— Что ты этим хочешь сказать?

Она пристально взглянула мне в глаза. Казалось, её взгляд проник до самого моего сердца. Я попыталась отвести глаза, но не смогла.

— Ты прекрасно знаешь, что я хотела сказать.

Всё моё детство промелькнуло передо мной, как видео при ускоренной перемотке. Вот я заперта в шкафу, а вот привязана к стулу и сижу в кромешной темноте. Я узнала их, это из–за них я пряталась тогда в кустах, брошенная в незнакомом месте. Да, это были те самые ведьмы.

Моя мать не могла сказать более красноречивее. Ошеломляющее признание, и, может быть, только так она могла принести мне извинения, и одновременно снять с себя ответственность за свои бессовестные злые выходки. Ну конечно, это не она. Это те ведьмы. Странным образом её слова принесли мне утешение. Она знала. Вдруг я поняла, зачем я здесь. Я приехала простить её.

Моя душа прониклась её положением, и мне захотелось сделать для неё что–нибудь приятное.

— Мама, позволь мне накрасить тебя.

— Да, — тотчас произнесла она.

Она по–прежнему пользовалась твёрдой тушью и специальными кисточками, которых было у неё несколько. Но пока я выбирала, какая из красок будет лучше ложиться на её высохшую кожу, она внезапно взорвалась:

— Поаккуратнее с ними, клади их на прежнее место. Нет, Катерина, ты всё неправильно делаешь, она не там лежала.

Диана не изменилась; даже при смерти она оставалась своенравной, не допускающей возражений, морская вода, которая никогда не станет пресной.

— Хорошо, мама.

Прошло уже много лет с тех, пор как мои губы произносили эти слова: «Хорошо, мама». Но вот, что поразительно, вместо того, чтобы нести в себе страх, теперь эти слова звучали почти комически. И я аккуратно подвела её зелёные глаза чёрными матовыми тенями. Но не так как обычно я это делаю себе, а тяжёлыми, как она любила. С бровями как у Джоан Кроуфорд и румянами, она вполне осталась удовлетворена собой.

Было уже давно заполночь, и время возвращаться в гостиницу. Я поцеловала её в щёку и обещала скоро снова прийти, и была сильно удивлена, услышав:

— Когда, когда ты вернёшься?

— Не знаю, но скоро.

Мы с Тьеном были уже на улице, когда я почувствовала, что что–то упустила. Я вернулась к ней и прикоснулась к её тонкой

как косточка ноге.

— Я люблю тебя, мама.

Неужели я действительно люблю её? Казалось, мои слова существовали сами по себе, но они придали мне силу. Что в действительности я всегда хотела, так это быть любимой. И это правда. Так может быть, это начало?

Я бы осталась в Невада—Сити ещё ненадолго, но я всё ещё работала на Джона Пола Дехорию. Он недавно продал своё прибежище на самой вершине Беверли–Хиллз, и теперь я жила и работала в его четырнадцатиакровом замке в Малибу. Джон Пол отпустил меня на время, какое мне потребуется, но кто–то же должен вести такое обширное хозяйство.

Мы с Тьеном перезванивались каждый день, а моего упирающегося брата Скота я убедила вернуться со мной и нанести ей последний визит. Я пробовала найти Элизабет, но у меня ничего не вышло. Мы были разобщённой семьёй четырёх близких родственников, которые почти между собой не общались, хотя принадлежали одному и тому же уникальному клубу. Последовательно мы все четверо испытали на себе гнев этих ведьм. Мы все принадлежали одной матери, которая не питала к нам любви, а только старалась сделать всё, чтобы сломать каждого из нас.

Но вот и роковой звонок Тьена. Мой брат Скот согласился ехать, если отвезу его я, и ни одного доллара из его кармана ему это не будет стоить.

Тьен забрал мать из Мэйдн–Вью, и отвёз её домой, чтобы она умерла в своей собственной кровати, времён королевы Виктории. Когда мы приехали, вид нашей матери был настолько ужасающим, что Скот даже отказался приблизиться. Он подумал, что она уже умерла. Когда–то прекрасная Диана исхудала так, что осталась только кожа. Её бедро было тоньше моего запястья, но она всё ещё могла сама вставать и ложиться в постель. Но вот, что странно, на голове у неё по–прежнему была копна ещё своих золотисто–каштановых волос, и я сильно испугалась. А что если и со мной произойдёт такое же? Но вовремя вспомнила, как красива, как умиротворённа была Мими, когда умерла. Надеюсь, я буду где–нибудь посередине.

Мои оба брата отправились в другую комнату, где их ждала бутылочка красного вина, и я осталась наедине со своей матерью.

Я села на краешек её постели и постаралась понять свои чувства. Немного же. Ничего подобного тому, когда умерла Мими. Даже если бы моя жизнь зависела от этого, я не смогла бы выдавить ни единой слезинки. Зачем я здесь? Зачем я снова здесь? Я принесла ей ванильное мороженое, как она просила, и

покормила её с ложечки. Это её несколько успокоило, и она сказала:

— Прости, Катерина, что причинила тебе столько боли.

Эти её слова произвели волшебное действие, и из моих глаз слёзы брызнули солёным дождём.

— Почему ты плачешь?

— Потому что я действительно хотела любить тебя; мы могли бы быть друзьями.

Впервые за всю свою жизнь она мягко провела рукой по моим волосам, как это делают все матери во всём мире, и моё сердце не выдержало. Я хотела воскликнуть: «Брось, проснись, не умирай сейчас!» Я хотела провести с ней больше времени, но было уже поздно.

Нежное прикосновение моей матери смутило меня. Наши отношения похожи были на какой–то чудной танец между страхом и самосохранением. А если бы она не умирала, настал бы между нами такой момент? Её прикосновение было сродни искрам электричества, несущего исцеление. Это не взрослая женщина стояла там. Я увидела маленького ребёнка. Как если бы его искупали в тёплой ванночке и вынесли на солнечный свет. Божественное обоюдное Прощение, и прошлое уже не имело над нами власти.

Эпилог

Боб Дилан оказался совершенно прав, говоря о моей матери. Она умерла в полном одиночестве. Ни похорон, ни фанфар, ни даже могилы. Только молчаливое кремирование. Мой сводный брат Тьен хранит её прах у себя.

Целого паноптикума незаурядных личностей, ответственных за мою жизнь, теперь нет в живых. Временами мне приходится проезжать мимо того большого дома на Озета–Террас. Он всё ещё вызывает во мне таинственные воспоминания, и я спрашиваю себя: «Где они все? Как вы там без меня?»

В действительности, кроме Мими конечно, я никогда не чувствовала никакой привязанности ни к одному из членов моей умопомрачительной семьи. Я отчаянно, безрассудно хотела, чтобы они все стали мне близки, но каждый раз оказывалась вовлечена в какую–то очень странную футуристическую пьесу с недостижимыми, непроницаемыми актёрами. Своею сумасшедшей увлечённостью они небрежно одарили меня замечательными способностями. Бессердечие и жестокость моей матери развило во мне чувство сострадания и желание заботиться о ком–либо (the will of an army), а недостаток стабильности и постоянства подарил мне свободу выбора и действия.

Когда родился мой сын, как будто сам собой сломался шаблон. Мы остались все вместе как горошины в стручке, и теперь страшно веселимся, вспоминая наше незаурядное прошлое. Я по–прежнему в дружеских отношениях и с Патриком, и с Джозефом. Патрик повторно женился и счастлив у себя в Англии. Джозеф всё ещё женат на той девушке и, надо сказать, они удочерили одну девочку из Виста–дель–Мар, того самого сиротского приюта, откуда я сбежала. Денни Лейн также повторно женился и живёт в Лас–Вегасе. Он наладил отношения с Дамианом, и мы все встречаемся как хорошие старые друзья. Я очень благодарна Денни, так как именно он открыл для меня двери в замечательный мир и неповторимые времена. Он также подарил мне самое ценное моё сокровище, моего сына. Дамиан счастлив в браке с буддийской красоткой, и у меня уже внук–подросток, Джон, который говорит мне, что любит меня больше всех на свете.

Это я, я сама, сотворила свою собственную счастливую семью, именно такую о которой всегда мечтала.

Приложение

из кн. Памелы де Барр Let's Spend the Night Together, 2007

Глава 5. Ускользающая мисс Джеймс

Вот как Патти д'Абанвиль вспоминает свою первую встречу с Катериной Джеймс:

— Это был один из тех по–нью–йоркски жарких летних дней 1964 года, когда воздух пронизан сексуальными флюидами. Моё Мини катилось пушистым котёнком по МакДугал–стрит, и я в нём выглядела просто богиней, только что сошедшей с Олимпа: только представь — роскошные белокурые волосы, ниспадающие до плеч, длиннющие ноги, само совершенство (это при моём–то росте — всего 5'3»), титьки цвета искрящегося шампанского, готовые ко всему и привлекающие внимание. Мать мне всегда говорила, что я самая красивая девочка в мире. Естественно я верила ей и даже ни секунды не сомневалась в её правоте. Проезжая площадь Вашингтона, я чуть не въехала в Лиззи Деррингер, разговаривающую с высокой, худощавой блондинкой, стоящей ко мне спиной, Лиз, увидев меня, произнесла моё имя. Дальше всё происходило как в замедленном кино: она обернулась, и её длинные, длинные (так лучше, не правда ли?) медовые волосы обвились вокруг её стройной фигурки. Её пронзительные цвета морской волны глаза, орлиный нос и улыбка, могущая растопить любое даже самое каменное сердце и наполнить радостью. Её кожа, её грудь. Ничего лишнего. Я была покорена её совершенством. Это было самое красивое создание природы, которым мне когда–либо приходило любоваться. Она рассказала мне поразительные вещи, была близко знакома с замечательными людьми, и худшее из всего, что произошло в тот день, было то, что я поняла, что мама мне всё это время лгала.

В этом я полностью согласна, Катерина Джеймс самая привлекательная классическая рок–н–ролльная соблазнительница. Она появилась в голливудском водовороте уже после того, как я вихрем пронеслась по Стрип и заполучила строчку от Дилана, мне сразу захотелось отправить эту высокую элегантную привлекательницу туда, откуда она прибыла. Джимми Пейдж положил на неё глаз, одновременно ухаживая за мной, и только у нас с ней начались мелкие перепалки из–за этого изысканного рок–щёголя, как Джимми вскоре отверг её сердце, приняв к великому моему счастью моё.

Эта девятнадцатилетняя ускользающая мисс Джеймс неожиданно появилась среди приглашённых на моё 21–летие, пока я болтала по телефону с этим нечестивцем мистером Пейджем, находящимся на другом конце света у себя в Англии. Я уже была порядком нагружена кислотой, а она стояла рядом и

бросала на меня испепеляющие взгляды, обхаживаемая восхитительным пинкфлойдом, Дэвидом Гилмором, разглаживающим весь вечер её гламурные крылышки. Несколько месяцев мы с Катериной чудесным образом сталкивались в разных клубах, язвительно фыркая друг на друга как какие–нибудь озлобленные кошки, и я лелеяла надежду, что она однажды также неожиданно исчезнет, как появилась.

Удивительно, но всего год спустя, когда я переехала в Лондон к своему парню, Марти, владельцу магазина модной одежды «Бабуля собирается попутешествовать», угадайте, кто пришёл к нам на чай?

Марти со своим партнёром, Джином, жили в одной квартирке здесь же, и у того тоже была новая любовь, и эту любовь звали мисс Катерина Джеймс! Мы не только вынуждены были терпеть общество друг друга, но, так как спальня была одна, к нашему обоюдному ужасу всем нам четверым пришлось спать в двух больших кроватях сдвинутых вместе, в углу же стояла детская кроватка, в которой виднелась курчавая белокурая головка спящего сына Катерины, Дамиана!

Нам не понадобилось много времени, чтобы понять, как мы с ней похожи, несмотря на то, какими разными мы были. Отец у Катерины — дико–эксцентричный, вечно отсутствующий, а её мать — из Царства Теней, а я — единственным ребёнком в семье, обожаемым и разбалованным вниманием. В то время как я росла в своих детских мечтах в уютном домике на колёсах в Резеде, Катерина уже убежала из сиротского приюта Западного Побережья в поисках своего будущего наставника Боба Дилана. В свои четырнадцать она оказалась в положении, которое испугало бы и более стойкие сердца.

Мы обе избегали заговаривать о Джимми Пейдже, но однажды, скрутив большущую трубку мира, мы начали делиться своими впечатлениями о парнях и их музыке.

Джон Майалл написал песню о Катерине The Elusive Miss James. А в стихах Джаксон Брауни описал свою музу так:

> «you're a warm and lovely mystery
> abandon your sad history
> and meet me in the fire…»

Сейчас Катерина собирает материал для собственной книги воспоминаний (со своёй стороны я сделала всё возможное, чтобы это произошло), и к счастью, я уговорила её поделиться несколькими историями, которые приоткроют немного занавес сцены, на которой разыгрывались её испепеляющие сердца рок–

романтические отношения.

Катерина почти никогда не испытывала недостатка в мужском внимании. Вокруг неё всё время вились поклонники, по её словам, они соперничали с её обаянием, тем не менее, она оставалась всегда старомодных взглядов. В те немногие моменты, когда жизнь, казалось, оканчивалась, ей необходимо было побыть недолго просто одной, но и тогда её не переставали докучать своими звонками влюблённые в неё джентльмены. Я часто шутила, что она выпускает пары, совсем как дамы ренессанса в своих постельках охлаждали пыл ряженными в кружева кавалерами, услужливо доставляемыми им их служанками. Думаю, это одна из многих её особенностей, интригующих противоположный пол. Она очень рассудительна, и в то же время обаятельно ранима.

После великолепного ужина в затемнённом Итальянском бистро по соседству с её домом в Малибу мы с Катериной уютно устроились в шезлонгах, а её гиперактивный йорик–щенок грыз всё, до чего мог дотянуться. И всё то время, как мы предавались воспоминаниям её мелодичный смех разносился по заставленной свечами комнате.

Не вызывало сомнений, что Катерина была красавицей, с длинными как у Барби ногами, безупречным телом и золотой копной волос. Но сама она так никогда не считала.

— Я не понимала, что красива. Я знала, что каким–то образом привлекаю к себе внимание, но не понимала как. Моя мать постоянно называла меня гадким утёнком. Даже будучи молодой женщиной, я воспринимала всё как подачки. И даже уже работая моделью у Вильгельмины и получая со всех сторон знаки внимания, я считала их своей выдумкой и чувствовала себя, и чувствую до сих пор, величайшим самозванцем.

Милая её натура изобличает детство полное террора со стороны практически чужой ей своей матери Дианы, певицы фолк. Она творила невообразимые вещи со своей милой малышкой, например, оставляла её у каких–то странных соседей или учила находить дорогу домой. К своим одиннадцати Катерина расцвела и обещала быть красавицей, что вызывало в будущем отвратительные приступы ревности у её матери. Когда она вернулась из школы со сломанной рукой, Диана не отвела её к доктору, а приказала перегладить целую кучу постиранного белья. И может быть, даже к лучшему, что Диана отправила её в детский приют, где она провела почти всё своё детство, до того как обратиться на Восток в поисках спасения.

Несчастными и слишком короткими были отношения между её родителями, и отца она редко видела, и мне было интересно,

не стало ли его постоянное отсутствие причиной растянувшегося–на–всю жизнь влечения её к на вид недостижимым мужчинам.

— В то время моя мать была замужем за Трависом из Bud and Travis. Вокруг неё всё время крутились знаменитые люди — Леон Расселл, Хойот Акстон, Томми Бойс и Бобби Харт — мне не нужно было никуда идти. Все герои обитали на нашей кухне. Я была окружена богемой фолк–мира и из них составлялась моя собственная Вселенная. Питер Ярроу из группы Peter, Paul and Mary опекал меня в четырнадцать. Нет никаких подтверждений этому, и никто его за этим не застал, да и он сам не распускал о себе подобные слухи, но определённо его интересовали четырнадцатилетние.

Диан была успешной певицей–фолк и записала альбом для Электры Dian and the Greenbriar Boys, а её продюсер Джим Диксон (позднее менеджер Byrds) был часто бит юной Катериной.

— Он завладел моим вниманием, обликом защитника–отца, в котором я отчаянно нуждалась. Я всё ещё была слишком юной, чтобы понимать любовные вибрации, и они проходили мимо меня. Высвободив меня из Лос–Падринос, одного государственного учреждения, меня послали учиться в один частный сиротский приют в Западном Лос–Анжелесе. Я звонила Джиму несколько раз в неделю с телефона–автомата. Однажды в трубке я услышала незнакомый голос. «Кто это?» — спросила я. «Это Боб». «Какой Боб?» — удивилась я. «Боб Дилан — разве ты ничего обо мне не слышала?» «Нет, я всего с минуту говорю с тобой. Могу я поговорить с Джимом?» Ещё Джим был фотографом и сделал несколько моих чёрно–белых фотографий; он их увеличил и развесил по всем стенам. Мне было всего тринадцать, но на них я выглядела на все шестнадцать–семнадцать. И поэтому Боб сказал: «Ладно, а со мной не хочешь поговорить?» «Нет, и раз ты зовёшь Джима, я вешаю трубку». Монеты хватала всего на две минуты, поэтому я и прервала разговор с Бобом Диланом».

Джиму разрешалось забирать Катерину из приюта на выходные, и однажды они поехали в колледж Санта–Моники послушать одного начинающего фолк–певца. «После концерта мы зашли за кулисы, и Джим познакомил нас. Боб пожал мою руку и сказал: «Намечается вечеринка. Не согласишься составить мне компанию?» Мне было всего тринадцать, а сам он не спросил, я выглядела старше своих лет, думаю, потому что росла среди взрослых. Перед тем как отправиться на вечеринку мы остановились у магазина. Я уже курила и сказала Бобу, что хотела бы Мальборо, пожалуйста, а он пошёл и купил мне целый блок. Что–то вроде: «О, боже, целый блок!» Я впервые в жизни держала в руках целый блок сигарет.

Несмотря на то, что Катерина тщательно спрятала блок за подоконник, смотрительница при обходе обнаружила и конфисковала эту утаенную контрабанду.

— Я вскричала: «Вы не имеете право! Это подарок Боба Дилана!

Когда будущий бард бывал в городе, на выходных забирал Катерину он. «Помню, как–то раз Боб заехал за мной, а на нём отличный пиджак из мягкой замши, я таких ещё никогда ни на ком не видела. «Поехали, купим тебе такой же!» У меня невольно брызнули слёзы, у меня ещё никогда не было ничего своего. Мы поехали к Фреду Сигалу, который в те времена был ещё крошечным магазинчиком на бульваре Санта–Моника, что называется «норой–в–стене». Мы перерыли все размеры, но, что толку в моём росте — они все мне были велики. В другой раз мы отправились на набережную Санта–Моники в одно необычное маленькое кафе. Только что вышел его альбом, который так и назывался — Bob Dylan, ещё до его невероятного Freewheelin'. С ним были две сумки, битком набитые его стихами. Только что вышли She Loves You и I Wanna Hold Your Hand, и мы, опустив пару десятицентовиков в автомат, проболтали о Битлах весь вечер. Ему нравились их аккорды и в особенности неожиданные переходы. Затем плавно перешли к разговору обо мне, чем я собираюсь заняться и почему я живу в приюте. Он на многое открыл мне глаза, ещё сказал, что однажды моя всесилная матушка останется в одиночестве, и что придёт время и я прощу её. Ещё сказал, что она, по–видимому, ни разу не испытав чувства любви, вынуждена жить в аду, который сама и создала. Я тогда подумала про себя «Ты совсем не знаешь мамы, она никогда не останется одна. Она такая красивая, сильная и таинственная». Ещё я подумала, что он так говорит, потому что никогда не видел её, но он как будто заглянул в будущее. Прошло время и моя мать оказалась в совершенном одиночестве.

Последний раз они виделись в Лос–Анжелесе, и Дилан подарил ей ещё один мудрый совет, который эхом пронёсся через всю её жизнь.

— Он сказал: «Это единственная жизнь — и это твоя жизнь». Для тринадцатилетней девочки это было сравни таинственной криптограмме, но я поняла главное. Я — свободна.

Её обожаемая бабушка Мими пыталась оформить опёку над Катериной, но когда это ей не удалось, непокорную девочку определили в Лос–Падринас, приют со строгим режимом, или, по её словам, «детская тюрьма с ключей проволокой». Здесь и родилась идея побега.

— Я поднялась наверх, побросала свои вещи в сумку из

мексиканской соломки и вышла через чёрный ход. Это был мой собственный выбор. Я решила ехать в Нью–Йорк, петь в Гринвич—Виллидже и, может быть, увидеть снова Боба. Сперва я навестила своё секретное убежище, Трубадур, где пела с Дэвидом Кросби. Там все ко мне относились со снисхождением из–за моего отчима Трависа, который там постоянно выступал. Полиция вместе с соцработниками уже искали меня. Теперь или никогда. Я села рядом с одним парнем, который пришёл посмотреть Ramblin' Jack, они как раз играли последний бис. Копы стали всем показывать мою фотографию, и я сказала ему: «Притворитесь, что я с вами». Он обнял меня, и я немного сползла со стула и сказала ему: «Мне необходимо исчезнуть. Полиция меня ищет». На аплодисментах мы поднялись, он накинул на меня свой плащ, как если бы мы были парой и выскользнули через чёрный ход.

Этим вечером Майкл Стюарт из фолк–группы We Five стал её изящным спасателем. Он познакомил её со своим братом и некоторое время она жила в семье Джона Стюарта и помогала им с их малышами. Но когда она услышала, что распространили её полный бюллетень, она стопом уехала в Беркли. Далее ещё больше, вплоть до путешествия в Массачусетс, которое приблизило её к цели — Гринвич–Виллиджу.

— С двадцатью долларами в кармане меня высадили на углу Бликер и МакДугал. Я хотела петь фолк и снова увидеть Боба Дилана. Конечно, к этому времени Боб уже стал всемирно известной величиной, а я не знала ни души на этой Бликер–стрит. И я сказала себе: «Думаю, что это то самое место», а кроме меня сомой у меня ничего не было.

Катерина говорит, что никто не может поверить в то, что произошло потом.

— Вообще–то я никогда никому не рассказывала об этом, потому что всё это звучит совершенно невероятно. Солнце садилось и мне стало немного страшно, потому что идти мне было некуда, я никого не знала, а денег на гостиницу у меня не было. Я подошла к группе подростков, таких же как я, сидящих на степенях лестницы, и обратилась к ним: «Я из Калифорнии. Здесь я никого не знаю, но ищу Боба Дилана». Они понимающе закивали мне: «О, да, конечно, Боба Дилана». Машины ползли еле–еле, и прямо рядом с нами одна из них остановилась, в ней сидел Боб! И я воскликнула: «Вот же он!»

Я была поражена, и спросила, почему она не включила этот эпизод в свою книгу.

— Потому что всё это звучит выдумкой. Но могу поклясться на Библии — там был он, на углу Бликер и МакДугала. Я подбежала к машине, он открыл окно и я сказала ему: «Боб, я

добралась до Нью–Йорка! А он ответил, что прямо сейчас едет в аэропорт на гастроли. Пробка рассосалась и движение медленно стало восстанавливаться, и тогда я сказала, «Окей, до скорого! " и всё. Его машина влилась в общий поток.

Но тут до Катерины донеслись звуки музыки, которые привели её к скверу на площади Вашингтона и её страхи испарились.

— Там было вроде сборища хиппи, у каждого была с собой гитара, каждый играл и все были похожи на Дилана, в небольших кепи и играющих на губной гармошке. Я познакомилась с этим парнем, Биллом Миллером, он играл в группе American Dream и был так красив, как могут быть только мальчишки в нежном возрасте. Он жил на Восьмой авеню на шестом этаже в доме без лифта, и когда я сказала ему, что мне негде остановиться, он тут же предложил: «А почему бы тебе не остановиться у нас?» Так я поселилась у него и всей его пёстрой группой.

В Нью–Йорке она быстро нашла себе подруг, одна из них, Эмеретта Маркс, печально известная групи, взяла её с собой в театр RKO, где Смоки Робинсон в это время должен был проверять звук.

— Мы пришли не из–за того, чтобы познакомиться с музыкантами, — подчеркнула Катерина. — Нам хотелось только посмотреть их выступление. На сцене играли Cream и Who, но тогда я о них ничего не знала. Я пришла из–за Мича Райдера и из–за Смоки, который мне тогда очень нравился.

Другую подругу звали Лиз Деррингер и она нечаянно познакомила Катерину с её судьбой.

— Лиз тусовалась с одной английской группой, и она сказала мне: «Я познакомилась с одним англичанином, его зовут Денни и он из группы Moody Blues, и он такой милый. Они устраивают вечеринку, хочешь пойти?» Я пошла, но когда пришёл Денни, то «А-ах…» — такое случается, и мы напрочь забыли про Лиз.

Moody Blues в Нью–Йорке оставались целых две недели с серией концертов для Мюррей Кейс и Британского Вторжения, так что и Денни, и Катерине было достаточно времени, чтобы окунуться друг в друга. Ей ещё не было и пятнадцати, но сказала ему, что уже восемнадцать, хотя он и не спрашивал.

— Мы занимались этим до самого рассвета, я влюбилась как никогда. Но я просыпалась раньше него, чтобы подвести глаза и приклеить ресницы: ну вылитая Мэри Квон, чтобы он не догадался, сколько мне лет. Затем я прыгала снова в постель, будто так спала всю ночь. Я считала, что если он увидит меня не накрашенную, он сразу поймёт, что я была ещё совсем ребёнком.

По окончании гастролей Moody Blues Денни взял свою новую

пассию на отдых в Пуэрто–Рико. Но там, на пляже её хитрости не помогли и, когда остальные члены группы увидели Катерину, ему пришлось срочно отправить её обратно в Нью–Йорк.

Через океан понеслись письма, полные страсти и любви.

— У меня не было сил признаться Денни, поэтому всеми способами старалась не касаться этой темы. Но когда он сказал, чтобы я прилетела к нему в Лондон… я же всё ещё была в бегах и разрешения покинуть страну мне бы никто не выдал.

Когда в Лос–Анжелесе спала жара, Катерина вернулась и её приютил Джонни Риверс. За жильё и еду она стала его домашней хиппи, ведущей хозяйство.

— Мы с Денни всё это время были на связи и, как только мне исполнилось шестнадцать, он прислал мне вызов. Но в Лондонском аэропорту оказалось, что у меня должен быть обратный билет, поэтому таможенник сообщил мне, что я должна тут же отправляться обратно: «Вам шестнадцать и у вас нет ни обратного билета, ни документа, подтверждающего место жительства у нас в стране». Я была близка к обмороку, как только подумала, что они сейчас начнут наводить справки. Но что ещё хуже позвонят моей матери. Все уже прошли паспортный контроль и Денни, не дождавшись, пошёл мне навстречу: «Что случилось, любовь моя?» И когда ему сказали, что следующим же самолётом я лечу обратно, в Лос–Анжелес, он сказал им: «Я поручусь за неё. Она остановится в моём доме и я куплю ей обратный билет». Но тут один из офицеров обернулся в нашу сторону и спросил: «Э, да вы не Денни Лейн? Это вас я видел в Top of the Pops? Мне очень понравилась эта песня — Go Now».

Итак, шестнадцатилетняя Катерина попала заграницу, ничего толком не зная о своём принце.

— Что я о нём знала? Что он очень мил, что он — англичанин и что живёт он в Лондоне. Всё это очень было заманчиво для девочки–подростка из Калифорнии. Я просто сходила с ума от него, или, может быть, это была ещё не испытанная мною химия секса?

Для Катерины всё в Лондоне предстало в розовых тонах, весь это бурлящий разноцветный поп–рай.

— Мы ходили домой к Джорджу Харрисону, где они записывались. Мы болтались по клубам и тусовались с Полом МакКартни, и танцевали с Ринго и Морин. Я сдружилась со всеми Битлами! Мы глотали кислоту вместе с Брайаном Джонсом и курили траву с Джорджем и Патти Харрисонами.

К несчастью, всё вскоре обернулось для неё дурной стороной. Катерина настолько привыкла к оскорблениям, что и со стороны Денни стала испытывать на себе его перепады настроения.

— Невероятно обидно, но не могу сказать, что неожиданно проявился характер Денни. Он оказался патологическим собственником, неуверенным в себе жутким ревнивцем. Затевая ссоры, он превращался в разъярённого быка. Совсем, как моя мать — он лишался разума и беспричинно бил меня. Грустно, но я приучена была с детства к плохому обращению. Но я всё время думала, что смогу победить в нём этого зверя и он прекратит побои. Я старалась не смотреть ни на кого, но он всё равно не верил в мою к нему любовь. Однажды он погнался по Хай–стрит за автобусом только потому, что какой–то парень присвистнул, заметив меня, и не дай бог, мне улыбнуться кому–нибудь — вспыхивала настоящая война. Мне приходилось ходить с опущенной головой, только чтобы сохранить мир. Я чувствовала себя как в тюрьме.

Денни был безумно рад, когда Катерина сказала ему, что беременна, но радостное ожидание ребёнка не смогло умерить его вспышки гнева.

— Дни шли за днями. Я любила его, или, по крайней мере, думала, что любила. Несколько раз я уходила от него, когда была беременна, но всё время возвращалась.

Она уехала в Нью–Йорк, сняла квартиру, стала работать моделью, но Денни обещал измениться и убедил Катерину родить в Англии.

— Он обманул меня. Наши ссоры привели к тому, что я уехала в Нью–Йорк ровно с тем, с чем когда–то оттуда уехала. Его раздражало, что я ходила на работу, так как, по его мнению, я там находилась слишком долго. А когда пришло время рожать, он возмущался: «Либо мы едем в больницу, либо ложимся спать, выбирай!» Дамиан родился точно в срок, но гордый отец не отступился от своего низкого, подлого ревнивого характера.

Но нашёлся ещё один платонически влюблённый в неё избавитель, пока Катерина безуспешно всматривалась в своё будущее.

— Мой друг Джимми Уэбб, поэт–песенник, приехал в город продвигать MacArthur Park для Ричарда Харриса. Он всегда был мне очень симпатичен и, увидев моё несчастное положение, безапелляционно заявил: «Ты возвращаешься со мной в Калифорнию». И какое–то время я жила в огромном доме Джимми по соседству с Оззи и Харриет, в Голливуде.

Веря, что совершила доброе дело, расставшись с Денни, Катерина сняла в Голливуде квартиру, взяв себе в компаньонки свою подругу Линду Лоренс, ребёнок который только начинал ходить. И надо сказать, что сына она родила от Брайана Джонса. Теперь эти две одинокие рок–мамочки по очереди могли сидеть с

малышами и Катерина нашла себе работу в одном из самых революционных клубов того времени — Thee Experience.

Существование маленького Дамиана не останавливало намерений обожателей Катерины.

— В парнях это даже ещё более разжигало интерес к нам, потому что мы с ней были без пяти минут семейными дамами. Они видели во мне молодую девушку со своим собственным ребёнком и им хотелось обнять меня и моего херувимчика и заключить нас в свои объятия.

Однажды, уже поздним вечером один человек пришёл в клуб, когда Чак Берри уже исполнял бисы.

— Выступление вот–вот уже должно было окончится, так что я сказала этому красавчику, что он может уже не покупать билета. Вместо этого он сказал: «Когда кончается твоя смена?» У меня оставалось всего полчаса, но я ответила ему, что «прямо сейчас». Это было мгновенное решение.

Катерина и этот молодой привлекательный поэт–песенник, Джаксон Брауни, быстро стали единым целым.

— У него было доброе сердце. Он заботился обо мне, отвозил меня на работу, а поздней ночью забирал, чтобы со мной по дороге ничего не случилось. Ещё до своей первого большой пластинки он уже писал очень красивые песни. Он часто пел мне Doctor My Eyes и Jamaica, Say You Will, аккомпанируя себе на пианино, хотел, чтобы его песни исполняли, и мы часто бывали в гостях у его друзей–музыкантов, где он пел для них. Помню, как он уговаривал Риту Кулидж записать кое–какие из его песен. Но я всё твердила ему одно: «Джаксон, ты должен сам петь свои песни, не следует тебе ими бросаться».

Катерина рассказывает, что между ними любовь возникла сразу, внезапно.

— Он посвятил мне одну очень красивую мелодию и назвал её Under the Falling Sky. Она начинается словами:

> В кармане у меня ради тебя молнии
> И гром за голенищем сапога
> Страшиться больше нечего
> Особенное здесь, что
> Хочу показать тебе
> Ангелы наши только и ждут
> Чтобы унести нас в свои Небеса.

Джаксон был очень мил, и романтичен, именно с ним бы я осталась навсегда.

С год она не слышала ничего о Денни, пока одна их общая

подруга не дала ему её номер телефона.

— В душе с ним у меня уже было всё покончено, но он стал звонить мне и умолять вернуться. Он работал в новой группе, Air Force, с Джинджером Бейкером. Рассказал мне о доме в деревне увитом плющом, ещё сказал, что на день рождения собирается купить мне Ягуар. В итоге убедил меня словами о сыне, что хочет видеть его рядом с собой и хочет сам его воспитывать. Я сдалась и оставила Джаксона. Он очень расстроился, но держался молодцом, настоящий джентльмен. Он даже проводил нас и посадил на самолёт.

Жизнь в английской глубинке обернулась не такой уж романтичной и уютной, какой описывал её Денни.

— Отопления не было, мне всё время приходилось поддерживать огонь в каминах, таскать огромные тяжёлые корзины с углём. Английские ванны — громадны. Приходилось поднимать наверх и кипятить до пятнадцати вёдер, чтобы наполнить её хотя бы до половины. Мы жили без ссор, одни в этом громадном доме, но я постоянно мёрзла там и уговорила Денни снять для нас небольшую зимнюю квартирку в Лондоне.

Одна из девиц из подпевки ушла из Air Force и ей срочно искали замену. Катерину прослушал Джинджер Бейкер и она неожиданно для себя стала певицей в рок–н–роллном ансамбле.

— Мы гастролировали вместе с Эриком Клаптоном, Джими Хендриксом, Эриком Бёрдоном и Донованом. Всё было замечательно, кроме одного: Денни снова стал бить меня, и с этим мы ничего не могли поделать. Я снова ходила с опущенной головой, чтобы ни с кем не встретиться взглядом, из–за его дурацкой ревности.

Air Force заказали билеты на Куин–Элизабет–2, чтобы морем отправиться на Американские гастроли, когда Джинджер Бейкер вдруг, неожиданно для всех изменил своё решение.

— Накануне отплытия Джинджер Бейкер объявил нам, что едет один, и едет он в Нигерию, хочет играть там с нигерийцами на барабанах и что гастроли отменяются. В тот же самый день приятель Денни, Нэд Дохини, прилетел в Лондон и позвонил, сказать привет. Подняла трубку я и стала ему что–то отвечать. «Кто там ещё?» — вспылил Денни, а когда я сказала, что это один из калифорнийских друзей, он замахнулся и с силой ударил меня по лицу.

Катерина убежала через окно в ванной комнате, пробралась вдоль стены и прыгнула в такси. Кровь текла ручьём и таксист отвёз её в ближайшую больницу, не взяв с неё ни пенни. Там ей зашили пятью большими стежками порванное веко над левым глазом. Сумки у неё были уже собраны и, схватив Дамина, она

ушла от Денни в последний раз. Невинный флирт с Джином Креллом из «Бабули» незамедлительно изменил своё направление и с этого же вечера она осталась жить у него в доме на площади Карлайл. Месяцем позже я прилетела из Калифорнии и пару–тройку месяцев мы жили одной большой роскошно–одевающейся чокнутой семейкой.

Роман с Джином не мог продлиться долго, потому что Денни всё ещё гонялся за Катериной по всему Лондону, грозя расправой и грязно ругаясь. Я хорошо запомнила тот день: мы мирно шли, утюжа Кингс–роуд, как вдруг откуда–то выскочил Денни и стал пытаться вырвать Дамиана из её рук.

— Денни ехал со своим отцом на Бентли, а мы бежали от них по тротуару. Я собиралась отвезти Дамиана в Америку и хотела в тот вечер в последний раз зайти в Спикизи. Меня посадили прямо напротив Эрика Клаптона и, конечно же, он увидел эти страшные стежки, сделанные чёрной ниткой, и спросил: «Кто это тебя так? Ты вся такая бледная». Я рассказала ему о Денни и сказала, что уезжаю в Америку. Тогда он сказал: «Так, никуда ты не едешь, будешь жить у меня в Хертсвуд—Эдже». Он забрал все мои сумки и чемоданы с Кенсингтона и отвёз нас к себе в Суррей и я провела там всё лето в качестве его домоуправительницы и верного друга.

Никаких ханки–панки между Катериной и богом гитары не было, потому что бог этот глупел от одного вида другой музыкальной музы. Катерина была не только шеф–поваром Клаптона, она стала его доверенным лицом.

— Эрик был влюблён в Патти Бойд–Харрисон, но это было их большой тайной. Я слушала, как он писал Layla, и я единственная знала, что посвятил он её Патти. Даже никто из его группы не догадывался об этом.

Она рассказала мне, какие вкусности она готовила для ребят, которые все жили в это время в этом доме. И мне стало интересно, где она научилась готовить так хорошо в свои девятнадцать. Она рассмеялась и сказала:

— В ресторане Алисы. Всем нравилась моя стряпня и мне нравилось этим заниматься, живя в деревне — со всей этой восхитительной музыкой! Дамиан выучился там ходить и разрисовал у Эрика в доме все стены. Собаки резвились в саду, а я была единственной леди во всём поместье. Денни всё ещё старался умаслить меня и я разрешила ему брать Дамиана на день–два к себе.

Это произошло в один из таких вечеров, когда Дамиан отправился к отцу.

— Эрик устроил большой приём в честь своего барабанщика Джима Гордона. А как же иначе, не пропустить же день

рождения? Приехали все. Ну и конечно же, и Джордж Хариссон с Патти. Я очень обрадовалась, когда приехал Мик Джаггер. Он и раньше приезжал к Эрику, и несмотря на то, что мы толком с ним никогда не общались, знали мы о друг друге всё. Ему было достаточно знать, что у Эрика живёт одна девушка, которая ему нравилась. Там вечером кто–то зарядил шприц мескалином, и прежде чем мы узнали об этом, все уже были хороши. Было уже довольно поздно и я подумала, что неплохо было бы позвонить Денни и пожелать Дамиану спокойной ночи. (74) Я ушла в кабинет, но слышано было, как Джордж сказал: «Вот, послушай, я сочинил новую песню» и он заиграл Клаптону My Sweet Lord, затем к нему присоединились и остальные. Уму непостижимо. Слушать такую замечательную музыку, звуки которой разносились по всей округе. Только я дозвонилась до Денни, как кто–то вошёл в кабинет. Я слышала, как закрылась дверь и этот кто–то подошёл и встал совсем рядом за моей спиной. Мескалин начал действовать, я повернула голову и увидела прямо перед собой в ломаную клетку брюки. Чёрно–белая материя психоделически волнами расползалась у меня на глазах, я подняла голову, это Мик стоял там. Он точно знал, где меня найти; и он нашёл меня в этой маленькой комнате. Вибрации были слишком высоки, и я сказала Денни, что вешаю трубку, он возразил: «Почему?» «Просто я должна освободить телефон». Он пытался настаивать: «Нет, я не хочу, чтобы ты вешала трубку». Но я сказала: «Мне пора идти… прощай!» Музыка разлилась по всему дому, и когда я, наконец, повесила трубку, Мик подхватил меня, прижал к стене и стал страстно меня целовать.

И пока группа играла, и пока разыгрывалась в другом помещении драма Эрик/Патти/Джордж/Лейла, Катерина буквально не чувствовала своих ног.

— Мик был невероятно страстен, я была сражена. Он зацеловал меня, и мы медленно съезжали по стене вниз, пока не оказались оба на полу, в страстных объятиях. Заем мы вышли в сад и тропинка привела нас к беседке, в которой стояла садовая скамейка, как раз для нас двоих, и мы целовались на ней как подростки. Должно быть, прошло много времени, потому что когда мы вернулись в дом, многие уже отправились спать. Мы отправились в мою комнату и любили друг друга, пока не взошло солнце.

Мик позвонил мне позже в тот же день и пригласил нас с Эриком на концерт Стиви Уандера. Я одела свою самое лучшее шёлковое, отделанное бархатом платье и серебристые со звёздами и полумесяцами сапожки на платформе.

После этой ночи они часто перезванивались и говорили друг

другу всякие нежности.

— Чтобы увидеться снова с Миком, я стала часто ездить поездом в Лондон. В итоге, после нескольких свиданий, я осталась на ночь у него в доме. Это был его день рождения, и он устроил великолепный приём. Ему тогда исполнилось двадцать пять. Хочешь верь, хочешь не верь, но мы проболтали в кровати не меньше часа, перед тем как приступить ко всему остальному. И я подумала тогда, «О, мой бог, вот это наконец и произошло». И конечно, всё это было просто невероятно красиво.

Катерина встала и принесла ещё нам по бокалу мартини.

— Если честно, то невероятно счастливо складывалась моя жизнь, — произнесла она, улыбаясь. — Я поняла, что всё могу. — Она сделала маленький глоток. — После пяти свиданий Мик попросил меня переехать к нему жить.

Вместе со своим обожаемым малышом Катерина перемещала за собой все свои накопленные к этому времени материальные блага из одного места обитания бога рок–музыки к другому богу.

— Дамиану было около двух лет и Мик влюбился в него. Он был так мил с ним. Он любил показывать ему всякие фокусы и часто меня спрашивал: «Где ты нашла Дамиана? Где растёт та шелковица, под которой ты нашла его!»

Я уже представила себе, как, должно быть, счастливо могла бы сложиться их жизнь с самой желанной для всех рок–звездой планеты.

— Мы часто гуляли по Челси, он рассказывал мне об архитектуре, показывал старинные каретные сараи, он знал кто, где и когда жил в каждом доме. Я от него впервые услышала о английских прерафаэлитах. Мы часто ужинали в маленьких ресторанчиках, которые даже не были обозначены на карте, в местах, о существовании которых никто из наших знакомых даже не предполагал. Мы проводили много времени, оставаясь просто дома и слушая музыку, курили, пили шампанское. Мик ставил мне пластинку Джеймса Брауна и подражая ему, танцевал для меня. Мы переслушали всего Стивена Стиллза, Грэма Парсонса, Клиффтона Шенье и всех тех старых блюзменов, музыку которых он так обожал.

Но как долго могло продолжаться такое рок–н–ролльное блаженство?

— После того как я переехала к нему, прошло два месяца и Камни начали собираться в Европейские гастроли, первым городом которых должен был стать Брюссель. У меня ещё сохранился билет до Калифорнии, купленный мною ещё до того, как увидела Эрика в Спикизи и решила его использовать, пока Мика не было дома. Но перед тем как уехать в Брюссель, Мик

предложил мне слетать в Париж на выходные и мы остановились у Джонни Холлидея, этого Французского Элвиса, и отлично провели время. В самом деле, всё было так замечательно! Дом Джонни был очарователен, он располагался во французской глубинке и мы часами бродили по лесу, собирая трюфели. Вечерами мы заходили в настоящие деревенские таверны и заказывали себе карпаччо. Вернувшись в Шайен–Уолк, у нас с ним оставалась только одна ночь, и наутро он, на прощание поцеловав меня, уехал на гастроли. Я даже толком не успела проснуться. Я так и осталась лежать в постели, снова провалившись в сон.

Во время короткого, как она сама сначала думала, своего пребывания в Лос–Анжелесе, Катерина стала встречать в газетах фотографии Мика вместе со смуглой, тёмноволосой дамочкой, выглядевшей очень даже по–стоуновски.

— Первое время он звонил мне часто, затем всё реже и реже, а вскоре и вовсе перестал звонить. Я позвонила выяснить, верно ли то, что пишут о нём в газетах. Трубку сняла она: «Алло» и я тут же нажала на рычаг. Я не приняла это близко к сердцу, потому что у нас с ним не было ни ссор, ни трагических расставаний. Не было выяснений отношений. Просто всё кончилось.

Существование Бьянки явно сократило круг общения Мика, потому что и я попала в похожую ситуацию, когда позвонила ему примерно в это же время. К телефону подошла Бьянка и зло так произнесла: «Не вздумайте сюда звонить больше».

Если не считать случайной встречи с Джимми Пейджем, у Катерины не было больше свиданий с музыкантами с 1971 года. К этому времени она столько перевидала рок–н–ролла, что для других этого могло бы хватить на несколько жизней. Она решила раствориться в деревне, забрала Дамиана и провела одна следующие семь лет в Коннектикуте в одиноко стоящем на берегу живописного озера доме.

— У меня был Джимми, у меня был Денни, у меня был Джаксон, но с девятнадцати я уже не вела рок–н–ролльный образ жизни. Я выкурила несколько центнеров травы и торчала на кислоте. И, возможно, уже бы умерла, если бы продолжала в том же духе. Я поселилась в самом сердце нигде, вдали от дорог. Я сделала это ради Дамиана, так как хотела вырастить его здоровым человеком. Меня даже звали в Париж, работать моделью, я не была в состоянии найти подходящую ему няню. Я стала работать моделью Вильгельмины на Манхэттене, только из–за денег. Мне приходилось ездить туда на поезде вместе с сыном.

Поразительно, но Катерина теперь бабушка для шестнадцатилетнего сына Дамиана.

— Мы каждый день перезваниваемся с Дамианом, ему уже тридцать восемь и он часто вспоминает в разговоре со мной своё детство, проведённое среди удивительных людей.

Джими Пейдж пару раз навещал Катерину в её брукфилдском убежище, во время своих лимузиновых прогулок, и в 1973 году, занятая на съёмках в Нью–Йорке мыльной оперы Search for Tomorrow, я нанесла ей визит с одним своим приятелем по съёмкам, ставшим в будущем её мужем.

— Да–да, спасибо тебе, Памела, за то, что погубила мою жизнь, — усмехнулась она. — Я провела шесть лет с Джо, затем пять со Стивеном, моим самым занятным английским мужем.

Сегодня она счастлива, мастерски жонглируя своим квартетом поклонников. Катерина не Катерина, если у неё не будет влюблённых в неё до безумия пары ковбоев, болтающихся на коротком поводке.

Её последняя встреча с гитарным волшебником Цеппелинов произошла лет десять назад. После ужина Джимми потянул за все романтические ниточки и Катерина готова была уже почти сдаться во власть волшебника.

— Спасибо мадам Добродетели, что вовремя меня одёрнула. Он выглядел чужим, но его глаза… они по–прежнему околдовывали меня. Я чуть не потонула в них. Это был точно мой мистер Пейдж. И я подумала, «А почему бы и нет?». Но затем, «Н–н–е-е-т». Он по–прежнему был опасен. Граната, зажатая в руке.

Музыка продолжает вершить жизнь Катерины. Когда бы ни приезжал Эл Грин в город, она в центре, в первых рядах, раскачиваясь в такт музыки в полуобморочном состоянии. Среди семейных фотографий на её рабочем столе есть совсем недавнее фото с Смоки Робинсоном с одного благотворительного вечера, на котором они оба были.

— Я восприимчива ко всем звукам, с самого моего рождения. Моя прапрабабушка была скрипачкой и играла в симфоническом оркестре, мой прадед был концертирующим пианистом; а дед — играл почти со всеми биг–бэндами своего времени и писал музыку в стиле буги–вуги. Я скучаю без звуков гитары или рояля в моём доме. Я теряю смысл жизни, когда вокруг нет музыкальных вибраций. Более того, я была прямо в самом центре, в самой гуще, в самом котле музыкальной революции, которой удалось изменить мир к лучшему.

Catherine James
Dandelion, a Memoir of a Free Spirit
St. Martin's press, New York, 2007
ISBN-13: 978–0-312–36781–7
ISBN-10: 0–312–36781–3

Переводчик: sasikainen